

SONS OF

SONS OF

The
WARRIOR

a novella

ENCOURAGEMENT

Вторая книга из серии «Сыны ободрения»

ФРАНСИИ
РИВЕРС

Франсин Риверс

Воин

Scan: Ирина Скобленко,

для группы «Творчество Франсин Риверс» на vk.com,

OCR & SpellCheck:TANYAGOR

«THE WARRIOR» by Francine Rivers, 2005

Пер. с англ. Москва: CER/РХО, 2008. — 304 стр.

ISBN 1-933479-11-6 (рус.)

ISBN 0-8423-8265-8 (англ.)

Аннотация

«Воин» — вторая книга из серии «Сыны ободрения». В этой исторической повести Ф. Риверс мастерски рисует портрет Халева, человека, о котором Бог сказал, что в нем был «иной дух». Халев жил по заповеди Божьей: «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Пусть его пыл и готовность исполнять волю всемогущего Бога вдохновляют и наше следование за Господом и Спасителем Иисусом Христом.

В конце книги — материал для библейского изучения.

Благодарность

Хочу поблагодарить Пегги Линч за то, что она выслушивала мои идеи и подталкивала меня идти все дальше в написании этой книги. Также хочу выразить признательность моему редактору Кейти Олсон за ее упорный труд над моими проектами и всех сотрудников издательства «Тиндэйл» за проделанную ими работу, чтобы повести этой серии дошли до читателей. Это от начала до конца результат наших совместных усилий.

А еще хочу поблагодарить каждого, кто молился за меня на протяжении нескольких лет и во время работы над этим проектом. Пусть Господь использует эту повесть, чтобы привлечь людей к Иисусу, нашему возлюбленному Господу и Спасителю.

Предисловие

Дорогой читатель!

Это вторая из пяти повестей о библейских мужах веры, служивших в тени других. Они были людьми Востока, жившими в древние времена, и все же их истории не так уж далеки от нашей жизни. Эти герои находились между жизнью и смертью. Были смелы и мужественны. Они рисковали.

Совершали неожиданные, отчаянные поступки. Проявляли отвагу, но порой ошибались, допуская серьезные промахи. Они не были совершенны, и все же Бог, по Своей бесконечной благодати, использовал их в Своем совершенном плане, чтобы открыть Себя миру.

Мы живем в отчаянное, тревожное время, когда миллионы людей ищут ответы на множество вопросов. Эти мужи веры указывают нам путь. Уроки, которые они могут нам преподать, актуальны сегодня так же, как и в те времена — тысячи лет назад.

Герои повести — реальные исторические персонажи, люди, действительно жившие на земле. Их жизнеописания, сделанные мною, основаны на библейских текстах.

Факты, известные нам о жизни Халева, вы сможете найти в книге Чисел, Иисуса Навина и в начале книги Судей.

Эта книга — историческая художественная повесть. Главная идея и сюжет взяты из Библии. Я начинала с фактов, предоставленных Писанием, а потом, основываясь на них, воссоздавала действия, диалоги, описывала внутренние мотивации, рассуждения, а иногда и дополнительных персонажей, которые, как мне кажется, подходящим образом вписываются в библейскую канву. Я старалась по всем аспектам придерживаться текста Писания, добавляя только необходимое — для лучшего понимания.

В конце каждой повести мы присоединили раздел изучения Библии. Когда мы говорим о библейских личностях, то главным документом и источником сведений является само Писание. Обязательно читайте его для лучшего понимания данной повести. Молюсь, чтобы, читая Библию, вы осознали целостность, последовательность и непреложность Божьего вечного плана, в котором Он задействовал и вас.

Халев жил по заповеди Божьей, записанной во Второзаконии 6:5: «Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими». Пусть его пыл и готовность исполнять волю всемогущего Бога отличают и наше следование за нашим Господом и Спасителем Иисусом Христом.

Франсин Риверс

На заметку читателю

Богословы иногда расходятся во мнениях о том, был ли Халев, чье родословие записано в 1 Паралипоменон 2, тем же Халевом, который отправился соглядатаем вместе с Иисусом Навином, о чем говорится в Чисел 13. Нам известно, что у Халева-соглядатая была дочь Ахса (Нав. 15:16), и у Халева из 1 Паралипоменон 2 тоже была дочь Ахса (1 Пар. 2:49). На основании этого соответствия и исходя из цели данной повести, автор выбрала точку зрения, что в обоих случаях речь идет об одной и той же личности. В связи с такой трактовкой выражение «Халев, сын Иефонниин» следует понимать как «Халев, потомок Иефоннии».

Посвящается мужам веры,

служащим в тени других.

* * *

Глава первая

— Бегите!

Никто не услышал, поэтому Хелувай вложил пальцы в рот и пронзительно свистнул. Его родственники подняли головы. Он показал на чернеющее небо. Они посмотрели вверх.

— Быстро бегите в дома!

Все — мужчины, женщины и дети — бросили мотыги и побежали что есть силы. Побежал и Хелувай. Он был дальше всех на фараоновом поле, и ему предстояло пробежать самое большое расстояние. Черные клубящиеся тучи двигались с пугающей скоростью, закрывая солнце и обдавая холодом землю. Может, это громадный лев Бога издает свой страшный рык? Крича и закрывая руками головы, его родные бежали так быстро, как только могли.

Огненный зигзаг, блеснув, ударил в середину ячменного поля. Тут же вспыхнуло пламя, которое стало быстро поглощать созревшие колосья. Что-то больно ударило Хелуваю по голове. Последовали новые удары, словно чья-то рука сверху бросала на него камни. Становилось все холоднее, и вскоре он заметил, что выдыхает пар. От быстрого бега было трудно дышать, в легких будто горел огонь. Удастся ли ему добежать до дома и спастись от этих огненных стрел? Вот, наконец, его хижина из кирпича и глины. Ворвавшись внутрь, он быстро захлопнул дверь и навалился на нее всей тяжестью своего тела.

Тяжело дыша, он стал искать глазами свою жену Азуву. Она, сжавшись, сидела в углу. Двое его старших сыновей растерянно съжились рядом. Третий сын громко вопил у нее на руках. Старшие сыновья, Меша и Мареша, молча глядели на него. Их мать, первая жена Хелувая, не стала бы так быстро впасть в истерику. Когда пришла ее смерть во время родов Марешы, она была куда спокойнее, чем сейчас Азува во время бури. Ручьи слез стекали по ее перепуганному лицу.

— Что это за шум, Хелувай? Что это? — Ее голос звучал все громче, пока не заглушил крик малыша.
— Что это такое?!

Он схватил ее за плечи и сильно встряхнул.

— Тихо! — Отпустив ее, он нежно погладил своих сыновей по голове. — Успокойтесь. — Он поцеловал каждого. — Тише. Сидите спокойно. — Он обнял сыновей, пытаясь как-то прикрыть собою всю семью. Хотя его собственное сердце неистово стучало, угрожая вырваться из плоти и костей. Никогда еще ему не было так страшно, но он понимал, что должен быть спокойным ради них. Он старался думать только о них, утешая и подбадривая. — Тш-ш. Тише, тише...

— Отец... — Старший сын Меша ближе придвинулся к нему, его пальцы крепко вцепились в отцовский хитон. — Папа...

Над домом прогремели сильнейшие раскаты грома. Азува склонила голову, ища убежища на его плече. Меша прижался еще теснее. Вдруг в окно со стуком влетели тяжелые белые камни. Одолеваемый любопытством, Хелувай поднялся. Несмотря на протест жены и детей, он усадил Мешу рядом с Азувой.

— Сиди спокойно. Смотри за Марешей. — Хелувай не мог рассчитывать на то, что Азува утешит старших детей. Они не были ее сыновьями, и о собственной плоти и крови она заботилась куда больше.

— Что ты делаешь?

— Я хочу посмотреть.

— Хелувай!

Он поднял руку, повелевая ей замолчать. Пройдя через комнату, он взял один из камней, который оказался холодным и твердым. Он стал рассматривать его, поворачивая в ладони. Камень сделался скользким. В недоумении нахмутив брови, он положил его в рот. Потом оглянулся на жену и детей.

— Вода! — Хелувай подобрал еще несколько камней и принес Азуве и детям. — Попробуйте. — Решился только Меша. — Это вода. Только твердая, как камень!

Дрожа, Азува глубже забралась в угол.

— Что это за колдовство такое?

За окном сверкнула молния, она в ужасе закричала; испуганные мальчики плакали. Хелувай схватил одеяла с соломенных тюфяков и набросил на детей.

— Сидите там.

— Не выходи! Тебя убьет!

Он мягко закрыл рукой ее рот.

— Не делай из мухи слона, женщина. Ты так боишься, смотри, чтобы они не заразились страхом. — Он показал на сыновей.

Не произнеся ни слова, Азува смотрела на него широко открытыми глазами. Она ближе притянула к себе мальчиков, закутывая их в одеяла и сама укрываясь с головой.

Животные от страха блеяли и мычали; стуча копытами, они пытались убежать. Хелувай подумал, как хорошо, что он привел своих волов до наступления бури, иначе они потерялись бы. Он снова подобрался ближе к окну, остановился чуть поодаль и осторожно выглянул. В холодном воздухе витал резкий запах дыма. Поле льна, которое только что начало цвести, было охвачено огнем. На глазах сгорали месяцы тяжелого труда.

— Это Он, правда? — робко спросила Азува из своего угла.

— Да. — Похоже, это тот самый Бог, который превратил воды Нила в кровь, послал лягушек, мошек, песьих мух, мор скоту и язвы всем людям, кроме евреев в Гесеме. — Да. Это Он!

— Ты говоришь так, будто ты рад этому.

— Ты знаешь все те же истории, что и я. Избавитель придет.

— Ну, не для нас.

— Почему же не для нас?

— О чем ты говоришь, Хелувай?

— О том, о чем мне в детстве рассказывал мой дед. — Он снова подошел к жене и детям и присел на корточки перед ними. — Эту историю нам передали от нашего предка Иефоннии. Он был другом Иуды, четвертого сына Иакова, прародителя двенадцати племен евреев. — Хелувай вспомнил насмешливое лицо своего деда.

— Я ничего не понимаю. У нас нет ничего общего с евреями.

Он встал.

— Сейчас нет. Но раньше мы были связаны. Сыновья Иуды были наполовину хананеями. Говорят, что двоих из них поразил этот Бог. Шела был последний, его так называли в честь земли, где он родился — Шелафела, то есть Ханаан. Еще двое сыновей Иуды родились от женщины Фамарь, тоже хананеянки. Потом Иуда вернулся в шатры своего отца. Все это было во время великого голода. Все голодали, кроме жителей Египта. А потом каким-то чудом брат Иуды Иосиф стал управляющим всего Египта. Он подчинялся только фараону. Только представь: раб становится вторым человеком после фараона. Это рука великого и могущественного Бога.

Он выглянул в окно.

— Когда евреи пришли сюда, их радушно приняли и дали лучшую землю — Гесем. Иефонния был потомком Исава и дядей Иуды, и еще другом Абдулама. Поэтому он пришел к Иуде, и они заключили союз, чтобы наша семья не голодала. Так мы и стали рабами. Сначала евреев — мы обрабатывали их землю и выращивали зерновые. А евреи были свободными, они пасли свои стада, которые у них быстро росли. Мы ненавидели этот союз, но без него мы не могли выжить. Но потом все изменилось. Пришли другие правители. Мы так и остались рабами, но евреи тоже ими стали. Фараон стал притеснять их куда больше, чем нас. И с каждым годом их рабство становилось все тяжелее — фараон будто старался их задавить.

— Почему?

Он посмотрел на нее.

— Кто же знает?

Зависть? Опасения? Скорее всего, потому что евреи очень быстро умножились. От одного патриарха и его двенадцати сыновей их стало сотни тысяч. Евреев теперь так много, как звезд на небе! Похоже, фараон боялся, что если у них будет достаточно ума и смелости, они восстанут, присоединятся к врагам Египта и завоюют себе свободу. Они могли бы стать хозяевами Египта. Но вместо этого евреи покорно работали и взывали к своему невидимому Богу о спасении. Так они сами сделали себя предметом насмешек и презрения.

И так до сих пор.

Хелувай в раздумье посмотрел на грозное темное небо. Он не видел этого Бога, но видел Его силу. Боги Египта были ничто по сравнению с Ним. Вдалеке, над землей Гесем, светило солнце. Да, похоже, этот Бог способен отделить Своих людей от их врагов. Стиснув зубы, Хелувай смотрел, как огонь пожирал ячменные поля. Он подумал, что совсем близко время сбора урожая. Теперь все потеряно.

После этой ночи снова будет голод, и его семья будет страдать. Если не... Может быть, тонкой нити, этой связи, идущей из глубины поколений, будет достаточно, чтобы все изменить?

Хелувай взял с подоконника еще один камень. Немного подержал в руке и положил в рот. На языке камешек оказался холодным и твердым, но стал быстро таять, наполняя рот освежающей, приятной влагой. Гром и неистовство стихии отдавались в сердце Хелувая громкими ударами. Внутри поднималась радость. Бог евреев смог превратить воду в кровь и послать полчища жаб, мошкары, песьих мух, мор и болезни. А теперь Ему повиновались ветер, вода, огонь и воздух. Вот это Бог! Такому можно служить. Этот Бог — точно не творение человеческих рук!

Сложив ладони в виде чаши, он вытянул вперед руки. От ударов твердых камешков рукам стало больно. Когда сложенные ладони наполнились кусочками града, он убрал руки и стал жевать эти чудные камешки.

* * *

Хелувай собрал своих родственников.

— Если мы хотим выжить, мы должны пойти в Гесем и жить среди евреев.

— Что?! Жить среди людей, которых презирает фараон? Ты сошел с ума, Хелувай!

— И, кроме того, Хелувай, пшеница и полба еще не созрели. Боги Египта защитили их. У нас еще остались эти поля.

Хелувай потрянул головой.

— И надолго они остались?

— Боги сражаются, Хелувай. И нам лучше не мешать им.

— Что ты скажешь, отец?

Есром все время молчал. Он с беспокойством поднял голову.

— С тех пор, как наш предок Иефонния пришел сюда из Ханаана вслед за Иудой, прошло очень много времени. Евреи уже давно забыли, как и почему мы пришли сюда.

— Мы им напомним, что когда-то мы были близкими друзьями Иуды.

— Близкими? — усмехнулся старший брат Хелувая — Иерахмеил. — Наш предок был другом его друга.

— Отец, разве ты не говорил, что твой отец сказал, что отец его отца взял в жены еврейскую женщину?

Арам последовал примеру своего старшего брата:

— И сколько лет назад это было? Ты думаешь, евреям это интересно, что у нас в роду есть еврейская женщина? Ха-ха! Да какая от этого польза? Как звали ее отца?

Хелувай нахмурился.

— А вы забыли, как евреи приходили к нам за соломой, когда фараон перестал им давать ее?

— Солома нужна была нам самим для наших волов.

Хелувай посмотрел на Иерахмеила и сказал:

— Я лично отдал тогда всю свою солому.

— Так ты поэтому приходил ко мне за кормом для своих волов?

— Да, поэтому. И сейчас, если ты помотришь вокруг, то поймешь, что животным больше нечего есть. Еда для них есть только в земле Гесем! Только там остались пастбища!

Хелувай посмотрел на отца.

— И еще мы дали им зерно в обмен на коз. Это те ниточки, на которые мы можем рассчитывать.

— Эти ниточки могут навлечь на нас гнев фараона! — Покраснев от едва сдерживаемого гнева, Иерахмеил встал. — А что, если его солдаты придут? Что мы будем делать? Никаких союзов с евреями! Будем держаться в стороне от этой войны!

— Вы что, слепые? Посмотрите вокруг, братья. — Хелувай показал на поля ячменя и льна, почерневшие от огня и побитые градом. — Мы и так в этой войне, прямо на поле битвы!

— Фараон победит.

Хелувай невесело усмехнулся.

— Фараон и все его боги не смогли защитить Египет от Бога евреев. Река из крови, жабы, мошки, песьи мухи, язвы! А вы подумали, что еще Бог евреев может послать на нас? Он наклонился вперед.

— Мы слышали, как евреи молились об Избавителе. Теперь их Избавитель пришел. Так пусть он и нас избавит.

— Ты говоришь о Моисее?

— Моисей — человек. Он только говорит вместо Бога. Говорит фараону то, что Бог евреев велит сказать. Но это всемогущий Бог: вчера Он уничтожил наши поля... Он освободит Свой народ.

— Нет. — Иерахмеил сердито посмотрел на него. — Нет, я сказал! Нет!

Хелувай старался сохранить самообладание. Если он сейчас взорвется из-за глупости брата, он точно не убедит отца, что надо уходить из этой разоренной земли. Он протянул к брату руки и заговорил более мягко:

— Что будет, если мы останемся? Что будет, когда фараону и его свите нечего будет есть и им понадобится зерно? Думаешь, он скажет: «Из-за моей глупости эта земля разорена»? Да нет же. Он пошлет солдат, и они заберут у нас все, что у нас осталось. Все зерно, которое мы сами собрали и провеяли, они заберут — украдут все до последнего мешка. Лучше нам взять эти запасы с собой в Гесем как дары. Всю пшеницу и полбу.

— Дары?

— Да, Арам. Дары. Нам надо пристать к евреям. И надо делать это прямо сейчас.

Хелувай почувствовал на себе взгляд отца. Он решительно посмотрел на него.

— Если мы хотим выжить, отец, то надо действовать сейчас!

Есром посмотрел на других сыновей.

— Наверно, Хелувай прав.

Они стали яростно возражать, говоря одновременно. Хотя ни один из них не предлагал иного решения, как защитить свои семьи от будущих бедствий.

— Если фараон раньше ненавидел евреев, то сейчас ненавидит еще больше.

— Он снова пошлет солдат в Гесем.

— Вы хотите, чтобы царь Египта и на нас излил свою ненависть?

— Отец, нам лучше держаться от всего этого в стороне.

Они говорили все утро, но Хелувай так и не смог их переубедить. Однако больше он терять времени не намерен. Он встал.

— Поступайте, как хотите, братья мои. Оставайтесь в своих хижинах. Надеемся, что следующая беда не тронет ваш ячмень. А я и мой дом будем в Гесеме сегодня до заката солнца; мы успеем прийти туда до наступления новой беды. Она будет страшнее всего того, что уже было!

Его братья стали бурно возражать:

— Лучше остаться здесь и посмотреть, что будет дальше, чем так упорно делать глупости!

Хелувай окинул своих старших братьев пристальным взглядом.

— Вы все умрете, если будете ждать.

* * *

Вернувшись с полей, которые он возделывал, Хелувай увидел, что Азува уже погрузила на волов плуг, серпы, оставшиеся мешки с зерном от прошлогоднего урожая. Сверху было уложено все их имущество. Меше велели следить за небольшим стадом коз, которые обеспечивали семью молоком и мясом.

Хелувай заметил маленький деревянный ларец, привязанный к телеге сбоку.

— Что это? — спросил он жену, хотя все прекрасно понял.

— Не можем же мы оставить здесь наших домашних богов.

Он отвязал ларец.

— Ты что же, так ничему и не научилась за последнее время? — Не обращая внимания на ее крик, он с силой швырнул ларец в стену их пустой хижины. От удара сундучок открылся, глиняные фигурки высыпались на землю и разбились. Азува дернулась, собравшись бежать собирать остатки, но Хелувай схватил ее за руку. — От них нет никакой пользы, женщина! Даже хуже! — Он взял прут из рук Меши и стал подгонять волов. — Ну, поехали. Нам повезет, если мы доберемся в Гесем к сумеркам.

В Гесем направлялись и другие семьи, среди них были даже египтяне. Они несли свое имущество на спинах или везли в маленьких тележках. Убогие лагеря переселенцев разрастались, как чертополох, вокруг скромных еврейских поселений. Но Хелувай на окраинах не останавливался, а заходил прямо в селения в поисках племени Иуды. Как выяснилось, племя располагалось в стороне от остальных.

На третий день он подошел к собранию старцев в одной из еврейских деревень, решив, что это, должно быть, старейшины и вожди. Несколько человек, заметив его, с недоверием рассматривали.

— Я друг. Я пришел, чтобы присоединиться к вам.

— Друг? Я не знаю тебя. — Старейшина окинул круг быстрым взглядом. — Кто-нибудь из вас знает его? Ему ответил целый хор голосов, заявляя, что Хелува не знает никто.

Хелувай подошел ближе.

— Нас связывает с вами мой предок Иефонния, он друг Иуды, сына Иакова. Во время великого голода наш народ пришел из Ханаана следом за вами. Какое-то время мы были вашими слугами.

— Как тебя зовут?

— Хелувай.

— Что-что?

— Он говорит, что его зовут Халев. — То есть пес. Раздался недоброжелательный смех.

Хелувай почувствовал, как кровь прилила к его лицу.

— Я Хелувай, — медленно произнес он и неторопливо оглядел весь круг.

— Халев, — повторил чей-то ехидный голос.

Другой подхватил:

— Он — друг египтян, можно не сомневаться.

Хелувай решил не реагировать на обидные реплики и не поддаваться гневу.

— Я ваш брат.

— Ты соглядатай.

Казалось, они были настроены только на то, чтобы оскорблять его; люди, которые сами всю свою жизнь были рабами.

Хелувай шагнул в середину круга.

— Когда фараон стал сильно притеснять вас, наша семья давала вам зерно в обмен на коз. Когда фараон отказался давать вам солому для кирпичей, я отдал вам весь свой запас соломы... Что же вы так быстро забываете тех, кто вам помогает?

— Немножко соломы не делает тебя братом.

С этими евреями говорить было ничуть не легче, чем с его родственниками. Хелувай грустно улыбнулся. Остался последний аргумент, подтверждающий их кровное родство.

— Я сын Авраама, так же как и вы.

— То, что ты утверждаешь, еще не доказано.

Он посмотрел на старейшину, который это сказал, и склонил голову.

— Я потомок внука Авраама, Исава, и старшего сына Исава, Елифаза.

Другой старейшина усмехнулся.

— Мы не поддерживаем никаких связей с потомством Исава.

— Посмотрите, как он покраснел. — Едом.

Внутри Хелувая поднялось негодование. Как они могут так гордиться Израилем, мошенником, который обманул своего родного брата, Исава, из-за первородства?! Но он заставил себя молчать, понимая, что спор об этом не послужит достижению его цели. Кроме того, Израиль, может, и был лжецом, но Исав уж точно умом не отличался.

Некоторые засмеялись.

— На это ему нечего ответить!

Хелувай медленно повернул голову и пристально посмотрел в глаза тому, кто это сказал. Смех затих.

— Мы — потомки Израиля. — На этот раз старейшина говорил спокойно, не обвиняя, а утверждая факты.

Они думают, он так просто сдастся?

— Я сын Авраама, который был призван Богом оставить свою землю и последовать туда, куда Господь поведет его.

— Он говорит об Аврааме или о себе?

— Пес думает, что он лев.

Хелувай стиснул зубы.

— Как Авраам был призван уйти из Ура, так и мы призваны уйти из Египта. Или вы думаете, что Моисей говорит свои собственные слова, а не слова Самого Бога?

Может, у Хелувая не такая чистая кровь, как у них, но его желание быть среди народа Божьего с избытком покрывало все, чего ему недоставало. Это исходило прямо из его души и сердца. Могут ли сказать то же о себе эти люди, если сегодня они падают ниц перед Богом, а завтра восстают против Него?

Долгий взгляд старейшины оценивал его. От нехорошего предчувствия у Хелувая холодок пробежал по телу. Наконец, старейшина вытянул вперед руку.

— Сядь. Расскажи нам больше.

Хелувай принял приглашение. Остальные внимательно смотрели на него, давая понять, что они всего лишь согласились его выслушать, и это еще не означает доверие. Ему нужно тщательно выбирать слова, чтобы никого не задеть.

— У вас достаточно причин, чтобы подозрительно относиться к чужим людям. Каждый раз, когда Господь, ваш Бог, посылает пророка Моисея к фараону, на Египет приходит новое бедствие. И тогда фараон ненавидит вас еще больше.

— С тех пор, как Моисей пришел из пустыни, нам стало намного хуже, чем было до этого!

Хелувай удивленно посмотрел на того, кто это произнес.

— Все, что говорит Моисей, исполняется. Это значит, что он и есть тот, за кого себя выдает — посланник Бога.

— От него одни только проблемы! — настаивали израильтяне.

Это очень напомнило Хелуваю его разговор с отцом и братьями.

— Ваши животные ничуть не пострадали от мора. А нарывы у кого-нибудь из вас были? И град, и огонь не тронули ваши земли. Бог Авраама защищает вас!

— И ты тоже хочешь такой защиты? Разве не поэтому ты пробираешься в наше племя?

— Мне не ваша защита нужна. — Без сомнений, некоторые старцы, сидевшие в этом совете, не очень-то верили в Бога, который сражался за их спасение. — Вы также бессильны, как и я. — Хелувай медленно вздохнул и остановил взгляд на старейшине, который предложил ему сесть. Вот, по крайней мере, хоть один здоровый человек. — Я египетский раб. Всю свою жизнь я работал под присмотром надзирателей и мечтал о свободе. Потом я услышал, что Нил превратился в кровь. Я пошел посмотреть и увидел еще и жаб. Их целые тысячи выпрыгивали из реки и шли в Фивы. Потом миллионы мошек и песьих мух! Волы умирали прямо на полях. Мои соседи не послушали, когда их предупреждали, и не завели своих животных в сараи — они все умерли. Моя семья переболела язвами и нарывами так же, как египтяне. А несколько дней назад у меня на глазах мои пшеничные поля побили водяные камни и выжег огонь с неба! А я на них положил столько труда!

По крайней мере, сейчас они молчали и все, как один, смотрели на него, хотя не очень-то дружелюбно.

— Я верю Моисею. Каждое наказание, которое приходит на Египет, делает фараона слабее и приводит нас ближе к свободе. Тот Бог, который обещал освободить вас, пришел, и Он доказал, что у Него есть сила исполнить Свое Слово!

Он посмотрел на весь круг старейшин.

— Я хочу... — он потрянул головой. — Нет... Я намерен быть в числе Его народа.

Послышался недовольный ропот.

— Намерен? Какое самомнение!

— Это честность, а не самомнение.

— Тогда зачем ты пришел на наш совет?

— Я хочу быть вместе с вами, плечом к плечу, а не соперничать с вами.

Кто-то стал объяснять, что не будет ничего плохого, если этот едомлянин с семьей поставит свой шатер где-нибудь поблизости. Так уже сделали сотни других людей, включая египтян — расположили свои шатры вокруг их селения. Ну и пусть еще одна семья поселится там, если, конечно,

у них есть своя пища. К тому же эти люди и их шатры — неплохая защита для евреев, если фараон опять пришлет своих солдат. Они говорили между собой, спорили, доказывали, нервничали.

Пока они решали, Хелувай молча сидел и слушал, пытаясь понять людей, к которым решил присоединиться. Он думал, что евреи должны быть другими. Но они очень напоминали ему Иерахмеила и его младших братьев, которые спорили и препирались, были полны страха и всегда ожидали худшего. Казалось, они бы предпочли, чтобы Моисей никогда не ходил к фараону и не требовал освободить их. Казалось, они бы предпочли и дальше делать кирпичи для правителя, чем рисковать ради собственной свободы!

Как будто вовсе не Бог, могущественный и великий, сейчас выстраивал события, открывая им путь к свободе.

Хелувай заметил на себе загадочный взгляд старца Завдия. Хелувай посмотрел ему прямо в глаза, желая, чтобы этот почтенный старейшина понял его мысли. «Я здесь, Завдий. Эти люди могут не принимать меня, но ни они, ни ты не сможете заставить меня уйти отсюда».

Прошли часы. Так ничего и не решив, старейшины начали расходиться. Пока они говорили, они постоянно упоминали Бога, но было нетрудно понять, что они не верили ни знамениям, ни Освободителю. Поднявшись со своего места, Хелувай увидел Мешу, который ждал его, стоя в тени между двух хижин. Улыбаясь, он пошел к сыну.

— Халев!

Насторожившись, Хелувай обернулся и увидел перед собой трех мужчин. Он еще раньше понял, что это — его враги. Он вспомнил их имена: Товия, Иахим и Нефег. Своих недоброжелателей нужно знать по именам — это мудро. Иахим вытянул вперед руку, указывая на него.

— Ты не принадлежишь нашему народу, оставь в покое наших старейшин.

— Я пришел к вам с просьбой.

— Тебе отказано.

Теперь, когда остальные разошлись, они говорили дерзко и вызывающе.

— Я подожду — хочу услышать, что скажет весь совет. — Не то что от этого что-то зависело. Он так или иначе решил остаться здесь, нравится им это или нет.

— Слушай, что мы говорим тебе, Халев. Не заходи в наше селение — держись за чертой, если не хочешь себе проблем. Мы не хотим чужаков среди нас. — Сказав это, они ушли.

— Отец, они назвали тебя собакой!

Да, они причислили его к этим презренным животным, которые жили на окраинах селений и питались отходами из мусорных куч. Он заметил в глазах Меши стыд, гнев, смущение. Но больше всего сына мучил невысказанный вопрос: «Почему ты позволил им это?»

— Они еще не знают меня, сынок.

— Они обижают тебя. — Голос Меши дрожал от пылкого гнева, присущего юности.

— Человек, который поддается гневу, может с таким же успехом сжечь свой собственный дом. — Когда речь идет о жизни его семьи, он готов переступить через свою гордость.

Меша опустил голову, но Хелувай успел заметить слезы в его глазах. Похоже, его сын думает, что он трус. Ничего, время покажет правду.

— Сражаться нужно с умом, сынок. — Хелувай положил руки на плечи Меши и повернул его, показывая на их поселение из шатров, за чертой еврейской деревни. — Если они зовут меня Халев, пусть так и будет. Я сделаю из этой клички достойное имя храброго человека.

* * *

Семья Хелувая так и осталась за чертой селения племени Иуды, но Хелувай находился поблизости всякий раз, когда собирался совет старейшин. Благодаря этому он знал все новости — так же, как и евреи. Новости же приносились посланниками — левитами от Моисея и его брата Аарона. Только что они сообщили, что фараон снова ожесточил свое сердце и грядет другая кара. Она не затронет Гесем, но будет страшным бедствием для Египта.

— Мы должны вернуться и сказать все твоему отцу и братьям!

Хелувай знал, что в действительности его жена просто хотела вернуться назад. Она хотела быть подальше от этих евреев, которые не желали с ней разговаривать.

— Я уже говорил им. Мы останемся здесь и подготовим место для родственников.

— Почему ты так уверен, что они придут?

— Они не такие уж глупые, Азува. Они просто упрямые. И, конечно же, они боятся. Как и мы все. Но мы останемся здесь. Мои слова — как семена. Они попали внутрь, их польет дождь из новых бедствий. Мои слова пустят корни, и семя взойдет.

Следующим утром он подошел к границе земли Гесем и увидел, как надвигаются целые тучи саранчи. Ее было так много, что она затмила солнечный свет. Шум, который издавала саранча, был похож на грохот колесниц и звук от лавины огня, пожирающего все на своем пути. Это было похоже на могущественную армию, идущую на битву. Кузнечики шествовали подобно хорошо обученным воинам, которые никогда не нарушают строй, не мешают идущим рядом. Каждый двигался в соответствии с приказом Командующего, взбираясь на стены и врываясь в дома через окна. От их движения вздрагивала земля и колыхались небеса. Землю покрыла сплошная черная пелена. Беспощадная орда, которую Бог призвал на битву, не оставляла после себя ни одного колоска пшеницы или полбы, ни одной травинки, ни одного дерева.

«Теперь осталось недолго», — подумал Хелувай,

Глядя на дорогу, по которой должны были прийти его отец и братья.

Пришел только Кеназ.

Иерахмеил обиделся на Бога евреев — из-за того, что Он уничтожил последнее, что оставалось от его урожая.

— А отец?

— Ты знаешь, что отец не может уйти без своего старшего сына.

— Иерахмеил не уйдет только из-за того, что это я предложил это сделать. Он дурак!

— Ты не предложил, Хелувай. Ты приказал. А наши братья этого не любят. — Кеназ улыбнулся.

— Ну, а раз я самый младший, мне все равно, кого из вас слушаться. Мое мнение роли не играет.

— В этом ты ошибаешься, брат. Ты показал смелость, что пришел сюда по собственной воле, а не поступил по воле тех, кто старше, но... глупее. — Он посмотрел на запад. — Если фараон на этот раз не отпустит евреев, то будут новые и новые бедствия. Иерахмеилу придется передумать.

* * *

Продавая и обменивая свой товар на козьи шкуры, Хелувай сделал себе большой шатер. Теперь, когда придут его братья с семьями, всем хватит места.

Пришла новая кара — на землю Египетскую спустилась темнота. И все же, когда Моисей и Аарон вернулись в Гесем, они принесли плохие вести о том, что фараон в сильной ярости. Правитель заявил, что не позволит евреям забрать с собой стада, и угрожал Моисею, что убьет его, если еще хоть раз его увидит.

Стоя в самом конце собрания евреев и слушая указания, которые давал посланник Моисея, Хелувай понял, что конец близок. Вернувшись в свой шатер, он сказал Азуве, что должен вернуться в их землю и привести отца в Гесем.

— Кеназ, ты должен остаться здесь и защищать наш лагерь. Тьма над Египтом уже рассеялась, и сейчас многие придут сюда, чтобы укрыться среди евреев. Охраняй нашу землю от них! Придя в дом отца, он обнаружил, что старшие братья уже собрали свои семьи.

— Идет новое бедствие! — Хелувай подумал о том, что, благодаря саранче и тьме, у них появилось желание слушать. — Я слышал собственными ушами, что в каждой семье в Египте умрут все первенцы мужского пола, начиная от старшего сына фараона, который сидит на троне, и заканчивая старшим сыном самого последнего раба. Первенцы животных тоже умрут.

Все посмотрели на Иерахмеила: тот побледнел.

На этот раз старший брат смотрел на Хелуваю с уважением.

— Ты вернулся, чтобы спасти мою жизнь?

— Мы же братья, не так ли? Но я не только твою жизнь хотел сохранить, но и твоего старшего сына. И я хотел спасти всех старших сыновей моих братьев. Помните! Каждый первенец мужского пола.

Есром встал.

— Мы идем в Гесем вместе с Хелуваем. Весь наш скот умер. У нас оставалось немного зерна для пропитания, так и его съела саранча. Здесь нас больше ничего не держит.

Они охотно отправились в Гесем. Там они расположились рядом с шатром Хелуваю. Как только они устроились, он собрал всех братьев.

— Послушайте, что Господь повелел Моисею. Каждая семья должна принести в жертву годовалого ягненка или козленка без малейшего порока.

— Каждый шатер над входом надо помазать кровью животного. Вся семья должна находиться в шатре до тех пор, пока смерть не пройдет мимо. Ягненка или козленка необходимо зажарить с горькими травами и съесть с хлебом без закваски. Когда мы будем есть ягненка, мы должны быть в обуви и в одежде для долгого пути, а в руках держать посохи.

Когда пришла ночь бедствия, о котором Бог заранее предупредил Моисея, Хелувай, его жена и дети, Кеназ, их отец Есром и четырнадцать других родственников стояли вокруг ямы, в которой разводили огонь. На горящих углях поджаривался козленок. Дрожа от страха, они исполнили в точности все, что сказал Моисей, надеясь, что каждый в этом непрочном жилище в эту ночь останется в живых.

Хелувай услышал звук, доносившийся сверху, — шепот ветра, который заставил его похолодеть. Он почувствовал какое-то темное присутствие, которое пыталось ворваться в шатер через тонкий

кожаный полог, служивший дверью. Все затаили дыхание и теснее прижались друг к другу. Хелувай подтолкнул Мешу и Иерахмеила в центр круга.

— Если вы умрете, то мы все умрем. — Иерахмеил, дрожа, посмотрел вокруг. Когда в ночном воздухе стали раздаваться крики, Азува схватилась за хитон Хелувая, пряча лицо в его складках, сыновья стали сильнее прижиматься к нему. Где-то закричал мужчина, все в шатре Хелувая вздрогнули.

— Мы все умрем! — Некоторые из родственников стали плакать.

— Мы не умрем. — Хелувай говорил с уверенностью, которой сам в себе далеко не чувствовал. — Мы не умрем, если будем доверять невидимому Богу.

Иерахмеил держал за плечи своего старшего сына, прижимая его к себе.

— Нас закрывают только козьи кожи, а у евреев дома из кирпича и глины, и еще двери.

— Там что-то есть, оно приближается...

Жилище было наполнено страхом, который усиливался из-за криков, доносившихся снаружи. Дети хныкали, семейный круг сжимался.

— Надо выполнять указания. — Хелувай стал срезать с козленка мясо. Он изо всех сил старался придать спокойное звучание своему голосу. — Азува, принеси хлеб. — Она пошла за хлебом.

— Ты думаешь, мы сможем есть в такое время?

— Надо. Потому что Бог Авраама требует этого. — Хелувай протянул отцу кусок мяса. Есром взял. — Возблагодарим Бога Авраама за Его защиту от смерти.

Поборов страх, Хелувай заставил себя съесть пасхальный ужин. «Завтра мы будем свободны!»

* * *

Египтяне бежали к земле Гесем.

— Уходите! Уходите скорее! — кричали они.

— Фараон сдался!

— Уходите как можно быстрее, или мы все погибнем!

— Скорее!

— Вот! Возьмите это зерно как дар. Попросите своего Бога за мою жизнь.

— Возьмите мое серебро!

— Вот мое золото!

— Молитесь за нас!

— Уходите! Быстрее!

Некоторые хватали евреев за хитоны, умоляя:

— Пожалуйста, разрешите нам пойти с вами, мы слышали, что с вами Бог!

Хелувай принимал предложенные дары, в то время как его сыновья разбирали шатры, снимая козьи шкуры и выдергивая шесты. Он засмеялся:

— Разве я не говорил, что наша свобода близко? — Кто бы мог подумать, что Бог заставит египтян засыпать их дарами и умолять покинуть эту землю?

Хелувай поднял руки к небу и закричал: — Какой же Ты великий, Господь! — Радостно смеясь, он сложил приношения в свою телегу. — Наши надзиратели засыпают нас подарками и умоляют уйти!

Азува суетилась вокруг, собирала и завязывала в узлы вещи, крича детям следить, чтобы козы не разбредались. — Жабы, саранча, мор, чума, смерть! Как поклоняться такому Богу? Хелувай, никто никогда ничего не даст, если не ждет чего-то взамен. Чего этот Бог захочет от нас?

— До сих пор Он просил только одного — чтобы мы верили тому, что Он говорит.

— Но когда мы будем в пустыне, чего Он тогда попросит у нас?

— Даже если Он у меня попросит все, я готов отдать.

— наших сыновей, Хелувай? Ты готов пожертвовать нашими сыновьями?

Ее страх заставил его задуматься. Великими покровителями Ханаана были боги, которые жаждали человеческой крови. Может, Бог Авраама такой же?

Но тогда почему Он захотел кровь агнца, а не кровь израильских сыновей?

Хелувай подтолкнул волов и догнал отца и братьев, которые уже отправились в путь. У них не было ни животных, ни имущества, поэтому они двигались быстро.

Есром радовался; Иерахмеил боялся будущего так же, как Азува.

— А сколько всяких народов будет ждать нас в пустыне, чтобы напасть?

— Они уже слышали, что Бог сделал для нас.

— Да, эти народы могут бояться Бога Авраама, но зачем им бояться кучки рабов?

Хелувай показал рукой вокруг себя.

— Мы больше, чем кучка, брат. Посмотри вокруг! Нас тысячи тысяч.

— Двенадцать разрозненных племен, да еще разбросанные чужаки, которые прилипают к ним, как клещи. Мы не народ. У нас нет армии.

— А для чего нам армия, если Сам Бог неба и земли сражается за нас? Все будут убегать от нас, когда услышат, что случилось с Египтом.

— Ну и что пользы от твоей веры в этого Бога, если Его люди называют тебя собакой?

Хелувай холодно усмехнулся.

— Меня еще и не так называли...

* * *

Нестройная масса людей шла день и ночь, двигаясь на юг, уходя в сторону от торгового пути. Углубившись в пустыню, они повернули на восток, идя по огромному каньону, приведшему их к Красному морю. Узнав о том, что следом идет фараон со своей армией и что они уже близко, люди, стоя на берегу, стали взывать к Моисею о спасении.

— Теперь ты видишь, что ты с нами сделал, Хелувай! — злорадно прорычал Иерахмеил. — Если бы мы остались в Египте, нам и нашим детям ничего не угрожало бы!

Тысячи людей, оказавшись в замкнутом пространстве и понимая, что идти дальше некуда, кричали и выли от ужаса и отчаяния.

Хелувай низко наклонил голову, стоя против сильного ветра.

— Держитесь все вместе и будьте рядом с евреями! — Ветер трепал его хитон, обдавая лицо крупинками песка и брызгами соленой воды. — Держитесь вместе! — Он притянул к себе жену и сыновей. В этот момент облако, нависавшее над ними, вдруг загорелось огнем. Еще через несколько мгновений оно стало гигантским огненным столпом, который закрыл вход в каньон, не позволяя колесницам фараона выехать на берег.

— Они идут! — закричала Азува.

Множество людей двинулось вперед, прямо в море, которое широко расступилось перед ними до самого противоположного берега, открывая дорогу к спасению. Некоторые быстро побежали вниз по сухому наклонному морскому дну. Другие, нагруженные вещами, шли медленнее. Хелувай велел Азуве с сыновьями бежать вперед, а сам решил идти следом с волами и телегой. Его отец и братья остались с ним; часть мешков они положили на плечи, чтобы немного разгрузить волов и двигаться быстрее. Сзади давили и подгоняли тысячи людей, заставляя их быстро идти по высохшему дну моря. Поднявшись наверх и оказавшись на противоположном берегу, он увидел свою семью — они ждали его, стоя среди евреев.

Огненный столп поднялся вверх. Армия фараона бросилась из каньона на песчаный берег, и скоро уже колесницы мчались по морской дороге, которую Господь открыл для Своего народа. Среди отставших израильтян Хелувай заметил Завдия. Старец, бледный от изнеможения, прогибаясь под тяжестью мешка с имуществом, тяжело карабкался вверх по наклонному дну; его сын Хармий изо всех сил старался ему помочь. Подбежав к ним, Хелувай схватил мешок и стал помогать старику.

— Колесницы едут! — закричал Кеназ, подбегая к ним и забирая мешок. — Они близко! Быстрее!

Сзади раздался шум и плеск воды и вопли людей. Внезапно холодная вода ударила Хелува в спину. Он упал лицом вниз и тут же почувствовал, как чьи-то руки тащат его наверх. Поднявшись и прочно встав на ноги, Хелувай стал вытаскивать на берег Хармия. Задыхаясь от напряжения, Кеназ бросил мешок на сухой песок. Завдию уже помогли выбраться на сушу, и он стоял рядом, испуганный, но невредимый.

— Их больше нет. — Кеназ внимательно смотрел на море, стараясь увидеть преследователей. — Они все утонули.

Множество людей стояли молча, глядя на слегка волнующееся море, которое не спеша выбрасывало на берег мертвые тела египетских солдат.

Хелувай так и остался стоять рядом с Завдием и Хармием.

— Слава да будет Богу, который спас нас.

Все еще бледный старик скоро отдышался. Он ухватился за руку Хелува, опираясь на него.

— Спасибо тебе, Халев. — Впервые в этом слове не прозвучало презрения. Халев. «Новое имя для нового союза. Да будет так».

Старец сжал его руку:

— Поставь свой шатер рядом с моим.

Его сын Хармий улыбнулся и хлопнул Хелува по спине.

* * *

Не прошло и трех дней, как всеобщее ликование превратилось в жалобы: вода, найденная в пустыне, оказалась горькой и непригодной для питья. Моисей помолился и бросил кусок древесной коры в небольшое озеро. После этого люди смогли утолить жажду — ведь им предстоял долгий путь, прежде чем они доберутся до финиковых пальм Елима. Некоторым хотелось остаться, но Бог повелел Моисею вести Его народ в пустыню. Почему? Этот вопрос уже стал привычным. Почему Господь вместо зланных пажитей и тихих вод ведет их в сухую землю, где только песок и скалы? Вскоре к нежеланию идти по пустыне добавились еще жажда и голод. Люди стали возмущаться, что у них нет мяса. Как будто Бог — не кто иной, как небесный слуга, который обязан немедленно подавать им все, чего они только пожелают. Однако Моисей помолился, и Господь послал перепелов, да так много, что нельзя было сделать шаг, не наступив на птицу. Но следующим утром людей ждало еще большее чудо: Господь послал небесный хлеб, которым они должны были питаться. Люди получили указание собирать эту пищу только на один день, не больше.

Халев опустился на колени, взял несколько белых хлопьев и положил в рот. Манна быстро растаяла на языке. Хлопья были сладкими на вкус и освежающими, как роса. Он наполнил ими глиняный кувшин, встал и посмотрел на облако, которое распростерлось над огромным лагерем, отбрасывая прохладную тень. Оно не двигалось от потока воздуха, как другие облака, не исчезало и не испарялось во время жаркого дня. Оно оставалось над людьми, местами плотное, с бело-серыми «пальцами», как будто могущественная рука Самого Бога защищала израильтян и шедших с ними иноплеменников от убийственной жары пустынного солнца. Свобода, вода, пища, кров. Разве Господь чего-то не дал им? Чего еще можно желать?

Целая волна чувств захватила Халева — это было что-то новое, чего он не знал и не мог объяснить. Он смотрел вверх, по его лицу текли слезы.

— Как мне поклоняться Тебе, Господь? Как мне благодарить Тебя за жизнь? Как мне теперь жить? Я даже представить себе не мог, что все будет так, Господь!

Жизнь стала непонятной. Быть свободным оказалось не так просто, как он думал раньше. Когда он был рабом, он знал, чего ждать от каждого нового дня, как и что ему делать. Теперь он даже не мог предположить, что принесет ему следующее утро. Каждый день отличался от предыдущего. Он не знал, где он поставит шатер в следующий раз; не знал, как надолго и почему выбрано именно это место. Каждый вечер он разбивал свой шатер подле Завдия, но вокруг его лагеря всегда теснились другие иноплеменники, которые искали лучшее место. Как получилось, что он отличался от них, искавших лучшей участи для себя и своих семей, требовавших сейчас большего, чем они имели раньше? Сейчас, когда пришла свобода, надо ежедневно принимать решения — ведь раньше их за него принимал кто-то другой... Халеву хотелось думать, что он более сообразителен и способен постоять за себя, чем другие, но сейчас он понял, что он такой же, как все. Он родился и вырос в глинобитной хижине, прожил всю свою жизнь на небольшом клочке земли, работая на полях фараона. Сейчас он был в растерянности. Вместо того, чтобы оставаться на одном месте, к чему он привык, он проходил огромные расстояния и жил в шатре, как пустынный кочевник. Это была не та жизнь, о которой он мечтал.

Напряженный, раздражительный, стараясь приспособиться к своей новой жизни, да еще и удержать своих близких вместе и создать в своей семье хоть какой-то порядок, он чувствовал больше стыда, чем радости. Иногда они вели себя как стая волков, рыча друг на друга и устраивая войну из-за мелочей.

— Куда мы идем, брат? Я думал, мы направимся в Ханаан, а мы идем все дальше в пустыню!

Каждый день приносил новые пререкания, споры, проблемы. Как Моисей мог слышать голос Божий в этом постоянном хоре голосов, которые без конца жаловались и задавали вопросы?

Халев тоже переживал внутреннюю борьбу. В своем сердце он взывал к Господу: «Я не хочу подвергать сомнениям Твои пути, Господь. Куда бы Ты ни послал нас, я хочу идти без колебаний и с благодарением. Я хочу идти в неизвестность также, как Моисей — с поднятой головой и посохом в руке. Я не хочу оглядываться назад и желать своей прежней жизни. О, Господь, помоги мне не забывать, как ужасно было прошлое и как сильно я желал быть свободным. Можешь ли Ты изменить человека? Если да, то измени меня!»

— Халев!

Услышав недовольный голос Иерахмеила, Халев опустил свой гомор и держал у груди, закрыв глаза и сжав зубы.

— Мы опять идем! Наверно, один Моисей знает, куда мы идем на этот раз. Как будто где-то есть лучшее место для отдыха... — Иерахмеил удалялся, и его гневный голос звучал все тише.

Облако двигалось. Оно изменило форму, и Халеву представилось что-то вроде огромного орла, который парил, раскинув крылья и опустив голову. Орел смотрел на них, но не как на добычу, а как на своих птенцов, которых он хотел защитить.

— Халев! Ты так и собираешься там стоять? Они уже идут!

«Пожалуйста, Боже, измени еще и моих близких!»

* * *

Подойдя к Рефидиму, люди взорвались от ярости, потому что там не оказалось воды. Халев и его жена отдали всю оставшуюся воду сыновьям и теперь мучились от сильной жажды. Родственники Халева не давали ему покоя.

— Это была твоя идея идти за этим Богом...

— Где та лучшая жизнь, которую ты нам обещал?

— Папа, я хочу пить.

— Когда мы доберемся туда?

— Спроси своего отца.

Халев отошел от них и сел среди скал у подножия высокой горы. Если уж умирать, то лучше спокойно, подальше от ворчащих израильтян и его собственной родни, которая обвиняла его за любое неудобство. Он слышал доносившиеся издали недовольные голоса, поэтому закрыл уши руками, чтобы их заглушить. Теперь уже и в нем закипел гнев.

«Как быстро они все забывают, что Ты можешь сделать! — думал он. — Ты превратил воды Нила в кровь. Ты навлек казни; Ты уничтожил мором стада египтян. Ты послал людям нарывы, а земле — опустошение градом и огнем; Ты послал смерть всем первенцам, начиная с семьи фараона до последнего раба. Но смерть и болезнь не коснулись тех, кто принадлежит Тебе, и их скота. И глупец фараон все же передумал и стал преследовать нас!

Но Ты разделил море, сделал посреди него дорогу, так что мы перешли по суше; но когда армия фараона бросилась за нами, волны сомкнулись и поглотили их. Море. Нил. Река жизни... Нет. Нет! Только отчаянно глупый человек может захотеть вернуться обратно — туда, где рабство и смерть.

Воды, Господь! Пожалуйста. Вода — это так немного, но мы умрем без нее. Услышь нас, Бог, который управляет небесами и землей. Помоги нам!»

В горле пересохло так, что он едва мог дышать, его кожа стала такой сухой, что он чувствовал, как все его тело сморщилась. В изнеможении он закрыл глаза. Халев знал, что, если бы не облако над ними, он бы уже давно умер — просто испекся бы на солнце или высох, как рыба из Нила, подвешенная для просушки.

«Почему я еще жив? В чем смысл всех этих страданий? Я не понимаю Тебя. Разве Ты освободил нас только для того, чтобы позволить умереть от жажды? В этом нет никакого смысла. Воды, Господь! О, сильный и милосердный Господь, пожалуйста, дай нам воды! Я не верю, что Ты привел нас сюда для того, чтобы мы умерли. Я не верю этому. И не поверю в это!»

Внезапно вопли отчаяния сменились криками ликования. Дрожа от слабости, Халев встал и сделал несколько шагов. Он увидел, как вода мощным потоком хлестала прямо из скалы. Там, куда она стекала, среди камней, появилось небольшое озеро. Тысячи людей упали на колени, и, опустив лица в воду, пили как животные. Еще одно чудо! И тогда, когда оно было им так нужно!

Обессиленный Халев, спотыкаясь, спустился по каменистому склону. Проталкиваясь через толпу, он не сводил глаз со скалы, из которой с шумом била мощная струя воды; он присел на корточки и, сложив ладони в виде чаши, стал пить. Он увидел, что источником воды была скала. Холодный, чистый, прозрачный поток хлестал прямо из камня. С каждым глотком Халев чувствовал, как его тело оживает и укрепляется, силы обновляются. Он закрыл глаза и ополоснул лицо, ему хотелось полностью окунуться в воду.

В этот момент Халев услышал, как люди выкрикивали:

— Амаликитяне напали на нас! Они убивают отстающих!

Моисей послал за Иисусом Навином. Напуганные люди снова стали сетовать и жаловаться:

— Они вот-вот придут сюда!

— У нас нет армии, мы не можем воевать с амаликитянами!

Не раздумывая, Халев вскочил и побежал в свой шатер. Быстро осмотрев свое имущество, он достал косу.

— Идемте. — Он поднял свое орудие земледельца и позвал братьев. — Пошли! Будем драться за наших братьев!

— Мы не солдаты. — Иерахмеил стоял позади Халева. — Мы земледельцы.

Рассердившись, Халев повернулся к нему.

— А что, по-твоему, земледелец не должен защищать своих соседей?

— А кто мой сосед?

Стоять в лагере и спорить было некогда. На краю стана умирают люди. Повернувшись спиной к братьям, он побежал туда, где был Иисус Навин. Вокруг юного слуги Моисея уже собрались люди. Моисей сказал ему, как действовать; сам он уже поднимался на гору со своим братом Аароном и другом Ором.

Сквозь толпу Халев старался разглядеть Иисуса Навина, стоявшего в центре. Он был очень молод и сильно нервничал. Мужчины вокруг него были напряжены и казались неуверенными. Халев тоже почувствовал беспокойство. Что он знает о том, как сражаться с обученным врагом?

Он вспомнил, что Господь уже сделал для них. Господь защитит их. Он даст им победу. «Я буду верить в это. Я буду думать о Нем. Я буду провозглашать громко перед этими людьми о своей вере, и все они услышат и узнают, что я на стороне Господа!»

— Пропустите! — Наклонив голову, Халев стал проталкиваться через толпу, пока не оказался перед Иисусом Навином. — Сам Бог командует нами, Иисус. Это Господь поставил тебя вести нас. — Халев посмотрел вокруг и заговорил громче. — Господь будет сражаться за нас! Он привел нас в эту пустыню не для того, чтобы нас всех перебили какие-то мародеры! Они трусы — убивают беспомощных людей да еще поклоняются идолам. — Улыбаясь, Халев смотрел в глаза Иисусу Навину. — Веди нас, как Господь ведет тебя. Эта Господня битва!

Глаза Иисуса Навина засверкали, он издал громкий боевой клич. Другие закричали вместе с ним.

Так они вышли на битву, вооруженные всевозможными орудиями земледелия. В это время, на горе, три старца молились Богу.

И Господь дал им победу.

После триумфа пришло долгое, томительное затишье. Тысячи людей ждали и ждали, оставаясь в лагере у подножия горы. Моисей поднялся на гору, чтобы встретиться с Господом. Шли долгие дни и ночи. Ожидание принесло множество новых вопросов.

Ожидание оказалось еще большим испытанием, чем битва с врагом.

Глава вторая

В глубоком унынии Халев сидел у подножия горы, глядя вверх. «Вот, я сижу здесь, как трус, чужой и лишний...». Он мрачно склонил голову.

Совсем еще недавно он, вымытый, в чистой одежде, освятившийся, стоял со всем народом, желая слушать Господа. Вскоре раздался оглушительный звук шофара: звук был долгий, пугающий и низкий, он отдавался звоном в груди. На вершине горы внезапно вспыхнул огонь, пламя стало разрастаться. Одновременно загрохотали сильнейшие раскаты грома. Придя в ужас, Халев бросился бежать. Так же, как и он, убегали тысячи тысяч, людей, словно напуганные, неуправляемые овцы. И только оказавшись на безопасном расстоянии от горы, Халев остановился. Пусть Моисей слушает Господа и потом передает Его повеления всем остальным.

Моисей опять взошел на гору, но на этот раз он взял с собой старейшин — с ними был также Завдий, из колена Иуды, и Иисус Навин.

Огорченный собственной трусостью, Халев не хотел ни с кем разговаривать. Он понимал, что упустил свой шанс быть близко к Господу. Он плакал, закрыв лицо.

Вернулись Аарон и старейшины. Не раздумывая, Халев отправился послушать, что Завдий расскажет сынам Иуды.

— Мы видели Бога Израиля. Под Его ногами было что-то вроде огромного сапфира, прозрачного, как само небо. — Завдий дрожал от волнения, его глаза светились. — И Он не поднял руки на нас. Мы ели и пили, славил Его. А затем Бог позвал Моисея подняться к Нему на вершину горы. Господь даст, ему законы, по которым мы должны будем жить.

— А где Иисус Навин? Что с ним случилось?

— Иисус Навин пошел на вершину вместе с Моисеем. Мы видели, как они поднимались туда. Потом они остановились и ждали шесть дней. На седьмой день вершину горы охватил огонь, Моисей вошел в облако, и больше мы его не видели. А Иисус Навин все еще там, ждет его.

— А Моисей и Иисус Навин еще живы?

— Только Господь знает. Перед тем как подниматься на вершину, Моисей сказал нам ждать их, и мы ждали.

— Они взяли что-нибудь с собой? Еду? Воду?

— Ничего.

Проходили дни, потом недели. В людях росло беспокойство. Наверняка, Моисей умер. Почему они остаются в этом пустынном месте? Почему бы им не вернуться в Египет? Теперь можно не бояться идти туда. После всех этих наказаний египтяне точно будут их бояться.

— А почему они должны нас бояться? — возражал Халев своим родственникам. — Это же не мы посылали казни. Господь посылал!

— Мы должны убраться отсюда, пока Он не убил нас, также, как Он убил Моисея.

— Мы не знаем, действительно ли Моисей умер.

Иерахмеил встал.

— Его нет уже целый месяц, Хелувай! Он пожилой человек, а на гору он отправился без воды и еды. И как ты думаешь, где он сейчас?

— Он сорок лет жил в Мадиамской пустыне до того, как вернулся в Египет. Этот старец хорошо знает, как выжить в пустыне.

Есром встал между ними.

— Хелувай, ты правильно сделал, что привел нас в Гесем. Мы освободились от рабства. Но сейчас надо или возвращаться в Египет или идти дальше, в Ханаан. Мы не можем оставаться здесь навсегда.

Халев сжал кулаки.

— Почему? У нас есть вода. У нас есть манна.

— Ну и что это за жизнь? — Иерахмеил пришел в бешенство. — Меня уже тошнит от манны. Она такая сладкая, что в горле застревает!

— В Египте ты никогда не знал, будет у тебя завтра кусок хлеба или нет!

Иерахмеил посмотрел на других родственников.

— Мы должны вернуться в Египет. Они боятся нас. Даже боги боятся нас. Мы можем сделать богов из глины и показать египтянам, что мы вернулись как братья.

Халев усмехнулся.

— Вернуться к тем богам, у которых даже нет силы, чтобы защитить самих себя?

— А что хорошего этот Бог для нас делает? Мы сидим и ждем. Мы ждали несколько недель. Нам что теперь, всю оставшуюся жизнь провести у этой горы?

— Ну, тогда идите, только далеко ли вы уйдете без Его защиты?

— Мы не пойдем одни, Халев. Куда бы я ни посмотрел, везде говорят то же, что и я. Даже этот старец, за которым ты везде ходишь, Завдий, пошел вместе с другими говорить с Аароном.

— И что говорит Аарон?

— Сначала он говорил подождать. Теперь ничего не говорит.

Халев вышел из шатра. Он больше не мог там находиться. Он посмотрел на гору. Ничего не изменилось. Облако по-прежнему было над вершиной, оттуда сверкали молнии. Зачем Богу убивать

Моисея? Какой в этом смысл? Ну, а если старик все еще жив, то почему он так долго не спускается? И где Иисус Навин?

Он сжал кулаки.

— Я не поверю, что Ты привел нас сюда для того, чтобы теперь бросить. Я не поверю этому.

— Хелувай...

Азува стояла на пороге шатра. Она нерешительно подошла к нему, ее взгляд выражал беспокойство.

— Почему ты так упорно веришь этому Богу?

— А что мы еще можем делать?

— Вернуться в Египет.

— Да пусть лучше мои сыновья умрут здесь, чем вернуться в ту землю смерти.

— На этот раз все будет иначе, Хелувай.

— Женщина, ты говоришь о вещах, которых не понимаешь.

Она вздернула подбородок.

— А ты как будто понимаешь этого Бога! Можно подумать, ты знаешь, почему мы остаемся здесь и уже столько дней ждем неизвестно чего!

— Ты бы лучше слушала меня, чем моего брата.

— Я прислушиваюсь к тебе, но тебе самому лучше слушать, что говорит твой отец, — сказав это, она поспешила уйти в шатер.

Расстроенный, Хелувай пошел прогуляться в ночной темноте. Ему очень хотелось бы взобраться на гору и узнать, что случилось с Моисеем. Но здесь была установлена граница: гора — святая земля. Ему нельзя даже наступить на нее.

Бродя по стану, поделенному на небольшие лагеря, Халев слышал, о чем говорили люди. Иерахмеил сказал правду. Он был далеко не единственным, кто думал о возвращении в Египет. Незадолго до рассвета Халев вернулся в шатер и лег спать, обессиленный и сломленный.

Азува разбудила его.

— Муж, по стану только что проходили гонцы. Аарон велел, чтобы каждый мужчина взял по паре золотых серег у своей жены, всех сыновей и дочерей и принес ему. — Она уже собрала серьги и завязала в кусок материи.

— Для чего?

— Какая разница? Твой отец и братья ждут тебя.

— Быстрее! — Иерахмеил появился на пороге шатра. — Возле шатра Аарона стоят корзины, они уже доверху завалены золотыми серьгами. Некоторые кладут даже браслеты и ожерелья.

— Отдавай все, что хочешь. — Недовольный, Халев повернулся на своем тюфяке. Он был слишком усталым и подавленным, чтобы думать, для чего Аарону понадобилось золото.

Но очень скоро он об этом узнал. Известия быстро распространялись по стану. Все должны прийти и поклониться перед Господом. Едва услышав об этом, Халев отправился к месту поклонения. Когда он осознал, что стоит перед статуей золотого тельца, — подобные он видел в Египте, — он замер в недоумении. Впрочем, этот был далек от красивых, искусной работы идолов животных, стоявших на пьедесталах в египетских городах.

— Откуда он взялся? — ошеломленно спросил Халев.

— Аарон сделал его для нас.

— Аарон? — Он не мог поверить, что брат Моисея мог сделать такое. Но сам Аарон стоял неподалеку, перед всем собранием, призывая жертвовать для Бога, который вывел их из Египта.

«Этого не может быть!» — В полном замешательстве, Халев попятился назад.

Люди поклонялись статуе и приносили свои дары. Азува и сыновья Халева, его отец и братья вышли вперед. Перед этим богом никто не трепетал и не дрожал. Наоборот, люди радовались, смеялись, танцевали, веселились... Потом Аарон объявил всеобщий праздник. Халев не знал, что ему теперь делать. Удрученный и окончательно запутавшийся, он вернулся в свой шатер.

По стану разлилась веселая музыка. Скоро отовсюду стал доноситься визг и смех. В шатер ввалилась Азува и легла рядом с Халевом, глядя на него большими потемневшими глазами. От нее пахло фимиамом и вином.

— Так жить можно, правда?

Она прижалась к нему. У Халева перехватило дыхание. Может, лучше вообще не думать о Боге, которого никогда не сможешь понять? Но у него было ощущение, что это неправильно. Он хотел оттолкнуть Азуву, но она его поцеловала. У него закружилась голова. Ведь она его жена все-таки. Конечно же, в этом нет ничего плохого. Может, лучше не мучить себя этим необъяснимым чувством вины и стыда...

— Азува...

— Люби меня.

Почему он должен чувствовать себя виноватым? Может, лучше просто жить и ни о чем не думать? Бог... Нет. Он не будет думать сейчас о Боге. Не сейчас. Запуская пальцы в длинные волосы Азувы, он взял то, что она предлагала, подчиняясь разгоревшемуся внутри огню. Страсть захватила его, но когда она улетучилась, то оставила после себя лишь чувство стыда и смущения. Халев лежал в темноте рядом с довольной спящей Азувой. Еще никогда он не чувствовал себя таким нечистым.

Вдруг он услышал, как стан заволновался.

— Что там еще происходит?

Его жена крепко спала. Благодаря выпитому вину она не реагировала ни на утренний свет, ни на странные звуки. Похоже, что проснется она с головной болью. Халев оделся и вышел из шатра.

Моисей вернулся! Их вождь быстро шел по стану, что-то выкрикивая.

— Он разбил каменные скрижали!

Халев схватил бежавшего мимо человека.

— Какие каменные скрижали?

— Ну, скрижали, на них Господь написал законы, по которым мы должны жить.

Халев бросился туда, откуда раздавались крики. Встав на возвышении, Моисей сбросил золотого тельца с его пьедестала.

— Сожгите его!

Его лицо покраснело, глаза пылали от гнева.

— Сотрите его в порошок и развейте над водой для питья!

Большинство людей едва ли понимали, что происходит. Некоторые были очень пьяны и продолжали веселиться, многие что-то вызывающе выкрикивали.

Халев почувствовал, что надвигается буря. Прибежал Аарон. Он стал что-то кричать. К нему подбежали мужчины из племени Левия и встали за Моисеем. У некоторых были мечи, которые они обнажили.

Внезапно Халев все понял. Увидев своих сыновей среди толпы, настроенной против Моисея, он закричал на пределе своих легких:

— Меша! Мареша! Иешер! Быстро отойдите от этих людей! Шовав! Ардон! Быстро сюда! Ко мне! — Его сыновья с расширенными от удивления глазами стали проталкиваться к нему. Он побежал навстречу и, хватая их, бросился на землю, увлекая сыновей вместе с собой. В панике, они закричали, пытались встать, но он заставил их прижаться к земле. — Преклонитесь перед Господом! Сейчас же преклонитесь! — повторял он.

Крики возмущения и предсмертной агонии слышались отовсюду. Кто-то переступил через Халева и его сыновей. До его слуха доносились удары металла о металл, быстрый обмен короткими фразами, сдавленные крики, глухие удары о землю падающих тел. Его сердце бешено колотилось. Он понимал, что лучше не шевелиться.

— Прости нас, Господь. Прости нас. Господь, прости нас!

Если это гнев Моисея изливался таким образом, то каков тогда гнев Божий?

Рядом кто-то упал замертво. Ардон в ужасе закричал и попытался встать. Халев поспешил придавить его к земле, ложась на него.

— Смилуйся, Господь! Будь милостив! — Охваченные ужасом, его сыновья лежали на земле, тихо всхлипывая. — Молитесь о прощении! Молитесь! — приказал Халев.

— Господь, прости нас...

— Господь, прости...

Услышит ли Господь их тихие голоса среди этого ужасающего рева и хаоса?

Скоро битва закончилась. Теперь слышались горестные вопли и рыдания.

Иерахмеил лежал мертвый возле своего шатра. Другой брат тоже. Их мертвые жены лежали рядом. Есром сидел у своего шатра, раскачиваясь взад-вперед, с побелевшим от горя лицом и в разорванной одежде. Вышла Азува, глядя перед собой затуманенными глазами. Увидев страшное зрелище, она закричала, подняла горсть пыли и бросила в воздух. Халев молча кивнул сыновьям: нужно вынести тела за пределы стана и похоронить.

Будет ли семья винить его в случившемся? Будут ли они обвинять его в том, что он позвал их идти с израильтянами и следовать за их Богом? Захотят ли они теперь вернуться назад?

Когда он вернулся в шатер, все молчали. Никто не смотрел на него, даже его жена и сыновья.

— Вы считаете меня виноватым в том, что они умерли?

— Нам надо было вернуться назад, пока была возможность.

— Вернуться назад к чему, отец? К рабству?

— Мои сыновья мертвы!

«Мои братья», — хотелось добавить Халеву, но он присел на корточки и мягко заговорил:

— Мы должны поклоняться только тому Богу, который освободил нас.

— А разве у нас не может быть выбора, какому богу поклоняться?

Он посмотрел на Азуву.

— Моя жена против меня? Все боги Египта бессильны против Господа, Бога Израиля. — Она была противна ему. Он был противен сам себе.

— Аарон сделал золотого тельца, и Аарон жив.

— Да, отец, потому что он подбежал к Моисею, когда спросили, кто на стороне Господа, а кто нет. Если бы мои братья преклонились перед Господом, они были бы живы. Но они выбрали идти против Моисея и Бога. Они выбрали смерть вместо жизни.

Старик тихо плакал.

Охваченный глубокой скорбью, Халев снял с себя украшения. Когда он снял амулет, который висел у него на шее, он похолодел. Почему он раньше не замечал, что это звезда Ромфа? На руке он носил кобру Ра, на пальце — скарабея из лазурита и чистого золота. Дрожащими руками он снял с себя все драгоценности.

— Снимите все, что чтит других богов. — Они сделали так, как он сказал, выбрасывая прочь подарки египтян. — Это чудо, что мы остались живы!

* * *

Моисей сделал из камня новые скрижали и поднялся на гору, чтобы ходатайствовать перед Богом за свой народ. Когда он вернулся, его лицо сияло, как солнце. Пока он не накрыл лицо покрывалом, никому не хватало мужества подойти к нему, даже его брату Аарону. Моисей вернулся не с пустыми руками: он принес Закон, написанный Божьей рукой на скрижалях. Там же был план, как должна быть построена скиния и сделаны освященные предметы, включая ковчег, где будет храниться Закон. Господь выбрал двух мужей, которые должны руководить строительством скинии, — Веселеила и Аголиава. Для создания скинии и священных предметов нужны были пожертвования, и люди стали их приносить. Разве не для этого Бог побудил египтян осыпать их дарами? Теперь люди могли отдать обратно часть тех драгоценностей, которые Господь дал им раньше.

Халев отдал лучшее из того, что имел.

— Хватит! — сказали помощники Моисея. — У нас всего достаточно!

Работали все. Даже Азува. Вместе со своими родственницами она ткала тонкое полотно. Оставшиеся в живых братья Халева помогали поддерживать огонь, на котором переплавляли золото и бронзу. Халев много работал вместе с племенем Иуды; он считал честью любое задание, которое им давали. Он понимал, что в тяжелые времена такие связи ослабевают. Поэтому нужно найти другой путь, чтобы стать своим для этих людей.

Молодые женщины носили траурную одежду. В день Господнего возмездия за золотого тельца многие потеряли отцов и братьев. Глядя на них, Халев увидел способ, как укрепить связи своей семьи с племенем Иуды.

Он подошел к своему отцу и братьям.

— Мы должны укрепить наш союз с Иудой.

— Как? — охотно спросил Кеназ.

— Возьмите жен из племени Иуды.

Халев взял себе вторую жену Иериофу. Его отец и Кеназ последовали его примеру, в следующие несколько месяцев другие братья сделали то же.

Каждое утро Халев жадно слушал заповеди, которые Бог дал Моисею. Он стремился угодить Богу неба и земли. Несмотря на то, что задача соблюдать многочисленные законы была едва ли выполнимой, он чувствовал себя защищенным со всех сторон, в покое под покровом Божиим.

«Ты знаешь мое сердце, Господь. Ты знаешь, как я хочу угодить Тебе». Когда скиния и священные предметы были готовы, Халев стоял среди множества людей на церемонии посвящения, молясь о том, чтобы Господу понравилась их работа. Он не занял место впереди, поэтому ему приходилось вытягивать шею и изо всех сил напрягать слух, чтобы слышать то, что там говорили. Наконец, он сдался и стал смотреть на облако. Когда оно двинулось, его сердце громко заколотилось. В благоговении и трепете он затаил дыхание. Когда облако спустилось и наполнило скинию, люди заплакали от радости. Халев воздал хвалу Господу.

Радость была недолгой. Прошло немного времени и...

— Сыновья Аарона умерли! — со слезами выкрикивали люди. Некоторые убежали.

— Что случилось?

— Их убило огнем!

— Почему?

Позже Халев услышал, что они пренебрегли законом Божиим и принесли благовоения не так, как повелел Господь. Халева охватил страх. Если Господь убил сыновей Аарона, значит, Он не будет терпеть греха среди Своего народа. Халев очень боялся нарушить хотя бы одну из Божьих заповедей. Завдий представлял племя Иуды среди семидесяти старейшин и он обучал сыновей Иуды законам Божиим. Когда старец садился наставлять свое племя, объясняя заповеди, которые Моисей получил от Господа, Халев был там, слушая более внимательно, чем молодые люди.

Чем ближе они подходили к Обетованной земле, тем больше становилось проблем. Египтяне, шедшие с ними, жаловались на манну. Они желали рыбы, огурцов, дынь, лука и чеснока, которые могли есть у себя на родине.

— Нас уже тошнит от одной манны! — заявляли они.

К ним стали подключаться израильтяне. Даже сыновья Иуды начали жаловаться.

— Эти люди так ничему и не научились. — Когда начинался ропот, Халев не разрешал своим женам и детям выходить из шатра. — Или они думают, что Господь не слышит их ворчание?

Иериофа ничего не сказала, но Азува начала спорить:

— Меня тоже тошнит от манны! Да я заставляю себя ее глотать, у меня ее сладость уже поперек горла стоит!

— Не испытывай мое терпение, женщина. Когда ты научишься благодарить Бога за то, что Он дает нам?

— Я благодарна, но разве мы должны все время есть одно и то же?

— Ты в Египте ела одни ячменные лепешки с водой и ни разу не пожаловалась.

— Да, но этот Бог может дать нам все, чего бы мы ни пожелали. Он мог бы устроить нам праздничный стол, а вместо этого заставляет каждое утро ползать па коленях и собирать порцию манны на один день. Почему? Да, меня тошнит от этого, тошнит от этого всего! Не надо было нам из Египта уходить!

Затем Бог послал перепелов и смертельную болезнь.

Азува наслаждалась жареной птицей и умерла.

Охваченный горем, Халев вспоминал ее невестой, потом матерью. Оставив Иериофу в лагере с маленьким ребенком, он с остальными сыновьями отнес тело своей жены за пределы стана. Ее похоронили среди тысяч других. В слезах, Халев опустил на колени и, глядя на облако, протянул к небу руки. «Почему они не послушались, Господь? Почему я верю Тебе, а так много людей — нет? Они видели бедствия, которые Ты посылаешь на Египет. Они шли через море. Они видели, как из скалы полилась вода. Они ели манну. Почему, Господь? Почему они не верят?»

Спустя тридцать дней после смерти Азувы Халев стал искать другую жену среди дочерей Иуды, оставшихся без отцов.

Завдий дал ему совет:

— Ты сделаешь хороший выбор, женившись на Ефрафе.

Евреи, слышавшие их разговор, обменялись улыбками, и Халев заподозрил, что больше никто не хотел брать за себя эту женщину. Что ж, пусть будет так. Он сделает все возможное, чтобы породниться с Завдием, даже если придется взять за себя уродину, которую хотят сбить с рук.

— Я приготовлю все для выкупа невесты.

Несколько мужчин тихо засмеялись и, склонившись друг к другу, стали перешептываться. Завдий взял Халева за рукав.

— Не обращай внимания на тех, кто видит только то, что снаружи.

Ефрафу привели к нему в шатер. Когда Халев поднял вуаль, его подозрения оправдались. Он относился к ней скорее с уважением, чем с любовью.

* * *

Вскоре поднялся новый бунт — на этот раз первосвященник Аарон и его сестра Мариам были возмущены тем, что Моисей взял себе в жены кушитку. За это Господь поразил Мариам проказой, а затем исцелил, когда Аарон попросил за нее. Но Закон требовал, чтобы Мариам провела семь дней вне стана. Весь народ ждал ее возвращения: она пользовалась среди израильтян большим уважением как та самая сестра Моисея, которая наблюдала за ним, когда он младенцем плыл в корзине по Нилу. Потом она набралась смелости, сказав дочери фараона, что ребенку нужна кормилица. Затем сообразительная девочка привела свою мать в качестве кормилицы и няни.

* * *

Халев любил слушать Ефрафу. Она прекрасно знала историю своего народа и рассказывала ему то, чего он никогда раньше не слышал. Она была красноречивее Завдия и всех старейшин! Каждая частица информации, полученная от нее, помогала Халеву узнать выбранное им племя и стать его частью. Он улыбался, когда его сыновья подсаживались поближе к ней, стараясь не пропустить ни слова. У его новой жены был настоящий дар рассказчика. Теперь, узнав ее, он стал дорожить ею. В своей вере она была такой же упрямой, как и он. Даже Иериофа, которая скоро должна была родить второго ребенка, привязалась к Ефрафе.

— Моисей плыл мимо крокодилов и больших ядовитых змей. — Ефрафа волнообразно двигала руками, когда рассказывала историю о Моисее. — Но никто в реке не обращал на него внимания, даже мудрые ибисы. Избавитель Израиля проплывал совсем рядом с ними, они могли легко достать его, но они об этом не знали. И Господь отправил ребеночка... прямо в руки дочери фараона, Его врага. А потом сестра Моисея, Мариам, вышла из своего укрытия и сказала, что малышу нужна кормилица, и если госпожа пожелает, она найдет ее. Госпожа, конечно, пожелала, ведь молока у нее не было. Вот так мать Моисея, Иохаведа, получила обратно своего сыночка. — Ефрафа засмеялась. — Господь посмеется над Своими врагами, потому что у них нет силы против Него.

Этой ночью Халев прижал Ефрафу к себе. Он шепнул в ложбинку на ее шее:

— Ты стоишь столько золота, сколько ты вешишь.

* * *

Завдий и другие старейшины из племени Иуды созвали всех глав семейств. Моисею нужны двенадцать разведчиков, чтобы пойти в Ханаан, — по одному из каждого племени. Мужья Иуды должны выбрать своего представителя.

С десяток человек пожелали пойти в эту землю, среди них был Халев. Он вздрагивал от одной мысли о том, что, когда они пойдут в Ханаан, над ними не будет Бога. Но, с другой стороны, если его все же выберут, он и его семья всегда будут в почете.

— Разрешите мне! Я не боюсь. Пошлите меня!

Все заговорили одновременно, и его не слышал никто, кроме стоявших рядом мужчин. Они презрительно посмеивались. Старейшины собрались вместе для обсуждения.

— Для такого похода нам нужен юноша без жены и детей.

— Нет гарантий, что этот человек вернется живым.

— В той земле живут великаны. Потомки Енака.

После этих слов многим расхотелось идти в Ханаан.

Голоса зазвучали громче.

— Пусть каждая семья предложит своего человека, и мы бросим жребий. Так и узнаем, кого Господь хочет послать.

Понимая, что в этом случае у него нет шансов, Халев прошел в середину круга.

— Я пойду. — Его сыновья будут жить среди Божьего народа, даже если ему придется ради этого пожертвовать своей жизнью.

Все собрание затихло. Несколько человек посмотрели на Завдия.

Старец отрицательно покачал головой.

— Нет.

Халев взглянул на старика, которого он спас.

— Почему нет? — Он оглядел круг. — Я не вижу много желающих идти туда.

— У тебя две жены и сыновья.

— И еще целая куча народу, которые пришла с ним! — выкрикнул кто-то сзади.

Внутри Халева все закипело, но он заставил себя выдавить кривую улыбку.

— Почему бы не послать этого пса, если он так хочет обнюхать Ханаан? — сказал кто-то. Некоторые смеялись, другие выкрикивали свое согласие. — Ну, что скажете? Пошлете вы этого Халева? — Сквозь смех все больше голосов выражали свое согласие. Халев смеялся громче всех. — Смейтесь надо мной, если вам так хочется, но пошлите меня. Если я умру в Ханаане, что вы потеряете?

— Ничего!

— Хватит! — закричал Завдий. — Послушайте меня! — Мужчины притихли. — Моисей сказал, что это должны быть вожди, лучшие люди. Тот, кто высмеивает своего брата, не вождь. — Халев почувствовал, как кровь прилила к его лицу, но понял, что сердитый взгляд Завдия был направлен на того, кто первый заговорил обидные слова. Тот опустил глаза. Завдий посмотрел на остальных. — Итак, кто будет представлять Иуду в этом опасном задании? Кто хочет этого, сделайте шаг вперед. Если нет, то молчите.

Ободренный защитой Завдия, Халев шагнул в середину круга.

— Пошлите меня.

— Ты не подготовлен.

— Разве я не сражался против амаликитян с Иисусом Навином?

— Ты мой друг, Халев, но ты не...

— Чистокровный. — Закончил другой мужчина то, что Завдий по своей доброте не хотел произносить.

Лицо Халева залилось краской, когда он посмотрел на старейшин.

— Разве не вы только что назвали меня братом?

— Мы в союзе с тобой, но от нас должен пойти иудей по рождению.

Эти слова произнес Завдий, и Халева это задело, ведь он считал старика своим союзником.

— Тогда где же этот иудей? — Халев показал на других, не говоривших ни слова.

Завдий нахмурился.

— Ты уже не молод, Халев.

— Мне сорок лет, и у меня сорокалетний жизненный опыт. — Он повернулся спиной к Завдию и пошел по кругу, останавливаясь и заглядывая в лицо каждому из стоявших впереди мужчин. — Ты! Хочешь пойти? Хочешь? Давай! Сделай шаг вперед, если готов встретиться с Енаком. — Никто долго не выдерживал его взгляд.

— Тот, кто пойдет в Ханаан, должен высмотреть не только врага, его городские стены и оружие, но и саму землю. Разве у Иуды не должно быть самого лучшего? Все вы были пастухами и делали кирпичи. А я был земледельцем. Я жил за счет земли. Чтобы получить хороший урожай, нужна хорошая земля. А уж в ней-то я разбираюсь. Я предлагаю себя как слугу. Пошлите меня!

Заговорили все сразу.

— Пусть решит Господь, — выкрикнул кто-то, и другие его поддержали.

Завдий и старейшины призвали всех к порядку и решили бросить жребий.

— Один мужчина из каждой семьи должен принести кость для жребия. Пусть решает Господь.

Так был положен конец спорам. Отчаявшийся Халев вырезал свое имя на куске кости и бросил ее в большую и все время растущую грудку костей. Во время переписи в племени Иуды насчитали 74,600 мужчин от двадцати лет и выше. В этой куче будет много тысяч костей. Лоты встряхнули и бросили, и начался процесс исключения. Это будет продолжаться всю ночь, если не дольше.

Ефрафа попыталась его успокоить, но Халеву захотелось уединиться, и он, выйдя из шатра, сел на землю, глядя на огненный столп, светящийся в ночном небе. Он поднял вверх руки. Он так хотел идти в Ханаан, что ему не хватало слов, чтобы выразить это желание.

«Я так же, как и все мужчины, боюсь идти в Ханаан и встретиться с теми великанами. Но я еще больше боюсь не быть в числе Твоего народа. Не позволь им отбросить мой жребий в сторону. Пожалуйста, не отвергай меня, Господь. Очисти мою кровь. Сделай меня сыном Израиля!»

Он покрыл голову.

— Господь, я знаю, что я не чистокровный еврей. Я знаю, что во мне течет кровь Исава. Но даже если так, Господь... — Он поднял голову, по его щекам текли слезы. — Ты мой Бог. Ты и только Ты. Нет другого.

Он знал, что многие его не любили, считая гордым и честолюбивым; он был для них как жало в плоть. Некоторым хотелось, чтобы он вернулся в Египет. Они смотрели на него как на пса, рычащего, лающего и пресмыкающегося на краю их стана. А разве не так он вел себя, постоянно лая о том, чего он хочет? Место среди Божьего народа! Он печально вздохнул. Почему он решил, что он достоин представлять племя Иуды? Наверняка, Господь посмотрел вниз и увидел в нем беспородного пса, каким он и являлся. Сгорбившись, он сидел, привалившись к камню. Он чувствовал себя слишком подавленным, чтобы идти обратно в лагерь.

Рассвело, и скоро вошло солнце. Только в полдень он решил вернуться в свой шатер. У входа сидел Завдий, потягивая напиток, предложенный Ефрафой.

Халев сел рядом.

— Завдий, мне очень жаль, что я поставил тебя в неловкое положение. У меня не было права просить, чтобы меня избрали представлять Иуду. Я не достоин.

Старец раскрыл ладонь. В ней был жребий Халева. Он взял кость и покрутил ее пальцами, рассматривая.

— Ты вытащил мой жребий из кучи.

— Да.

Халев почувствовал себя так, как будто его только что ударили в живот. Он заговорил не сразу:

— Я думал, что, если меня включили в перепись, это дает мне право положить свой жребий.

— Ты не так понял меня, Халев.

— Наверное, да. — Халев посмотрел на соседние шатры. Он не хотел, чтобы Завдий увидел обиду и сожаление в его глазах. На языке вертелись гневные слова, но он сдержался. Скажи он что-нибудь сгоряча, и между ними навсегда ляжет пропасть, а друзей у Халева в племени Иуды совсем не много.

— Кто же выиграл?

— По-моему, ты единственный человек, кто считает это выигрышем.

Халев грустно усмехнулся.

— Кого посылает Господь?

— А как ты думаешь? — Старец пристально смотрел на него. Через пару мгновений он улыбнулся. — Из всех мужчин Иуды Бог выбрал тебя представлять нас.

У Халева мурашки побежали по телу. Его наполнила радость, которая сменилась ужасом. Он нервно вздохнул.

Завдий засмеялся.

— Чудеса продолжаются среди нас, друг мой. Впервые вижу, чтобы ты молчал. — Он поднялся. — Иди к Моисею, он даст все указания. Если тебе понадобится что-нибудь, только скажи. Мужчины Иуды дадут все, что тебе нужно.

* * *

Увидев Иисуса Навина среди других соглядатаев, Халев стал пробираться к нему.

— Здравствуй, мой юный друг, — усмехнулся Халев. — Разреши старику пойти с тобой, Тогда горячая юность и большой жизненный опыт будут вместе.

Иисус Навин засмеялся:

— Я так и думал, что Иуда пошлет тебя.

Они пожали друг другу руки.

— Бог послал меня.

— Я бы хотел познакомиться с твоим другом, Иисус Навин.

Этот голос Халев узнал бы даже в полной темноте. Его сердце гулко застучало, он повернулся к Моисею и низко склонился перед ним. Он еще никогда не был так близко к избранному Богом пророку. Аарон, в одежде первосвященника, стоял позади брата, прощенный и восстановленный Господом.

— Не преклоняйся передо мной. — Моисей положил руку на плечо Халева. — Я всего лишь человек.

Халев выпрямился.

— Да, человек, но Богом помазанный пророк, который говорит Его слова. Ты просил Бога сохранить наши жизни, когда мы были достойны смерти. И Бог даровал нам милость. Пусть Господь даст тебе долгую жизнь и научит нас послушанию.

Иисус Навин взял его за плечо.

— Это Халев из колена Иуды.

— А, да. Я видел, как ты сражался рядом с Иисусом против амаликитян.

Потрясенный тем, что его заметили, Халев получил свое благословение.

Моисей собрал соглядатаев.

— Господь сказал мне послать из народа мужей, чтобы разведать землю Ханаанскую, которую Он собирается дать нам. Итак, идите на север через Негев и поднимитесь на холмы. Осмотрите эту землю, узнайте, что за люди там живут — сильные или слабые, многочисленные или нет. Что это за земля? Хорошая или плохая? Есть ли вокруг городов крепостные стены или они не защищены? Какая там почва? Плодородная или нет? Много ли там деревьев? Смело войдите в эту землю и принесите плоды, которые там увидите.

Помолившись и благословив соглядатаев, Моисей и Аарон оставили их одних обсуждать дальнейшие планы.

Разведчики решили, что соберутся здесь на рассвете и отправятся в путь.

Халев вернулся в свой шатер. У него были свои идеи, как подготовиться к походу.

Когда следующим утром он пришел на место встречи, все, не сговариваясь, уставились на него. Раздался смех.

— Ты выглядишь, как египетский торговец.

Халев ухмыльнулся:

— Отлично. — На нем был пышный египетский наряд, за собой он привел четырех ослов: три из них, связанные одной веревкой, были нагружены разнообразными товарами, которыми его обеспечили мужи Иуды; четвертый был с седлом, но без всадника. — Это лучший способ, как войти в города с крепостными стенами да еще и как следует осмотреть их.

— Заходить в эти города? Ты что, с ума сошел?

— Мы и снаружи увидим все, что нам нужно.

Спорить с ними было слишком рано.

— Тогда вы идите своим путем, а мы пойдем своим. — Он бросил поводья Иисусу Навину, затем, сев на другого осла, ударил его в бок палкой и отправился в путь. Надо уйти подальше от Кадеса. Когда они остановятся для ночевки в пустыне Фаран, можно будет поговорить с соглядатаями. Возможно, тогда, они будут его слушать. Все последовали за ними, что-то недовольно бормоча.

Иисус Навин ехал рядом с Халевом.

— Что ты собрался делать? — Халев заметил, что юноша чувствовал себя не очень комфортно верхом на осле.

Тогда Халев спустился на землю. Иисус Навин тоже спешился, и они зашагали рядом.

— Вот, как я все это вижу, Иисус Навин. Нам нужно узнать, как вооружены хананеи, какие у них защитные сооружения. Но мы не узнаем этого, если будем просто бродить вокруг города. Нужно войти внутрь и посмотреть, есть ли у них военные машины и, если есть, то какие, какой прочности стены и где в них слабые места.

— Ты ведь земледelec, откуда ты все это знаешь? И откуда ты можешь знать, как вести войну?

— Мой друг, я не много знаю, но я просто научился внимательно смотреть по сторонам и замечать все вокруг. Мы прислушиваемся к ветру и наблюдаем, как движутся звезды и как сменяются времена года. Я думаю, что есть больше, чем одна причина для каждого из повелений, которые Господь дает.

Иисус Навин посмотрел на него.

— Продолжай.

— Мы знаем, что Господь сражается за нас. Он разрушил Египет Своими казнями и разделил море, чтобы благополучно вывести нас из Египта. Мы знаем, что Он обещал дать нам Ханаан. Но мы продолжаем испытывать Его. Наверное, это часть нашей природы — все время восставать против Господа. Никто не знает, что будет завтра. Но, наверняка, есть больше, чем одна причина, для чего Бог посылает нас осмотреть эту землю и людей, которые живут в ней. — Халев слегка улыбнулся. — Если мы снова потерпим неудачу, что Господь скажет нам делать? — Или что Бог сделает с ними?

— Мы не потерпим неудачу.

— Я верю в Бога, мой друг, но очень мало я верю в людей.

Отряд расположился лагерем в безлюдной южной части пустыни Син. Когда они подошли к засушливой гористой местности Негев, Халев решил, что будет мудрее, если они разделятся на небольшие группы.

— Нам безопаснее быть всем вместе, — возразили другие.

— Два человека двигаются гораздо быстрее, чем двенадцать, и шесть групп смогут осмотреть Ханаан лучше, чем одна.

— Да, это одна из причин. — Лицо Иисуса Навина казалось бронзовым при свете костра. — Есть еще одна. Если мы придем в Ханаан все вместе, то привлечем к себе внимание, и жители смогут увидеть в нас угрозу. Если мы пойдем по двое, то растворимся среди жителей и смешаемся с ними. Обо всем, что увидите, делайте заметки. Подходите к разным людям и слушайте. Потом мы встретимся здесь и все вместе двинемся обратно.

У Халева была еще одна идея:

— Куда вы ни пойдете, рассказывайте всем, что случилось в Египте. Распространяйте слухи о том, что Господь, Бог Израиля, уничтожил богов Египта и избавил евреев от рабства.

Все соглядатаи стали возражать, заговорив одновременно:

— Если мы так сделаем, то старейшины станут нас расспрашивать.

— Чем меньше мы будем говорить о том, что Бог сделал в Египте, тем в большей безопасности мы будем.

Даже Иисус Навин казался обеспокоенным предложением Халева. Тот попытался объяснить:

— Бог призвал сюда вождей из каждого племени Израиля. Мужественных людей! Вы все моложе меня, но где ваш огонь молодости? Вы что, не слышали, что сказал Моисей? Господь уже отдал нам эту землю. Ханаан уже наш. Нас послали только для того, чтобы посмотреть, увидеть и рассказать людям, какой чудесный подарок Господь нам сделал.

— Ты действительно думаешь, что мы будем просто прогуливаться по Ханаану, а жители — убегать от нас?

— Если они узнают о том, какой Бог идет с нами, так и будет! Когда Господь на нашей стороне, кто осмелится пойти против нас? Пусть хананеи узнают, что случилось в Египте — тогда страх Господень сойдет на них. И тогда они убегут от нас, как только Моисей приведет наш народ в Ханаан.

Поднялся Сафат из племени Симеона.

— Смелый у тебя план, Халев.

Саммуа из племени Рувима потрянул головой.

— Слишком смелый, мне кажется.

— Разве мы не должны быть смелыми? Посмотрите на Господа, ведь Он...

— Наша задача — высмотреть землю! — заявил Фалтий из племени Вениамина. — Вот, что сказал Моисей! Больше он ничего не говорил нам делать.

К словам Халева прислушиваться не хотели.

— И я больше ничего не собираюсь делать, — мрачно улыбнулся Нахбий из племени Неффалима.

— Какая польза от того, что мы погибнем? — поинтересовался Аммиил из племени Дана.

Иисус Навин посмотрел на Халева сквозь языки огня. Халев внимательно вглядывался в его лицо. «Почему ты ничего не говоришь? Ты, кто стоит рядом с Моисеем. Ты, кто видел силу Господню ближе, чем кто-либо из нас...»

Разговор вокруг них продолжался.

— Никто из нас не умрет, если мы будем держаться подальше от городов и не приближаться к дорогам.

— Ну и сидите потише и пониже! — сказал с отвращением Халев. — Прячьтесь получше, как ящерицы в пыли.

Глаза Сафата вспыхнули.

— Не ты над нами главный, Халев. Мы будем делать то, что сами посчитаем наилучшим.

Игал из племени Иссахара, Гаддий от Манассии и Сефур из племени Асира выразили свое согласие.

— Вам ведь не надо много говорить, чтобы посеять в сердцах людей семена страха. — Стиснув зубы, Халев посмотрел на собравшихся.

— Нас послали не для того, чтобы рисковать. А ты обрекаешь на верную смерть и себя, и того, кто пойдет вместе с тобой!

Халев посмотрел на Иисуса Навина. Тот поднял глаза к небесам.

— И это вожди Израиля? — Не в состоянии больше это выносить, он резко поднялся и пошел в ночную темноту. Ему хотелось высказать им все, что он думает о них, но он решил уйти подальше от всех и, усевшись в одиночестве, стал думать о Боге. Ему очень не хватало клубящегося вверху облака Божьей защиты, Его Слова, которое Он говорил через Моисея. Даже теперь, будучи избранным Господом, чтобы быть среди этих людей, Халев чувствовал Себя чужим. Что у него общего с ними? Божьи избранники!? Трусые, все до одного! Он не понимал молчания Иисуса Навина. Молодой человек храбро сражался против амаликитян. Трусом он точно не был. Тогда почему он молча сидит, просто наблюдает и слушает, ничего не предлагает?

«Разве я не прав, Господь? Разве мы должны ползать по земле, прятаться за скалами и за кустами и только робко выглядывать из своих укрытий? Разве мы должны ходить на цыпочках по этой земле? Может, я должен вернуться к ним и согласиться с их планом? Но я не могу это сделать. Не могу!»

Если я буду сидеть с ними и слушать их советы, то, в конце концов, поддамся страху. Я начну бояться хананеев так же, как когда-то египтян. Тогда страх станет управлять мной и моей жизнью. Господи, Ты единственный, кого нужно страшиться. Ты единственный, в чьих руках находятся наши жизни».

К нему подошел Иисус Навин.

— Мы пойдем с первыми лучами солнца. — Он поднял голову, всматриваясь в ночное небо. — Они пойдут тремя группами.

— Три группы и кто-то в одиночку.

— Ты пойдешь вместе со мной.

— Ты решил это сам, Иисус Навин? — Вставая, Халев холодно усмехнулся. — Или за тебя решили другие? Может, вы бросали жребий у костра?

— Я должен был выслушать план каждого, затем передать все это Господу и искать Его руководства.

От этих слов недовольство Халева тут же улетучилось. Он смущенно почесал затылок.

— Прости меня, брат. — Он улыбнулся, стараясь показать смирение. — Не удивительно, что Бог выбрал тебя, чтобы стоять рядом с Моисеем.

— Халев, мне нужно многому научиться, но Господь сказал «не бойся».

Халев повернулся к костру.

— Тогда мы не будем бояться! Скажем «нет» страху перед людьми и будем бояться только Господа, который держит наши жизни в Своей могущественной руке.

* * *

Из-за труднопроходимых гор и каньонов Негева дальнейший путь оказался нелегким. Две группы решили, что направятся на запад, туда, где виднелись холмы; они пойдут лесами, что ниже той страны, которая расположилась на горе. Халев вздохнул с облегчением, узнав, что они все-таки решили немного рискнуть.

Халев и Иисус Навин двинулись дальше на север. Вскоре их взору открылись города, построенные из камня прямо на холмах. Они заночевали под стенами Кириаф-Сефера, наутро заплатили пошлину, чтобы можно было торговать, и, придя на рынок, выставили свои товары.

Глядя на мужчин из племени Хета, Халеву приходилось бороться со страхом. Они были примерно на голову выше его, более тяжелого и мускулистого телосложения. Вооруженные и богато одетые, в конусообразных шлемах, с заплетенными в косу волосами и подстриженными бородами, в красивой одежде из красочных узорчатых тканей и кожаной обуви, — эти мужчины излучали достоинство и уверенность в своей силе. Женщины были привлекательны и смелы.

— Ты разговариваешь не так, как мы. — Одна из женщин оглядела его с ног до головы. — Откуда ты?

Он заметил ее интерес к браслету из золота и лазурита и показал его поближе.

— Я из Египта. Того, что весь в руинах. — Он протянул ей браслет и назвал свою цену — зерно и оливковое масло.

Другие вертелись около украшений, пытаясь сторговаться.

— Абрикосы подойдут? А миндаль? — Халев согласился, попросив по одной мере того и другого.

Скоро вернулась первая покупательница, неся требуемые продукты. Ее глаза засияли, когда она надела браслет на руку.

— Отличная сделка, — засмеялась она. — Зерна и оливкового масла у нас сколько хочешь, а таких чудных вещичек нет. — Она нежно погладила золото. — А что ты имел в виду, когда сказал, что Египет в руинах?

— Ужасные бедствия.

— Какие такие бедствия? — переспросил кто-то другой, услышав страшное слово.

— Бог евреев сражался с богами фараона. Воды Нила превратились в кровь. Жабы и песьи мухи наводнили всю страну. Потом пришла саранча и съела весь урожай, а все, что после этого осталось, уничтожил огонь с небес. А потом ужасный мор убил весь крупный скот, овец, коз и верблюдов. А когда мы стали умирать с голоду, на всех нас появились ужасные нарывы и язвы. В доме фараона все заболело так же, как и мы. А потом случилось самое страшное. У вас когда-нибудь были нарывы?

— Нет.

— Такая боль, такие мучения, вы даже представить себе не можете. После них остаются рубцы и шрамы... Ужасные.

— Рубцы? — Глаза первой женщины расширились от страха. — Но ты сказал, это еще не самое страшное. Что может быть хуже, чем уничтоженная красота?

— Расскажи нам. — Другая женщина подошла и встала рядом.

— Что ты имел в виду, когда сказал «самое страшное»?

— Разве может быть что-то страшнее того, что ты сейчас рассказал?

— Господь, Бог Израиля, поразил каждого первенца, от дома фараона до самого ничтожного раба, даже среди животных.

— Вы слышали, что этот человек сказал? — Покупательница позвала других людей, чтобы они тоже услышали рассказ Халева. Собралась толпа.

— И как вы остались живы?

— Мы чудом уцелели. — У одного из стоявших вблизи мужчин Халев заметил оружие. — Можно посмотреть твой меч?

— Зачем? У вас в Египте есть мечи.

— Но такого я никогда не видел.

Насмешливо глядя на Халева, мужчина с гордостью вытащил свой меч и протянул ему. Осторожно взяв оружие, Халев тут же польстил владельцу:

— Такая честь держать это в руках.

Халев стал рассматривать форму клинка, оценивать вес, пока хозяин посмеивался над ним со своими друзьями.

Халев передал меч Иисусу Навину, который тоже рассмотрел его и отдал хеттеянину.

— Наверно, пора нам расширить свою территорию, — произнес воин, вставляя меч обратно в ножны. — Мы расскажем нашему царю, что Египет ослаблен.

Халев и Иисус Навин по очереди обошли город, потом собрали оставшиеся товары и двинулись дальше.

— У них даже больше богов, чем в Египте.

— Это куда худшие боги, — сказал Халев, не скрывая своего отвращения. — Я здесь чужой человек, а одна женщина предлагает мне разделить с ней ложе, чтобы ублажить Астарту.

— Это хорошо, что еще Анат не взывала к твоим чувствам. Эти люди поклоняются богам, которые пожирают детей в огне и призывают мужчин и женщин заниматься блудом на их алтарях. Ты заметил, что те женщины на базаре почти не удивились, когда ты рассказал о десятой казни — смерти первенцев? В Ханаане принято бросать перворожденных сыновей в огонь, чтобы угодить Молоху.

Они подошли к Кириаф-Арбе, городу, населенному потомками Енака, который произошел от великанов. Земля была плодородной, а город — хорошо укрепленным, окруженным защитными стенами. Алтари были здесь на каждом шагу, самый большой из них находился в самом центре. Вскоре Халев увидел множество людей, которые собрались посмотреть, как мужчина и женщина извивались на одном из алтарей и взывали к Ваалу, прося пробудиться и принести плодородие на их землю. В толпе, как огонь, разгоралась похоть. Чем больше Халев смотрел на этих людей, тем большее отвращение они вызывали у него из-за их развращенности и нечестия. Абсурдность поклонения почитаемым здесь богам переходила все возможные границы: в угоду идолам люди даже бросали в огонь собственных детей.

Следующим был город иевусеев, расположившийся на вершине горы, потом Гай и Сихем и, наконец, Рехов далеко на севере. Снова повернув на юг, Халев и Иисус Навин спустились с гор и продолжили свой путь вдоль большой расселины по берегу реки Иордан. Вдали виднелся Иерихон.

Идя по торговому пути, они снова поднялись в горы, где в назначенном месте, недалеко от Кириаф-Арбы, встретились с остальными. Все разведчики согласились на том, что земля была в точности тем, что обещал Господь: земля, где подлинно течет молоко и мед благодаря многочисленным стадам, фруктовым деревьям, пшеничным полям, оливковым рощам и виноградникам. Каждый попробовал плоды этой земли.

Возвращаясь в Кадес через долину, Халев и Иисус Навин срезали кисть винограда — она была такой огромной, что нести ее пришлось вдвоем подвешенной на шесте.

— Пойдите сорвите немного гранатов, — попросил Иисус других соглядатаев.

— И немного смокв! — смеясь, добавил Халев. — Хотя люди все равно не поверят в это изобилие, пока не увидят собственными глазами. Даже эти плоды не убедят их, что земля просто чудесная.

Сорок дней прошли, и Халев с нетерпением ждал, когда они придут в Кадес. Чем раньше люди услышат и увидят доказательства того, что все сказанное Богом — правда, тем быстрее все они вернуться в эту землю. Бог поможет им вытеснить ее нечестивых обитателей, и двенадцать племен Израиля вернуться на землю своих предков, оставленную четыреста лет назад.

Ни разу ему не пришла в голову мысль, что люди могут не послушать их.

* * *

— Разведчики идут! — радостно кричали люди.

— Они здесь!

К ним бежали все, от мала до велика — мужчины, женщины, дети. Едва они вошли в стан, как их уже сопровождала толпа. Кисть винограда вызывала всеобщее удивление:

— Вы когда-нибудь такое видели? — спрашивали люди друг друга.

— Это только капля из того, что Бог дает нам, — Халев не переставал хвалиться Господом. — Там леса, пшеничные поля, фруктовые сады, стада овец и крупного скота...

— А люди? Какие там люди?

— Высокие, — сказал Фалтий.

— Жестокие. Все воины, — доложил Аммиил.

— Они ничто для Господа, Бога нашего! — с досадой воскликнул Халев.

Моисей, Аарон и семьдесят старейшин уже ждали их перед скинией. Иисус Навин и Халев пошли рядом, неся кисть винограда так, чтобы она сразу же бросалась в глаза собравшимся. Халев, видя выражение лиц старейшин, радостно смеялся. Тысячи людей толпились вокруг, стараясь увидеть соглядатаев и диковинные плоды, которые они принесли. Моисей поднял руки, призывая к тишине.

— Расскажите нам, что вы узнали.

Сафат быстро заговорил, к нему присоединились Игал, Фалтий и Аммиил.

— Мы ходили в землю, в которую ты послал нас, и это на самом деле прекрасная страна — в ней подлинно течет молоко и мед. Вот некоторые плоды этой земли как доказательство. Но народ,

живущий там, очень сильный, города укрепленные и очень большие. Мы видели потомков Енака, которые живут там!

— Великаны! — прокатилась волна встревоженных голосов.

— А в Негеве живут амаликитяне.

— А хеттеи, иевусеи и аморреи живут в горной местности.

— Хананеи живут вдоль Средиземного моря и Иорданской долины.

Голоса становились все беспокойнее, страх распространялся среди собравшихся.

— Великаны... укрепленные города... Енак...

Халев вышел вперед и поднял руки.

— Тише. Послушайте! — Он не кричал, зная, что должен говорить спокойно, как отец с испуганными детьми. — Нас послали не для того, чтобы узнать, сможем ли мы захватить эту землю. Господь уже дал нам эту землю. Все, что нам нужно сделать, это послушаться Его. Помните, что Господь сделал с Египтом. Так пойдемте сразу же и захватим эту землю! Мы обязательно завладеем ею!

Но его прервали громкие голоса других разведчиков:

— Мы не можем идти против них!

— Они сильнее нас!

— Послушайте нас!

— Да что мы знаем о войне?

— Мы всего лишь рабы!

— А они опытные воины!

Но Халеву удалось перекричать их:

— Мы можем овладеть этой землей! Не бойтесь ее жителей!

— Не слушайте этого человека! Он даже не еврей!

Мужчины воскликнули:

— Он от племени Иуды! Халев говорит от Иуды!

С еще большей смелостью Халев снова закричал:

— Это прекрасная земля! Там зеленые поля, холмы, города уже построены и ждут, когда мы придем и поселимся в них!

— Эта земля поглотит любого, кто осмелится туда войти!

— Все люди в этой земле просто огромные!

— Мы даже видели там великанов, потомков Енака!

— И мы были перед ними, как саранча — вот, кто мы для них!

— Эта наша земля! — не сдавался Халев. — Господь уже отдал ее нам!

Моисей призвал к порядку. Еще больше постаревший и усталый, он попросил весь народ вернуться в шатры и позволить старейшинам поговорить отдельно. Удрученные и подавленные, он и Аарон

ушли, старейшины последовали за ними. Многие люди выкрикивали слова разочарования и неверия и расходились со слезами на глазах.

В гневе Халев схватил за плечо Иисуса Навина.

— Почему ты ничего не сказал? Почему ты молчал?

— Здесь было два миллиона человек и десять пытались что-то кричать в надежде, что их услышат. Они бы не услышали меня.

— Ты, также как и я, знаешь, что эта земля уже наша. Бог сказал, что дает ее нам. Где твоя вера, Иисус Навин? Где твоя храбрость, которую я видел в битве с амаликитянами? Где та уверенность, которую я видел в Ханаане? Те десять — все они трусы. Мы не можем позволять им подрывать веру людей. Ты имеешь влияние, тебя все знают. Люди послушают тебя! Ты собираешься говорить или нет? Решай, Иисус Навин! Будешь ли ты вести народ или ты будешь следовать?

— Я не вождь, Халев. Моисей — вождь.

— Сейчас, да. И как его помощник ты можешь поговорить с ним. Но будешь ли ты настолько смелым, чтобы сделать это? Как ты думаешь, почему Господь поставил тебя рядом с Моисеем? Подумай. Когда Моисей уйдет к своим отцам, кто займет его место? Его сыновья, наполовину мадианитяне? Или Корей, который мечтает отвести нас обратно в Египет? Господь готовит тебя быть вождем. Почему так получается, что я это понимаю, а ты нет? Ради Бога и ради людей, встань и сделай так, чтобы тебя услышали!

Халев отошел от него и быстро зашагал по стану к своему шатру.

Когда он вошел, вся его семья сидела в кругу. Он сразу почувствовал их напряжение, увидел сомнение в глазах. Только глаза Ефрафы светились чем-то другим — совсем не похожим на страх.

— Расскажи им все, что ты видел, муж мой. Расскажи им о Земле обетованной.

Он так и сделал. Рассказывая, он с облегчением видел, как страх превращается в надежду, а потом в восторг. Он напомнил, как Бог поступил с Египтом, чтобы освободить народ от рабства.

— Он всемогущий Бог. Для Него нет ничего слишком трудного. Но мы должны верить Ему. Мы должны быть готовы идти в эту землю. Чтобы, когда Он скажет нам идти в Ханаан, мы пошли!

Поощряемые Ефрафой, дети продолжали расспрашивать его о красотах Ханаана почти до рассвета.

Но за пределами его шатра, среди многих тысяч других людей, семя страха уже пускало свои корни и распространялось по стану, убивая ожидания, угашая радость, навлекая новую волну смертоносного гнева.

* * *

Когда Халев, наконец, лег спать, его сон был беспокойным и все время прерывался. До слуха доносились чьи-то вопли. Однажды, среди ночи, его разбудили крики. Чего хотят эти люди? Чтобы Господь истребил их прежде, чем они подойдут к границам Ханаана? Он встал еще до восхода солнца, вымылся и надел свою лучшую одежду.

Ефрафа услышала, что он уже не спит, и поднялась. Она разбудила остальных.

— Скорее собирайтесь, — торопила она детей. Мы должны пойти вместе с вашим отцом. Пойдем, Иериофа. Надо поддержать нашего мужа.

Халев приоткрыл полог.

— Оставайтесь здесь. — Обе женщины были беременны, и он не хотел подвергать опасности ни их самих, ни детей. — Люди очень озлоблены. Я не знаю, что может случиться. Вам лучше оставаться здесь, чем быть в толпе бунтарей.

— Тогда что ты скажешь нам делать?

— Молитесь Господу, Богу нашему, чтобы люди послушались Его и подчинились.

Со всех сторон к скинии сходились тысячи людей. Они что-то кричали. Халев побежал вперед и стал пробиваться сквозь уже собравшуюся немалую толпу. Наконец, прорвавшись вперед, он подбежал к Иисусу Навину и встал рядом.

— Надо остановить их бунт!

— Что ты сделал с нами, Моисей? — кричали из толпы.

— Лучше бы мы умерли в Египте!

— Или даже здесь, в пустыне!

— Зачем Господь посылает нас в эту страну? Чтобы мы погибли в битве?

— наших жен и детей уведут в рабство!

— Надо возвращаться назад!

Старейшины выступили вперед, среди них были десять других соглядатаев. Какой-то мужчина с красным лицом закричал:

— Давайте выберем себе вождя и вернемся в Египет!

Моисей и Аарон перед собранием пали на землю лицами вниз. Халев сразу же понял, почему они это сделали: он почувствовал, как в воздухе что-то изменилось. Они упали не только из-за страха перед неистовствующей толпой. Неужели эти люди так глупы? Неужели они не понимают, что Господь слышит их вопли о возвращении в Египет, откуда Он вывел их? Вернуться назад к рабству? Они хотят вернуться к тем ложным богам и пустым идолам?

В отчаянии, Халев разорвал на себе одежду. Моисей и Аарон покрыли головы, они были в страхе от того, что может сделать Господь бунтующему собранию, Халев шагнул вперед, подойдя ближе к шумящей толпе, и закричал что есть силы:

— Послушайте, люди! Послушайте! Земля, которую мы высматривали, просто прекрасна!

Иисус Навин кричал вместе с ним.

— Если Господь будет доволен нами, Он безопасно введет нас в эту землю и отдаст ее нам!

Халев подошел к старейшинам и соглядатаям, указывая на них пальцем.

— Не восставайте против Господа и не бойтесь народа этой земли!

— Они всего лишь беспомощная добыча для нас! — воскликнул Иисус Навин, вторя ему. — У них нет никакой защиты против нас, потому что с нами Сам Господь Бог!

— Господь с нами!

— Не бойтесь их!

Корей сделал шаг вперед:

— Не слушайте этого «халева»! Он и этот жалкий прислужник Моисея приведут вас в землю, где полно врагов! И они убьют ваших детей!

— Вы что, хотите, чтобы вас всех убили?!

— Нет!

— Тогда побейте их камнями!

Халев тотчас увидел холодную ненависть в глазах людей. Их необузданная ярость переходила все пределы разумного. Они стали шарить по земле в поисках камней.

«Это то, куда привела меня моя вера, Господь? К смерти? Тогда пусть будет так».

Раздались пронзительные крики, и люди стали в ужасе разбегаться: облако двинулось и, меняя цвета, поднялось выше, распространилось, потом сжалось, спустилось вниз и встало между толпой и Халевом с Иисусом Навином. Халев пал на землю, в страхе покрывая голову. Иисус Навин лежал рядом, молясь, чтобы никто не погиб.

Моисей тоже взывал к Богу:

— О, Господи, не делай этого! — Вождь поднялся на ноги и поднял руки, горячо защищая народ. — Что подумают египтяне, когда услышат об этом?

«О чем?» Сердце Халева отчаянно билось. Он чувствовал присутствие Божье, Его нарастающий гнев и холод смерти, которая была на расстоянии вытянутой руки. Его била сильная дрожь, он сжимал в руках горсти земли.

— Египтяне хорошо знают Твою силу, которую Ты показал им, когда выводил этот народ из Египта! — взывал Моисей к Господу. — Они расскажут о ней жителям той земли, а те прекрасно знают, что Ты идешь с этим народом. Они знают, Господь, что Ты стоял перед Своим народом в столпе облачном. Они знают, что Ты идешь перед ними в столпе облачном днем и столпе огненном ночью.

Никогда Халев не слышал, чтобы Моисей говорил так быстро. Он почувствовал приближающийся суд. «О, Господи, смилуйся над нами. Говори скорее, Моисей. Защищай нас. Господь слышит твой голос. Без тебя Господь убьет нас. Мои дети! Мои жены!»

— Сейчас, если Ты убьешь всех этих людей...

Люди кричали и в панике разбегались.

— ...Если Ты убьешь всех этих людей, то народы, которые слышали о Твоей славе, скажут: «Бог не смог привести их в землю, которую обещал дать им, поэтому Он убил их в пустыне».

Люди издавали вопли отчаяния. Тысячи голосов в ужасе взывали:

— Спаси нас, Моисей!

Халеву хотелось встать и закричать этим людям: «Взывайте к Господу, потому что Он есть Тот, Кто спасает!» Неужели они настолько глупы и не понимают, что Моисей и так защищает их, как только может?

— Взывайте к Господу о прощении!

— Пожалуйста, Господь, докажи, что Твоя сила так велика, как Ты сказал, — Моисей держал руки поднятыми к небу. — Ты сказал: «Господь медлен на гнев и богат на неизменную любовь, прощает каждый грех и бунт, хотя и не оставляет грех ненаказанным, но наказывает детей за беззаконие отцов до третьего и четвертого рода». Пожалуйста, прости грехи этих людей — из-за Твоей великой и неизменной любви. Прости, как Ты прощал народ сей с тех пор, как они покинули Египет.

Моисей снова упал на землю перед Господом, и наступила тишина. Было так тихо, что у Халева зазвенело в ушах. Потом ему показалось, что он слышит, как спокойный тихий Голос, похожий на дуновение теплого, животворящего воздуха, прошептал его имя. Он сосредоточился на этом Голосе,

изо всех сил прислушиваясь и желая услышать его снова, такой нежный и любящий, но несущий силу всемогущего Бога. Однако услышать что-то еще он не мог. Пока не мог. Не сейчас.

С распростертыми по земле руками, он лежал лицом в пыли и молился: «Господи, Господи, если Ты убьешь меня сейчас — ведь я не смог убедить этот народ в том, что видел, — я умру счастливым, потому что моя жизнь закончится благодаря Твоей руке».

Славное присутствие Божье поднялось вверх. Моисей плакал от облегчения.

Халев поднял голову и увидел, как старец медленно поднялся на ноги. Он дрожал, слезы капали на его седую бороду. Но когда Моисей посмотрел на толпу, его глаза сверкали гневом. Затем Халев ощутил сильный страх, который охватил все его существо, бросая в дрожь и заставляя покрыться потом.

— Послушайте все вы Слово Господне! — сила Божья в голосе Моисея была подобна буре.

Халев быстро поднялся и встал рядом с Иисусом Навином. Другие десять соглядатаев, не присоединяясь к ним, остались среди старейшин. Как будто между ними была пропасть. По одну сторону стояли шестьсот тысяч мужей, избравшие бояться врага, вместо того, чтобы следовать за их верным Другом. Они сделали выбор идти против Того, Кто спас их, питал и защищал с тех пор, как они вышли из рабства. По другую сторону стояли Халев и Иисус Навин, к чьим голосам, отчаянно пытавшимся вразумить их, они не прислушались.

Люди подошли ближе, бунт все еще сверкал в их глазах. Старейшины каждого из племен встали впереди вместе со своими соглядатаями. Халев с удивлением посмотрел на них и на народ: неужели они думают, что опасность уже в прошлом и Господь сделает все, что ни попросит Моисей?

«Мы ничего не заслуживаем, Господь. Вот, что решили люди, после всего, что Ты сделал для нас».

— Послушайте Слово Господне! — прогремел голос Моисея. — «Я прощу их, как ты и просил. Но жив Я, и славы Господней полна земля. Никто из сего народа не войдет в ту землю».

Земля обетованная была потеряна для них. Хотя многие из народа кричали от радости, что остались живы, Халев кричал от горя. Он опять лег на землю вниз лицом, стал посыпать голову пылью. Думая о десяти соглядатаях, он в отчаянии ударял кулаками в землю и плакал.

Моисей заговорил еще громче. Его голос звучал гневно и был исполнен глубокой печали.

— «Все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Мо его, не увидят земли, которую Я с клятвою обещал отцам их; все, раздражавшие Меня, не увидят ее...»

Моисей остановился, затем мягко продолжил:

— «Но раба Моего Халева...»

Раба Моего Халева... Это тот же Голос, мягко назвавший его по имени. Раба Моего Халева...

Халев поднял взор к небесам. Моисей продолжал говорить, но Халев слышал Божий голос: «...но раба Моего Халева за то, что в нем был иной дух, и он совершенно повиновался Мне, введу в землю, в которую он ходил, и семя его наследует ее...».

Халев склонил голову и смотрел в землю. «Господь, я недостойн, я недостойный пес. А как же Иисус Навин?»

— «Завтра обратитесь, — продолжил Моисей в силе Духа Божьего, — и не идите в землю, где живут амаликитяне и хананеи. Завтра идите в пустыню к Красному морю».

Многие люди завывали и зарыдали, но некоторые все же настаивали на своем.

— Нет. Мы хотим нашу землю, — говорили они.

Халев покрыл голову. Она никогда не была их землей. Она всегда была Господней землей. Это Господь собирался поселить их там, так же как Адама и Еву в Эдемском саду. «Почему люди всегда отказываются слушать и делать то, что говорит Господь? Господи, дай мне слышащее сердце и смелость, чтобы слушаться Тебя».

— Так говорит Господь: «Как долго этот злой народ будет роптать на Меня? Я слышал все, что говорили сыны Израилевы. Вы все умрете здесь, в пустыне! Из-за того, что вы роптали на Меня, никто из вас, кто был исчислен, от двадцати лет и выше, не войдет в землю, которую Я клялся дать вам. Кроме Халева и Иисуса Навина.

— Детей ваших, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу врагам, Я введу туда, и они узнают землю, которой вы пренебрегли. А ваши трупы падут в этой пустыне. И ваши дети будут кочевать по пустыне сорок лет. Так они будут нести наказание за неверие ваше, пока последний из вас не погибнет в пустыне».

Моисей шагнул вперед, вытянув руки, его грохочущий голос разносился над толпой. Люди в страхе отступили.

— «По числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы будете блуждать по пустыне сорок лет, год за день, — так вы будете страдать от последствий ваших грехов. Вы узнаете, что значит быть оставленными Мною».

Вдруг, задышавшись и кашляя, Фалтий упал на землю в конвульсиях. Люди закричали и стали разбегаться, видя, как Фалтий откусил собственный язык. В следующее мгновение стали убегать от Сафата, который упал среди стоявших вокруг старейшин. Вскоре Игал и Гаддиил тоже рухнули на землю. Аммиил попытался убежать, Гаддий следом, но оба упали навзничь, будто их поразили невидимые стрелы. Сефур, Нахбий, Геуил и Саммуа умерли так же, как Фалтий.

Из тех двенадцати, которые исследовали землю, только Халев и Иисус Навин остались нетронутыми Божьим судом: они не распространяли ложь и неверные слухи о земле и народах, живущих на ней.

Глядя на быстрый суд Божий, Халев дрожал всем телом. Толпа спешно рассеивалась, но карающая рука Господа все еще была на людях. За ночь многие в стане умерли.

Утром сотни вооруженных мужчин вышли к скинии, решив идти завоевывать Ханаан.

— Мы пойдем туда, — сказали они. — Мы поняли, что согрешили, но сейчас мы готовы войти в землю, которую Господь обещал нам.

— Что вы делаете? — Моисей побежал за ними, Иисус Навин следом за ним. — Бог сказал нам вернуться назад, к Красному морю!

— Мы не вернемся к горе Синай. Господь сказал, что даст нам землю, и мы идем взять ее.

На это Моисей возразил:

— Почему сейчас вы не слушаете повеление Господа вернуться в пустыню? У вас ничего не получится. Не ходите завоевывать землю. Враги просто раздавят вас, потому что с вами нет Господа. Как только вы встретитесь с амаликитянами и хананеями, они перебьют вас. Господь оставил вас, потому что вы оставили Господа!

— Кто ты такой, чтобы приказывать нам остаться? Мы устали слушать твои повеления, что делать и чего не делать. Мы возьмем землю. Господь поможет нам.

Халев стоял на границе стана и смотрел, как люди все же отправились в Ханаан. Среди них были его друзья и братья. Ошеломленные словами Господа, они не спали всю ночь, спорили и, наконец,

решили, что смогут это сделать. Им казалось, что вместе с мечтой у них есть и сила взять то, чего они хотят.

Он слышал, как его брат сказал:

— Если мы поверим, что сможем это сделать, так и будет.

Они думали, что Господь уступит их желанию и благословит их усилия. Вера в Бога дала бы им все, о чем они мечтали, но вера в себя принесет им только смерть.

Халев крикнул им вслед:

— Когда вы научитесь слушаться Господа?

Один из его братьев прокричал в ответ:

— Пошли с нами, Халев! Когда ты поймешь, что это не Господь говорит, а Моисей?! Кто он такой, чтобы говорить нам, что делать?

Сердась из-за собственной беспомощности, Халев твердо стоял на своем:

— Вы глупые! Все до одного! — В гневе и растерянности, он упал на колени и опустил голову. Кто-то схватил его за плечо.

Это был Иисус Навин. Он был рядом и видел все, что произошло.

— Когда они погибнут, другие будут внимательнее к Слову Божьему.

Халев горько усмехнулся:

— Ты правда так думаешь? Каков отец, таков и сын. Их дети будут такими же, как они.

— В твоём голосе столько ненависти...

— Я ненавижу тех, кто ненавидит Моисея. Ненавидеть Божьего пророка значит ненавидеть Самого Бога. Я ненавижу их так же сильно, как люблю Бога!

— Брат...

— Это мучает меня, — гневно воскликнул Халев. — Мы были так близко. Так близко к этой земле! Но из-за их неверия мы потеряли все. И сейчас ты и я должны ждать сорок лет, чтобы войти в землю, которую Господь уже отдал нам... Сорок лет, Иисус Навин! Мои дети вынуждены мучиться в пустыне из-за них. Наши жены умрут и не увидят того, что мы видели. — Он схватил Иисуса Навина за край хитона. — В твоих глазах я вижу то же самое, мой друг.

— Меня это тоже мучает. Съедает изнутри. Что нам с этим делать?

Он схватил обеими руками хитон Иисуса Навина около его сердца.

— Возвращаться. — Закрыв глаза, он заговорил тихо, но с болью и отчаянием. — Вернемся туда, где мы радовались, что Господь наш Избавитель. Вернемся к Красному морю и начнем все заново.

«И сохрани нас, Боже, от неверия, помоги нам верить на этот раз».

Глава третья

Не прошло и дня с тех пор, как народ отправился к Красному морю, но уже возник новый бунт. На этот раз взбунтовался Корей из племени Левия: он обвинил Моисея в смерти тех, кто пошел завоевывать Обетованную землю. Кроме того, зачинщик бунта посмеялся над Аароном как

первосвященником, призывая других делать то же. На его сторону встало еще двести пятьдесят левитов, решивших взять в свои руки поклонение Богу. Тогда Моисей повелел, чтобы следующим утром они встали у входа в свои шатры. В руках у каждого должна была быть кадила с горящими благовониями. И пусть решает Господь.

Следующим утром Корей и его сообщники умерли страшной смертью — их поразил огонь, пришедший из Святое Святых. И земля, неожиданно открывшись с ревом и грохотом, поглотила их близких и имущество. Падая вниз, в открытую пропасть преисподней, люди в ужасе кричали; трещина же, проглотив их, быстро захлопнулась, будто львиная пасть.

Но даже этого оказалось недостаточно, чтобы положить конец упрямству сердец, затвердевших и превратившихся в камень под жарким солнцем нечестивых богов Египта.

— Не приближайтесь к людям, — сказал Халев своим женам и детям, не разрешая им выходить из шатра. — Вас там не должно быть. — Он чувствовал, как вокруг назревал новый мятеж, даже в колене Иуды. Всю ночь люди что-то выкрикивали, недовольно вопили и жаловались.

— Я не могу больше это слышать! — Ефрафа закрыла уши руками.

Люди снова взбунтовались. На этот раз они обвинили Моисея в убийстве Божьего народа. Едва это началось, как явилась слава Господня, и в народе началось поражение. Мужчины и женщины, поносившие Бога и Его пророка, падали замертво там же, где стояли. Их были десятки, сотни, тысячи, тысячи тысяч. Бунтари не могли убежать или скрыться, потому что Бог знал каждого, и смерть настигала их повсюду. Моисей воззвал к Богу о милости и послал Аарона зажечь благовония для искупления народа. Сделав это, первосвященник побежал в гущу толпы и встал между живыми и мертвыми.

Только теперь люди, наконец, замолчали, боясь, чтобы их не постигла новая кара. Слишком поздно они вспомнили, что Господь сделал в Египте. Если бы не Моисей и Аарон, погибли бы все до одного.

Халев вышел из своего укрытия, чтобы помочь вынести мертвых из лагеря Иуды. Он знал, что это еще не конец.

— Я вижу это в их глазах, — сказал он.

Ефрафа обняла его в темноте шатра.

— Что ты видишь, моя любовь? — спросила она, когда его рука сжалась вокруг нее.

— Гнев. Но не против тех, кто восставал против Господа, а против самого Бога — из-за того, что Он не изменяет Своему Слову. — Как будто в их жилах все еще текут грязные воды Нила.

Включая его самого. Халев знал, что грех живет в нем. Он успел полюбить этих людей, ставших его братьями. Он любил их и все же ненавидел. Когда он слышал, что кто-нибудь поблизости возмущался или жаловался, он был готов убить этого человека. В нем поднималась ярость и жажда мести.

«Мое сердце во мне, как бушующее море, Господь. Ты мой Бог! Пусть ничего не стоит между Тобой и мной. Гнев пытается проникнуть в мое сердце и завладеть мной. И я должен сражаться с этим грехом. О, Боже, как мне бороться с этим огнем в моей крови? Ведь из-за того, что они не верили Тебе, я и мои сыновья не вошли в Ханаан. Помоги мне не питать ненависти к этим людям. Помоги мне твердо держаться Твоего Слова и выполнять все Твои законы, понимаю я их или нет».

И все же недовольство не покидало стан, хотя теперь оно было не на поверхности. Подобно подводному течению реки, оно затягивало в свою струю новые и новые души, лишая веры, в Божьи обетования.

Склонив голову, Халев схватился за мотыгу, которую использовал для рытья могил. Он долго сжимал ее, пока у него не заболели пальцы.

«Помоги мне, Господь. О, Боже, помоги мне не поддаваться гневу».

* * *

Народ израильский последовал за Господом и Моисеем обратно к Красному морю, и начались их долгие странствования. Никто не знал, как долго придется пробыть на одном месте. Халев наблюдал за облаком, и когда оно поднималось, он и его семья делали то же.

— Вставайте, — говорил он. — Господь идет дальше. Поднимайтесь!

Иериофа родила еще одного сына. Халев назвал его так же, как и то место, где Господь позволил им остановиться. Когда Ефрафа родила сына, Халев поднял его на руках перед облаком Господним.

— Его имя Ор.

Есром стоял рядом, опираясь на свой посох.

— Еще одно имя не из нашего рода. — Ему было нелегко нести свои годы, а горе по утраченным сыновьям наполнило его горечью и злобой.

Но Халев не ослабел.

— Ор и Ларон держали руки Моисея, пока Иисус Навин сражался против амаликитян. Так и мой сын будет поддерживать тех, кто избран Богом вести Его народ. — Он держал младенца у своего сердца.

— Мои сыновья будут выбирать честь вместо позора.

— Пусть они растут сильными в вере, как ты, но пусть у них будет сострадание Моисея. — И старец ушел.

Халев старался держать сыновей поближе к себе, даже среди колена Иуды: он не хотел, чтобы они общались с теми, кто все еще с тоской вспоминал Египет.

К нему подошел Завдий.

— Ты нужен нам на совете старейшин.

— Для чего? — Раньше они его никогда не слушали.

— Все твои враги умерли, мой друг, многие во время последней кары.

Халев поднял голову.

— И я должен оплакивать их?

— Ты слышал их крики так же, как и я. В тот день я потерял сыновей. Тебе не жаль меня и тех, кто умерли из-за гнева Господня?

— Они умерли из-за собственного неверия.

— Их мечты слишком долго не сбывались.

Даже Завдий был слеп.

— Это не было мечтой! Земля была перед нами, как обещал Господь. Она была приготовлена для нас, уже созрела, как тот спелый виноград и гранаты, которые мы принесли. Надо было просто пойти и взять. Но страх ожесточил ваши сердца против Господа.

— Мои сыновья, мои сыновья... Остался только Хармий с сыном.

Халев увидел в глазах старца мольбу о сочувствии, но не поддался.

— Это опять неверие, Завдий. Вы ищете оправдания богохульникам. Вы слышали Закон. Возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. А ты и другие все еще держитесь за плоть и кровь.

— Ты так обижен на нас?

— Мне обидно за эти потерянные годы.

Завдий посмотрел на мальчиков, игравших неподалеку. Его губы сжались.

— Но ты-то войдешь туда, куда нам дорога закрыта.

— Да, войду. Когда мне будет восемьдесят. Когда моим только что родившимся сыновьям будет столько же, сколько мне сейчас. А Меша и Мареша будут намного старше!

Завдий опустил голову.

Халев повернулся, чтобы уйти, но Завдий схватил его за руку.

— Ты нужен нам. — Он поднял голову, в его глазах были слезы. — Мои внуки нуждаются в тебе.

Халев пошел на собрание старейшин.

— Хотите услышать, что я хочу сказать? Ладно. Поменьше говорите друг с другом и побольше слушайте Господа Бога, который вывел вас из Египта. Уже слишком поздно оглядываться назад и думать, как все могло бы быть. Теперь надо смотреть вперед и ждать исполнения обещания, которое Господь дал нам. Да. Вы все умрете! Но ваши дети войдут в Ханаан, — если научатся слушаться Бога. Когда вы собираетесь вместе, судите дела мудро, по закону Божьему. Когда вы вместе, говорите о чудесах, которые вы видели в Египте. Говорите о том, как разверзлось Красное море, как вода полилась из скалы. Благодарите за манну, которую получаете из руки Божьей каждое утро. Благодарите за огненный столп, который защищает вас ночью. Скажите правду вашим сыновьям и дочерям, что это из-за наших грехов мы блуждаем по пустыне. Что это из-за нашего неверия Богу они живут как кочевники. Пусть они видят нас смиренными перед Господом, чтобы они уяснили: Он наш Господь, Он наш Бог! Да, мы не послушались Его. Но мы должны научить наших сыновей слушаться Его.

В молчании мужчины посмотрели на Завдия, и он заговорил:

— Мы согласны, Халев. Только пообещай, что ты поведешь их.

Халев посмотрел на сидящих в кругу. Даже после всего, что произошло, они не поняли.

— Нет. Ибо Господь, Бог наш, поведет их!

* * *

Люди посылали своих сыновей к Халеву, который учил их быть воинами. Он прошел вдоль выстроившихся перед ним шеренг.

— Здесь у нас нет полей, чтобы пахать и сеять, нет урожая, который нужно собирать, но Господь дает нам все, в чем мы нуждаемся. Вам не нужно в поте лица трудиться под солнцем, делая кирпичи, как ваши отцы. Но вы и не будете проводить время в безделье. Наш Бог — воин, Господь Ему имя!

— Наш Бог — воин, Господь Ему имя! — воскликнули сыновья Халева. Другие присоединились к ним.

— Еще раз. И говорите от сердца!

Они закричали снова.

— И мы тоже учимся быть воинами.

Он заставлял их пробегать большие дистанции, чтобы они стали сильными, быстрыми и подвижными. Он придумывал игры, чтобы развивать в них ловкость и силу. Так, изо дня в день, он учил их воевать.

Тем временем, люди старшего поколения умирали.

Сыновья Халева и другие юноши подрастали, как колосья созревшей пшеницы. Но Халев хотел, чтобы они были сильными, твердыми в своей вере и никогда не колеблющимися.

— Вы не будете сгибаться от любого дуновения ветерка. В Ханаане есть кедры, они крепкие и мощные. как башни. Такими должны быть и мы. Мы будем твердо стоять в силе Господа, Бога нашего!

Всякий раз, когда на месте очередной остановки были леса, Халев посылал своих сыновей добывать дрова и делать костры. Во время таких стоянок из его лагеря доносился звон металла и шипение пара: свои плуги, косы, серпы — все орудия земледелия — он перековывал в мечи и копья. Путем тренировок юноши учились обращаться с мечом и копьем, точно поражать цель с помощью лука и стрел. Те, кто были пастухами, показывали другим, как пользоваться пращей и камнями.

— Всегда смотрите на Господа, — наставлял Халев подопечных. — И всегда будьте готовы отправиться в путь, как только облако поднимется от скинии.

Он учил мальчиков и юношей быть готовыми двинуться в путь с первым звуком шофара и награждал того, кому удавалось первым собрать и подготовить свой лагерь.

— Поднимайтесь! Поднимайся, Израиль! Господь движется! — Так все юноши научились, хоть и неохотно, но быстро, собирать свои шатры и вещи, упаковывать их и отправляться в дорогу.

Один из сыновей Халева всегда был на страже. Халеву хотелось, чтобы колено Иуды шло как можно ближе к Моисею и Аарону, а также в поле зрения Иисуса Навина, который однажды станет вождем.

* * *

Халев и Иисус Навин часто поклонялись вместе, затем поднимались на холм или возвышенность, откуда было хорошо видно стан. Внизу, на равнине, под покровом облака, распростились тысячи шатров. От многочисленных костров, на которых готовили пищу, поднимался дым. Между шатрами бегали дети. Старики собирались вместе, им прислуживали женщины. Там, где расположилось племя Иуды, юноши состязались в рукопашных боях и в беге. Дальше, за пределами стана, пастухи собирали свои стада овец и крупного скота и гнали на ночлег поближе к своим шатрам.

Небо над ними стало меняться. Халев, затаив дыхание, смотрел, как дающее прохладу облако превращается в клубящийся столп огня. Он не переставал удивляться этому.

— Днем над нами тень, а ночью огненный столп обогревает нас. Наш Господь так милостив.

Иисус Навин согласно кивнул.

— Ты делаешь из сыновей Иуды настоящих воинов.

В словах Иисуса Навина Халев не заметил ни одобрения, ни упрека.

— Все сыновья Иакова должны учиться быть воинами.

— Я молился на эту тему.

— И что сказал Господь?

— Он говорит с Моисеем, не со мной. — Халев почувствовал беспокойство в голосе Иисуса Навина и понял, что он что-то недоговаривает. После долгой паузы Иисус взглянул на него. — Но, так или иначе, об этом ничего не было сказано — ни за, ни против, поэтому я пока в размышлениях.

— О чем?

— Правильно ли это — учиться воевать.

— Когда Господь пошлет нас в Ханаан, Иисус Навин, мы должны уметь воевать. Ты думаешь, это грех обучать воинов?

— Господь сказал, что земля наша.

— Разумеется. То, что мы победим, уже решено, но прежде нам придется выполнить работу. Думаешь, Господь хочет, чтобы мы сейчас развалились на матрасах и спали все следующие сорок лет?

— Наша работа — верить, Халев.

— Да, Иисус Навин, но вера подтверждается делами. Те десять соглядатаев, которые пошли с нами в Ханаан, верили в Бога, но они отказались действовать по своей вере, отказались вести своих братьев в Ханаан. — Он усмехнулся. — Может, у них была бы смелость, если бы Бог сначала сравнял с землей стены городов и уничтожил всех жителей, и только потом предложил нам завоевать землю.

— У тебя нет никакого сострадания к ним.

Халев стиснул зубы.

— Халев, они ведь заплатились за свое неверие.

— Их неверие может распространиться и на наши ряды. Бездействие порождает бунт. Мы должны делать что-то. Что может быть лучше, чем заранее готовиться к битве?

— Ты говоришь так, как будто мы солдаты или возницы колесниц. Мы же рабы...

— Мы были рабами. Сейчас мы свободные люди, и у нас есть Божье обетование, а в нем есть будущее и надежда. Дети, которые родились и рождаются у нас в пустыне, уже не знают, что такое египетское рабство. Они рождаются под Божьим покровом. И все дни своей жизни они будут ходить в Его присутствии. Может быть, нам, которые большую часть своей жизни преклонялись перед людьми, стоит поучиться у наших детей. Сейчас, если я для кого-то и раб, то только для Господа, Бога нашего. Ты не должен ослабевать, Иисус Навин. И не позволяй себе смотреть назад, смотри только вверх. — Он указал на огненный столп. — И на то, что впереди. — Он показал на север в сторону Ханаана.

— Это скитание изматывает меня.

— Оно изматывает нас всех. Но это еще и возможность подготовиться к битве. — Халев посмотрел в сторону горизонта. Поднимется ли Господь завтра и поведет ли их куда-нибудь? Только Господь в этих безводных местах может приводить туда, где оазисы и вода. — Может показаться, что наше блуждание бесцельно, мой друг, но я уверен, что у Бога есть план. Я должен этому верить, иначе я впаду в отчаяние. Мы были осуждены и теперь несем наказание за свои грехи, но это не все, что мы здесь делаем. Каждый день мы смотрим на Него и учимся: идти тогда, когда Он идет.

— Это и есть наказание.

— Да. Да. — Халев стал терять терпение. — Но это еще и возможность. — В последние недели он много думал об этом. — Похоже, у Бога всегда есть больше, чем одна цель. Он справедливо осудил нас, но Он и проявляет к нам милость. Он дает нам Закон, на который надо настроить свой ум и сердце; Закон, который заставляет меня воевать с самим собой. Он сказал нам приносить жертвы каждое утро и каждый вечер. Запах горячей жертвы — это постоянное напоминание. Он ведь очень хорошо нас знает. Он дает нам манну и воду, чтобы питать нас. Он направляет каждый наш шаг. Когда Господь поднимается, мы снимаем шатры и идем за Ним. Когда Он возвращается в скинию, мы разбиваем лагерь и ждем Его. В Египте надзиратели думали и все решали за нас и мы реагировали просто как вьючные животные. Но теперь мы должны думать и решать сами, как люди. Мы не животные, которые кормятся на всяком пастбище. Мы все время должны делать выбор: или мы будем роптать и выражать недовольство, или идти по тому пути, по которому Господь ведет нас.

Халев показал на северо-восток.

— Это наша земля. Сейчас она полна людьми, которые поклоняются ложным богам и творят ужасное зло. Каждый мужчина, женщина и ребенок там развращены и просто утонули в грехе. Ты видел, как они поклоняются своим богам, бросают младенцев в огонь, прелюбодействуют на алтарях прямо в городе и под каждым ветвистым деревом. Они делают куда более мерзкие вещи, чем Египет, со всей его гордыней и самопревозношением. Господь послал нас в эту землю как соглядатаев, чтобы мы знали, с чем мы там столкнемся и с чем нам придется сражаться. Мы это увидели. Узнали. Теперь надо готовиться к битве.

Иисус Навин ничего не ответил. Молчание всегда настораживало Халева. У него не было причин сомневаться в храбрости Иисуса Навина, но ему хотелось знать, что у него на уме.

— У нас ведь уже были сражения, Иисус Навин. И Господь не говорил нам сидеть и смотреть, пока Он уничтожит амаликитян. Он послал нас сражаться с ними.

— Моисей молился.

— И Бог ответил тем, что дал нам победу.

— Иногда мы должны только молиться и ничего больше не делать, Халев.

— Да. Но мудро ли предполагать, что Господь сначала разрушит Ханаан казнями, а потом пошлет нас в эту землю? Или мудрее учить и тренировать людей, чтобы быть готовыми ко всему, что Бог скажет нам делать? — Даже если Господь скажет им просто стоять и смотреть, работа не будет напрасной, если они будут готовы к войне.

— Ты уже сам все решил, что нам делать.

Халев посмотрел вниз на равнину, где распространился огромный стан. Там, где были шатры колена Иуды, среди юношей шли учебные бои. Как только одна из сторон отступала, бой начинали заново.

— Ты хочешь покончить с этим?

— Здесь только драки, но где молитва?

— Драки? — Халев стиснул зубы. — Я заметил, что среди мальчишек Иуды, которые тренируются, куда меньше драк, чем в других племенах, которые с утра собирают манну, а потом только и делают, что отсиживают зад, занимаясь болтовней. А пустые разговоры ведут к жалобам и ропоту. А что касается молитвы, с нее мы всегда начинаем свой день. Пока не закончатся утренние жертвоприношения и чтение Закона, никто не смеет поднять на кого-то руку или взяться за оружие!

Иисус Навин криво усмехнулся.

— Но ты действуешь предвзято.

Внутри Халева все закипело.

— Предвзято?

— Да, ты уделяешь внимание только определенным людям.

Почему это Иисус Навин так нажимает на него? И почему не говорит прямо?

— К чему ты клонишь, Иисус Навин?

— Ты обучаешь сынов Иуды.

— Разумеется.

— Но есть и другие, с кем ты связан и кому ты предан.

Халев почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он что, имеет в виду его старые корни, Едом? Халев уставился на Иисуса Навина, его глаза сузились.

— Я предан только Господу, который сказал мне, что я войду в Обетованную землю. Когда придет этот день, я хочу, чтобы я и мои сыновья были готовы уничтожить что угодно и кого угодно, кто попытается помешать нам получить свое наследие.

Иисус Навин положил руку на плечо Халева.

— Но ты же еврей, мой друг. Сын Авраама и все евреи — твои братья.

— Зачем ты говоришь вокруг да около? Говори прямо, что у тебя на уме.

— У меня на уме все то же, что и у тебя. Да, мы должны готовиться к сражению. Но меня беспокоит то, как мы к нему готовимся. Какие-то разбросанные группы, разрозненные усилия. Это может закончиться тем, что мы начнем драться друг с другом, а не с врагами Господа.

Мечта ожила в сердце Халева. Он схватил Иисуса Навина за плечо.

— Тогда объедини нас!

— Это не в моих силах.

— Тогда поговори с Моисеем. Господь соединил вместе двенадцать колен и вывел их из Египта. Конечно, Он хочет, чтобы мы были одним народом, а не двенадцатью. Моисей тоже может обучать нас. Он вырос при египетском дворе, среди принцев. Его и учили то в основном военному делу — тактике, вооружению. А ты ближе к нему, чем его собственные сыновья. И ты достаточно близко общаешься с ним, чтобы задать такой вопрос.

— Ты хочешь, чтобы я стал бесцеремонным?

— Если ты не спросишь, то и не получишь ответ.

— А если он скажет «нет»?

Халев не хотел торопиться с ответом. Он посмотрел вниз на тысячи шатров. У каждого племени был свой флаг, свой стан, отделенный границей и не большим пространством от других.

— Посмотри на израильтян. Ты прав. Мы не едины в своих мыслях. Бог пытается объединить нас с помощью Закона — чтобы у всех нас был один ум, одно сердце и одно обетование. Мы не можем быть двенадцатью разрозненными племенами, которые просто ставят лагеря вокруг скинии. Мы должны стать одним народом в Господе! А у каждого народа есть своя армия. Давай создадим армию Господа. — Он посмотрел на серьезное лицо Иисуса Навина и заметил, как тот сильно постарел за последние несколько месяцев. Его любовь к своему народу была для него тяжелым грузом.

— Поговори с Моисеем, Иисус Навин. Расскажи ему все, что у тебя на сердце и на уме. Странно, что ты до сих пор этого не сделал.

— Его дух обеспокоен, и он постоянно молится о людях.

— Людей надо чем-то занять, чтобы они не томились от безделья. Спроси! Ты же знаешь, что сделает Моисей.

— Он пойдет к Господу.

Халев радостно засмеялся:

— Правильно! — Он с силой хлопнул Иисуса Навина по спине. — И тогда мы узнаем, кто зажжет этот огонь внутри нас — наша собственная гордость или же Дух Божий.

* * *

Годы текли медленно, израильтяне перемещались по пустыне с места на место. Один за другим поколение рабов умирало, а их дети подрастали. Семьи оставались сначала без отцов и матерей, потом умирали дяди и тети.

Постоянно кого-то теряли и оплакивали. Умирали близкие и друзья Халева. Первым был Завдий, потом Есром. Некоторые уходили ожесточенными и нераскаявшимися. Многие перед смертью горевали из-за собственного неверия и из-за того, что их детям приходится за это платить. Сын Завдия Хармий сидел теперь в собрании старейшин вместе с Халевом. Они стали хорошими, если не близкими, друзьями.

Когда Халев проходил среди шатров, люди его поколения всегда смотрели на него. Некоторые провожали взглядами, полными обиды, другие — горькой зависти, и лишь некоторые смотрели с уважением и приветствовали кивком головы.

Стан был в постоянном унынии — как из-за смерти родственников, так и из-за греха, который не дал им войти в Землю обетованную.

Куда бы Халев не направлялся, к нему сбегались мальчишки, которые хотели учиться воевать вместе с другими. Сначала он проверял их знание Закона.

— Недостаточно просто хотеть воевать, — отвечал он. — У каждого мужчины есть такое желание. Но сначала надо знать Того, Кто поведет тебя в эту битву.

— Моисей!

— И Иисус Навин!

Халев прекрасно знал, что оба вождя ответили бы в этом случае.

— Иди в свой шатер. Ты еще не готов. — Они приходили к нему с желанием воевать, но без веры и знаний. Ведь их главнокомандующим был Господь. Они должны подготовить свои сердца и ум для того, чтобы уметь следовать Его воле. Его воле, а не человеческой. И не его, Халева, воле.

Семьдесят старейшин умерли, их заменили люди более молодые, пожинавшие последствия грехов своих отцов. Они слушали советы Моисея и действовали по ним, и выбирали мудрых, любящих Господа мужей судить народ. Один за другим, бывшие рабы, выросшие в страхе перед фараоном, умирали, и их заменяли люди, выросшие в страхе перед Господом.

Стан двигался со слаженностью армии. Когда облако поднималось, поднимались и люди, часто до того, как зазвучит труба. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом они учились смотреть на Господа и следовать за Ним.

Старики жаловались и скорбели, роптали, стонали и... умирали.

Молодые славилы Бога и действовали, радовались, благоговели перед Господом и жили.

* * *

Шел тридцать восьмой год странствований Израиля по пустыне. Халева позвали в шатер Кеназа. Его брат умирал. Халев сидел рядом — о нем он горевал больше, чем о ком-либо другом.

Кеназ слабо улыбнулся.

— Я думал, может, Господь забыл обо мне, и я смогу незаметно пробраться в Землю обетованную с моими сыновьями и внуками...

Халев не мог говорить. Он держал руку Кеназа обеими ладонями.

— Я часто наблюдал за тобой, брат мой. — Кеназ говорил тихо, почти шептал. — Я смотрел, как ты сидел у своего шатра и смотрел на огненный столп. Божий огонь всегда отражается в твоих глазах, брат мой.

Халев склонил голову, слезы текли из его глаз.

— Мы должны были послушаться... — Кеназ вздохнул. Его рука обмякла и повисла в ладонях брата.

Двумя днями позже умерла Иериофа, а месяц спустя Халев проснулся и нашел Ефрафу мертвой рядом с собой. Отчаянный вопль вырвался из его горла, он разорвал на себе одежду и, выйдя из шатра, бросил пыль в воздух. За целый месяц он не произнес ни слова.

Никогда горе с такой силой не обрушивалось на Халева. Вместе с отчаянием внутри поднялся бунт, непрошенный и неожиданный. Он побежал к скинии и упал лицом вниз перед Господом. «Убей зло внутри меня, Господи. Убей это, пока оно не пустило корень и не проросло!» Три дня он пролежал около скинии. Когда он, все еще в горе, поднялся с земли, его сердце наполнилось миром, который был превыше всякого понимания. «Господь моя сила. Он — моя надежда и мое утешение».

На следующее утро облако поднялось, и Халев с сыновьями сняли свои шатры, собрали имущество и последовали за облаком. Когда Господь остановился, скинию поставили снова. Племена, как обычно, расположились вокруг нее. На этот раз они стояли в оазисе финиковых пальм. Халев вернулся ко двору скинии и успокоился в Божьем присутствии. Лучше провести один день во дворах Божьих, чем тысячу дней где-нибудь еще.

Хотя он все еще горевал по Ефрафе, но снова пошел учить молодых людей сражаться. К его воинам присоединилось новое поколение, а следом уже подрастали их сыновья. Халев чувствовал, как новые силы вливались в него, обновляя тело, как будто Господь возвращал ему время и силы, забранные пустыней.

Сорок лет почти истекли. Скитания подходили к концу.

* * *

Господь снова привел израильтян в Кадес. Халев собрал своих сыновей и внуков.

— Это то место, откуда Иисус Навин и я пошли в Ханаан, а все люди ждали нас. Это то место, где народ восстал против Бога. — Он сжал кулаки. — Слушайте Его на этот раз. Слушайте и подчиняйтесь.

Каждое утро он просыпался, готовый идти дальше, в Землю обетованную, и взять то, что Бог пообещал ему. Там будет его собственная земля, где можно сеять, где можно отдыхать под собственным оливковым деревом и пить вино из собственного виноградника.

Но ожидание продолжалось.

Умерла сестра Моисея Мариам. Ее провожали всем станом, оплакивая, как свою мать. Бунт снова напомнил о себе: множество людей стало обвинять Моисея в том, что нет воды.

— Господь даст вам воду! — закричал Халев, но никто не слушал. Он пошел в свой шатер и сел, положив голову на руки.

«Если я останусь там, Господи, то точно убью кого-нибудь. Достану свой меч и не успокоюсь, пока Ты не порaziшь меня! Мы когда-нибудь изменимся? Неужели мы обречены всю свою жизнь восставать против Господа, Бога всемогущего? Израиль. Это имя означает борьбу с Тобой. Ты поэтому их так назвал? И это поколение такое же, как и предыдущее. Бунт против Бога у них в крови!»

До его слуха донеслись крики ликования. Он встал и пошел искать льющуюся из скалы воду. Люди кричали, пели, плескали на себя воду, обливались. Эти воды были названы Мерива, потому что здесь израильтяне спорили с Господом. После этого дня Моисей выглядел очень старым и больным и едва мог разговаривать.

Моисей послал вестников в Едом, спрашивая разрешения пройти через их земли, но Едом ответил угрозой войны. Халев почувствовал стыд. Разве едомляне не их братья? Ведь они, как и Халев, потомки Исава. С этого дня Халев возненавидел кровь Исава, которая текла в его жилах.

Моисей снова послал вестников, заверяя, что его люди пройдут по Царской дороге, никуда не уклоняясь, не заходя ни на поля, ни в виноградники и даже не станут пить воду из колодцев, но лишь пройдут в землю, которую Господь дал им. Едомляне не только отказали, но и выслали на свою границу армию, готовую к сражению.

— Скажи Моисею, что мы готовы воевать! — сказал Халев Иисусу Навину. — Пошли нас разобраться с этим народом. Пусть никто не стоит на пути Господа, Бога Израиля!

— Халев, они наши братья.

— Они отвергли нас. Давай истребим их! Они предатели и богохульники.

— Они такие же потомки Авраама, как и мы.

— Они — преграда на нашем пути к Божьим обетованиям!

— Халев...

— Не оправдывай их, Иисус Навин. Люди должны сделать выбор. И они выбрали смерть!

— Ты мой брат и друг, Халев. Вспомни Закон. Возмездие принадлежит Господу.

Слова попали в самое сердце, и гнев Халева утих. Но он снова поднялся, после того, как Моисей помолился и, повернув обратно от Едома, собрался снова идти в Кадес.

— Кадес! — от ярости Халев заскрипел зубами. — Неужели наша вера не может провести нас дальше Кадеса? — Когда люди расположились на отдых, он пошел к скинии и всю ночь провел там, лежа в пыли вниз лицом. «Почему, Господи? Почему мы должны проявлять милосердие?»

Они подошли к горе Ор и разбили стан. Моисей, Аарон и его сын Елеазар поднялись на гору. От нетерпения Халев не находил себе места. Он стал тренироваться, отрабатывая удары меча. Потом прошел по стану, размышляя: «Господь, когда? Все рабы уже мертвы! Твой приговор уже исполнен!»

В стан вернулись только Моисей и Елеазар.

Ошеломляющее известие, что Аарон умер, разнеслось среди народа, и люди вышли оплакивать первосвященника. Никто не ожидал, что Господь заберет его именно сейчас.

Спустя тридцать дней облако снова поднялось, и Израиль последовал за Господом по дороге, ведущей к Афариму.

Издали стали доноситься крики. Вооруженный и готовый к битве, Халев созвал своих сыновей. Но было уже поздно. Хананеи, живущие в Негеве, посланные царем Арадой, напали на израильтян и взяли пленных. Люди были в ужасе и в ярости. Все произошло очень быстро и было полной неожиданностью.

Халев кипел от бешенства.

— Разрешите нам уничтожить их!

— Это не от меня зависит, — сказал Иисус Навин.

— Неужели ты никогда не воззовешь к Господу, как Моисей это делает? — В ярости, Халев быстрым шагом вошел во внутренний двор скинии. — «Господь!» — Видевшие это люди, не отрываясь, смотрели на скинию. — Господи, пошли нас! — Люди за пределами скинии молчали, никто не осмеливался даже дышать. — Предай этих людей в наши руки, и мы уничтожим их города!

Моисей, с измученным и осунувшимся лицом, поднялся с колен и пошел прямо к нему. Халев продолжал:

— Сорок лет мы скитались по пустыне, потому что у нас не хватало веры, чтобы войти в землю. У нас опять не хватает веры? Господь сказал, что земля принадлежит нам. Только не говори мне, что Господь хочет, чтобы на нас напали и снова сделали из нас рабов! Я не поверю в это!

Глаза Моисея засверкали огнем.

— Господь услышал нашу молитву и отдает хананеев в наши руки. Он сказал: «Идите! Идите и уничтожьте их и их города. Не оставляйте в них ничего живого!» Идите во имя Господа!

Халев и Иисус Навин так и сделали.

Это место стало называться Хорма — «разрушение».

* * *

Моисей снова повел народ к Красному морю — пришлось обходить Едом. Халеву пришлось сосредоточиться на ежедневных тренировках, чтобы не поддаваться растущему напряжению и нетерпению поскорее достичь Ханаана. Когда он услышал недовольные высказывания, которые все чаще звучали с тех пор, как они победили царя Арада, он напомнил людям слова Моисея:

— Едомляне — сыны Исава и поэтому наши братья.

— Братья, но смотрят на нас как на врагов! — Иешер так же горел желанием сражаться, как и его сводные братья Меша и Мареша.

— Сейчас уже не важно, как они к нам относятся. — Халеву приходилось укрощать своих сыновей, как молодых скакунов. — Мы должны делать то, что правильно.

— Всякий, кто стоит на нашем пути, стоит на пути у Господа!

Халев ощутил мрачное предчувствие. Он схватил Мешу за плечо.

— Почему ты решил, что ты знаешь волю Божью? — Он сжимал его плечо с такой силой, что Меша содрогнулся. — Моисей говорит слова Господни, и это Моисей сказал, что мы должны идти вокруг Едома. — Он отпустил своего сына и оглядел шатер, смотря на пятерых остальных. — Вам всем следует помнить, нравится вам это или нет, что кровь Исава течет в наших жилах.

Спор насчет Едома был закончен, но нашлись другие причины для недовольства.

— У нас никогда не бывает достаточно воды!

— Мне до смерти надоела манна!

— Когда у нас будет другая еда?

На самом деле, их жалобы скрывали страстное желание отомстить Едому и неудовлетворенность тем, что они все еще не вошли в Обетованную землю. Люди собирались в маленькие группки, которые критиковали и осуждали Моисея, забыв о том, как он любил их и как он каждый день, в течение сорока лет, молился за них.

* * *

В поисках дров Халев потянулся к сухим веткам и почувствовал, как что-то его укололо. Резко втянув в себя воздух, он отдернул руку. На запястье повисла змея, вонзив ядовитые клыки в его сухожилия. Руку пронзила боль. Бывшие неподалеку женщины завопили.

— Отойдите! — крикнул он и попытался стряхнуть змею, но она впилась еще сильнее, обвивая хвостом руку и туго ее сдавливая.

Другой рукой схватив змею за голову, Халев сорвал ее и с силой отбросил от себя. Упав, она тут же свернулась и, опираясь на хвост, собралась нанести новый удар. Внук Халева Хеврон выхватил кинжал и отрезал змее голову. Пока змеиное тело извивалось в пыли, Халев наступил на ее голову и раздавил. Уже в следующее мгновение он стал терять силы и упал на колени.

Яд действовал быстро. Халев чувствовал, как его сердце билось все чаще и чаще. Его бросило в пот, подступила тошнота. Чьи-то руки уложили его на землю.

— Нет, — прохрипел он. — Поднимите меня...

— Отец! — Меша схватил его за плечи. Прибежали Иешер и Мареша, за ними Шовав. Говорили все одновременно, и никто не слушал Халева. Он увидел страх в глазах детей. Смущение...

— Его укусила змея! — всхлипывала женщина. — Она была в зарослях. Он...

Лица поплыли перед глазами, и Халев схватил Мешу за пояс.

— Помогите мне подняться... — Он должен добраться до скинии. Он должен увидеть флаг со змеей из бронзы. Господь обещал, что каждый, кого укусит змея, останется в живых, если только посмотрит на этот флаг!

— Помогите ему! Быстрее! — в панике кричали вокруг. Его сыновья подхватили его под руки и подняли. Поддерживаемый Мешей и Иешером, он попытался идти, но тело отказывалось повиноваться.

— Его уже ноги не держат!

— Он умрет!

— Поднимите его!

— Быстрее!

Четверо сыновей Халева понесли его, идя напрямик через шатры, крича, чтобы им дали дорогу. Кажется, они никогда не дойдут. Неужели они так далеко от скинии?

— Это Халев! — предупреждающе голосили люди, — дайте дорогу! Уйдите с дороги!

Халев задыхался.

— Господь, Ты обещал... — Больше он ничего не мог сказать.

— Отец!.. — плакал Меша.

«Я уже слишком близко к цели, Господь, чтобы умереть. Ты обещал».

— Опустите его! — сказал кто-то.

Его сыновья опустили его на колени, но его голова падала, стоять он уже не мог. Он уже не мог сделать очередной вдох, ни тем более сказать сыновьям, как ему помочь.

«О, Господи, Ты знаешь, как много раз мы нарушали слово, данное Тебе, но Ты никогда не нарушал слово, данное нам. Ты сказал, что я войду в Землю».

Халев рухнул вниз лицом прямо в пыль. К нему снова потянулись руки — много рук. Множество голосов что-то кричали, раздавался плач.

«Молитесь. Кто-нибудь, молитесь».

— Халев! — Множество людей стояло вокруг него. — Это Халев! — Люди закрывали солнце.

— Отойдите! — на этот раз прозвучал голос Иисуса Навина. — Отойдите, дайте ему больше воздуха.

— Господи, Господи... — Халев узнал голос Ора и почувствовал, как его перевернули на спину. — Не забирай его от нас, Господи.

Халев лежал на спине, над ним было облако и печальные лица. Он не мог поднять голову. Он не мог пошевелить рукой, чтобы схватиться за кого-нибудь и потянуться вверх. Что-то сдавливало горло, не позволяя дышать, внутри все горело.

Он почувствовал, как Хеврон поднял его за плечи и стал поддерживать, обхватив рукой.

— Дедушка, открой глаза. Посмотри вверх. Флаг прямо над тобой.

— Дыши, отец! Дыши!

— Он умер! — крикнул кто-то. — Халев умер!

Люди заплакали.

Из последних сил Халев открыл глаза... но ничего не видел. Перед его взором была только темнота.

— Смотри, — сказал Моисей. — Смотри и верь, и будешь жить! «Ты мое спасение, Господь. Только Ты один».

Сквозь темноту пробилась лучи света. Пространство вокруг становилось все четче. Он увидел над собой флаг со змеей, сделанной из бронзы.

«Ты — Господь. Ты — Рафа, Целитель. Твое Слово истинно».

Горло и легкие освободились, и Халев сделал вдох, потом выдох. Сердце билось все медленнее, жар уходил. Он возвращался из долины смерти, сбрасывая се цепкие руки, и скоро уже стоял на ногах в окружении людей.

— Смерть, где твое жало?! — закричал он.

Его сыновья смеялись и благодарили Бога.

Халев поднял руки.

— Господь, Он есть Бог.

Дрожа, со слезами на глазах, Иисус Навин повторил за ним:

— Господь, Он есть Бог!

К ним присоединились другие, выкрикивая хвалу Господу, который сдержал Свое слово.

Они отправились из Овофа в Ийе-Аварим, пустыню, восточнее Моава. Оттуда они двинулись в долину Заред, затем расположили стан вдоль реки Арнон, между Моавом и землей аморреев. Оттуда Господь повел их в Беэр и дал им воды, чтобы они смогли пересечь пустыню и прийти в Матанну, а потом идти в Нагалиил, Вамоф и в долину Моава, где над пустыней возвышается гора Фасги.

Моисей послал вестников к Сигону, царю аморрейскому, с просьбой о том, чтобы безопасно пройти через его землю. Одновременно он послал разведчиков в Иазер. В ответ на просьбу Моисея Сигон собрал всю свою армию и вывел ее в пустыню против Израиля.

На этот раз Господь послал израильский народ воевать: «Поднимите свои мечи против аморреев и завладейте их землей от Арнона до Иавока!»

Как только прозвучал шофар, Халев поднял меч и издал боевой клич. К нему присоединилось множество других голосов, которые заставили задрожать землю. Иисус Навин повел свою армию на войну. Когда они побежали к укрепленному городу Есевону, Халев крикнул своим сыновьям: «Уничтожьте этот народ Хамоса!». Хамос был ложным богом, в жертву которому приносили детей.

Израильские мальчики и юноши, которых Халев и Иисус Навин учили сражаться, теперь были воинами, жаждущими идти в битву для Господа Бога. Они осадили Есевон, разрушили его стены, разбили идолов и алтари и весь город предали огню. Каждого, кто остался в городе воевать против них, убили. Из Есевона они двинулись в окрестные села, прогоняя аморреев с их земли. Грифы и хищные звери пировали.

Выжившие спасались бегством по дороге в Васан и заручились поддержкой царя Ога, который выступил со всей своей армией навстречу Израилю, поджидая у Едреи.

— Не бойтесь их, — закричал Моисей. — Не страшитесь, потому что Господь отдал их вам — царя Ога, всю его армию и землю!

К концу дня ни один израильтянин не погиб, но Ог, его сыновья и вся армия лежали мертвыми на поле битвы. Испачканный кровью Халев вместе со своими сыновьями стоял среди скорченных и сваленных одно на другое мертвых тел. Воины вокруг него ликовали, поздравляя друг друга с победой. Неужели они действительно думают, что победили собственной силой?

Халев посмотрел на юношей, которых учил воевать, и ему захотелось зажать им рты. Да, они научились воевать, у них было желание истреблять врага. Но они забыли самый важный урок, который он каждый день вбивал в их упрямые головы, — с тех пор, как начал учить их. Возлюбил Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими.

Тяжело дыша, Халев вонзил копье глубоко в землю, которая теперь принадлежала Израилю. Подняв руки к небу, он воскликнул что есть силы:

— Господи! Господи! Вся слава Тебе!

Первыми присоединились его сыновья. Один за одним, другие подхватывали славословие, пока его не поддержали тысячи.

«Сделай так, чтобы они это помнили, Господь. Напиши эту истину прямо на их сердцах».

* * *

Израильтяне поставили свой стан на равнине Моав, вдоль реки Иордан, напротив Иерихона. Халев услышал отчет о том, что Валак, царь Моава, собирал войска против Израиля и послал вестников в Мадиама и к другим народам Ханаана.

— Он хочет заключить союз с соседними народами, чтобы оказать нам сопротивление.

— У него не получится, — заверил Халев, прохаживаясь перед своим шатром. Он пытался подобрать подходящие слова, чтобы высказать свое беспокойство, зная, что Иисус Навин будет ждать, когда Моисей примет решение. — Но я не верю мадианитянам. Что-то здесь не то. Я это чувствую.

— Что?

— Они слишком дружелюбны.

— Они связаны родством с семьей Моисея.

Халеву было так же хорошо известно, как и другим, что жена Моисея, Сепфора, была мадианитянкой, а ее отец, Иофор, — вождем этого народа. Когда Господь вывел израильтян из Египта, Иофор встретился с Моисеем на Божьей горе и вернул ему Сепфору и сыновей. Иофор даже посоветовал Моисею избрать верных мужей из каждого племени, которые будут помогать ему судить народ. Иофор — мудрый человек.

— Иофор был достойным человеком, Иисус, но он уже давно умер. Сепфору уже никто не помнит, а сыновья Моисея научены путям Божиим. У них нет ничего общего с их родственниками, которые поклоняются Ваалу.

— Ты слишком жестко судишь о мадианитянах, Халев. Моисей велел относиться к ним как к братьям.

— Но их женщины не ведут себя как сестры. Вы посылали кого-нибудь узнать, что происходит в Ситтимае?

Иисус Навин нахмурился.

— Нет.

— Может, следовало бы. Может, тебе стоит поговорить об этом с Моисеем. Наверное, он должен помолиться и спросить Господа, почему мадианитяне так дружелюбны и нужно ли нам поддерживать с ними деловые связи. — Ему не удалось скрыть свое недовольство.

Иисус Навин сердито посмотрел на него.

— Наш вождь — Моисей. Не я.

— Разве это означает, что ты не должен думать самостоятельно? — Халев заметил, как покраснело лицо Иисуса Навина и как потемнели его глаза. — Некоторые наши мужчины ходят в мадиамские поселения. Разве Господь говорил нам смешиваться с этим народом? Когда-то давно у Моисея была причина доверять мадианитянам. Но можно ли им доверять сейчас?

— Если будет возможность, я спрошу.

— Сделай так, чтобы была возможность!

Халев поспешил уйти, чтобы не наговорить более резких слов. Он собрал своих сыновей и внуков.

— Не общайтесь с мадианитянами и избегайте их.

— Разве Моисей говорил что-то по этому поводу?

Халев повернулся к Ардону.

— Я вам это говорю, а я — ваш отец.

Они уже давно научились не спорить с ним. Поэтому никаких вопросов не последовало.

Но юноши и мужчины, которые учились военному делу вместе с сыновьями Халева, поступали, как считали нужным, и в свободное время бывали у мадианитян. Они рассказывали, как необыкновенно приветливы и красивы мадиамские девушки. Ну, и, в конце концов, у Моисея ведь была жена мадианитянка. Ничего удивительного, что их влечет к ним. А пиры под ветвистыми дубами невозможно сравнить ни с чем, что они видели за время странствования в пустыне. Как то Халев случайно встретил группу юношей, которые, смеясь, тихо перешептывались: их глаза горели, щеки покраснелись.

— Вам лучше пойти и посмотреть на это самим, — донеслось до его слуха.

Его сыновьям тоже хотелось пойти туда, и они каждый день просили у Халева разрешения.

— Все ходят. Мы единственные, кто не показывает гостеприимства родственникам Моисея.

— Вы не пойдете к ним.

— Хармий отпустил своего сына.

— И Салу.

— Салу из племени Симеона. А ты отчитываешься передо мной. А я говорю «нет». Если вы еще раз меня об этом попросите, я найду вам такую работу, что у вас не будет сил стоять на ногах, не то что думать о мадиамских девушках и их пирах!

Несмотря на запрет Халева, некоторые из племени Иуды все же пошли к мадианитянам. Они вернулись поздно. Кто-то пропустил утреннее поклонение. А один из этих юношей упал во время утренних упражнений. Ни сочувствия, ни терпения у Халева не было.

— Встань.

Юноша изо всех сил пытался подняться на ноги, его лицо приняло землистый оттенок, он дрожал и боялся посмотреть Халеву в глаза.

— Иди в свой шатер, Асриил. — Халев бросил на него сердитый, неприязненный взгляд. — Иди! Сейчас же! Пока я не завалил тебя обратно на землю! — Он смотрел, как юноша, спотыкаясь, уходит. Повернувшись к остальным, Халев показал на Асриила. — Разве кто-нибудь в таком состоянии может выступить против врага? Вот, что происходит, когда вы всю ночь где-то гуляете. От вас вред один! И это будет вам стоить жизни ваших братьев! Никогда не забывайте, что мы служим Господу, Богу Израиля. И мы готовимся войти в Ханаан по Его повелению. Наше наследие находится там. — Он показал рукой. — Хананеи не будут открывать перед нами ворота своих городов и любезно приглашать нас войти. Валак собирает армию против нас. У нас нет времени танцевать, петь и веселиться с мадианитянами!

— Господь послал на нас кару! — вдруг донеслись крики из стана.

В стане оплакивали умирающих юношей.

— За что? — рыдала чья-то мать. — Мы делали все, что Господь говорил нам, а теперь Он убивает наших детей! Почему?

* * *

Асриил умер. За ним последовало множество других. Из сыновей Халева не заболел никто, но он, тем не менее, допрашивал их до тех пор, пока они не рассказали все о том, что, по словам других парней, происходило у мадианитян: об их соблазнительных девушках и пиршествах под ветвистыми дубами.

— Не удивительно, что Господь убивает нас. — Халев заплакал. — Мы согрешили против Него. — Халев посмотрел на Иисуса Навина, сидящего рядом с Моисеем. Они собрали старейшин, чтобы решить, что делать, ибо Божье наказание распространялось по стану. Сотни уже погибли, и сотни других умирали каждый день.

— В чем мы согрешили? — спросил кто-то.

— Мадианитяне.

— Они наши друзья, — настаивал кто-то.

— Как мы можем дружить с теми, кто поклоняется идолам? Вспомните Египет! — Халеву пришлось напомнить себе, что люди, которые собрались здесь, не могут помнить Египта, — о том, что там было, они могут знать лишь по чьим-то рассказам. Здесь были сыновья тех, кто вышел из рабства. — Моавитяне и мадианитяне знают, что мы принадлежим Господу, который разрушил Египет Своими карами. Они знают, что мы служим Ему. И они достаточно умны и прекрасно понимают, что нас надо поссорить с нашим Богом, которому мы служим. Поэтому они посылают своих девушек, чтобы соблазнять наших юношей и втянуть их в поклонение Ваалу. Этих молодых женщин послали для того, чтобы они отвратили сердца и умы наших сыновей от Бога! А теперь Бог судит нас за неверность Ему.

— Я не видел ничего подобного в нашем лагере.

— А я — в нашем!

— Неужели мы всегда будем такими? — в бешенстве закричал Халев. Неужели они никогда не поймут? — Мы так много об этом говорили! И вы до сих пор не можете понять. Господь не посылает кару без причины! Он не наказывает просто так. Поэтому мы должны исследовать себя, поискать причину Его гнева, чтобы покаяться!

Моисей наклонился к Иисусу Навину и что-то сказал. Его помощник кивнул головой и что-то шепотом ответил. Другие, взволнованные, заговорили все одновременно.

— Салу, — громко сказал Халев, — мои сыновья сказали мне, что твой сын Зимри ходит к мадианитянам.

Салу из племени Симеона был не очень рад оказаться в центре внимания.

— Он ходит к ним, чтобы рассказывать о нашем Боге.

— Он привел с собой девушку, — добавил кто-то.

Моисей поднял голову. Иисус Навин оглядел собравшихся.

Салу потряс головой.

— Нет. Это неправда, — заявил он.

— Когда я шел сюда, я видел твоего сына с этой мадианитянкой, — сказал другой старейшина. — Я спросил его, что он собирается делать. Он ответил, что хочет пригласить своих друзей на пиршество,

а эта женщина, Хазва, пришла, чтобы подбодрить их. Он сказал, что она дочь одного из вождей мадиамских. Цур, кажется, так его зовут.

— Пригласить друзей на пиршество? — Мужчины посмотрели друг на друга. — Что он имел в виду?

Вдруг Финеес резко поднялся и быстрым шагом вышел из собрания старейшин. Его отец, Елеазар, первосвященник и сын Аарона, позвал его. Финеес не ответил. Зайдя в свой шатер, он вышел с копьем в руке.

Халев встал и внимательно посмотрел ему вслед. Его сердце учащенно забилося. Сын первосвященника, не глядя по сторонам, решительно шагал прямо к шатрам Симеона. Халев никогда не видел подобной ярости на его лице, даже во время сражения.

Глаза Моисея расширились. Иисус Навин быстро встал и пошел следом за сыном первосвященника. Халев двинулся за ним.

— Что случилось? — все зашумели и вскочили со своих мест. — Что происходит?

Вдруг Финеес побежал, крепко сжимая в руке копьё. Люди, встречавшиеся на его пути, в ужасе бросались в стороны. Халев и Иисус Навин бежали за Финеесом, за ними другие старейшины. Из лагеря племени Симеона были слышны звуки пиршества. Перед одним из шатров собралась толпа людей, которые, толкая и тесня друг друга, поднимаясь на носки, пытались заглянуть внутрь.

— Разойдитесь! — закричал Иисус Навин, и люди расступились, как море, открыв взгляду оргию, приведшую их в такой восторг. Они стали разбегаться, наклонив головы, и ныряли в свои шатры, пытаясь остаться незамеченными.

Финеес ворвался в шатер. С криком он встал ногами по обе стороны тюфяка, на котором извивалась пара. Мадианитянка закричала. Она попыталась выбраться из-под сына Салу, который был в порыве неистовой страсти, но оказалось слишком поздно. Подняв копьё обеими руками, Финеес нанес удар, приложив всю свою силу. Пройдя через оба тела, копьё пригвоздило их к земле. Зимри умер сразу, а Хазва царапалась, билась, кричала и дергалась до тех пор, пока кровь не потекла из ее рта. Только когда она замерла, Финеес вынул копьё и ушел, тяжело дыша.

Моисей приказал сыновьям Израиля держаться подальше от поселений мадианитян. Любые контакты с этим народом были запрещены. Елеазар принес искупительную жертву за грехи людей, стоявших очень тихо, в страхе перед наказанием. Сколько людей еще умрет, пока Господь не проявит милость?

— С этого дня и дальше, — сказал Моисей людям, — относитесь к мадианитянам как к врагам. Убивайте их! Они так поступили с нами.

Он повелел провести перепись. Оказалось, что двадцать четыре тысячи умерли во время казни. И все же число израильтян выросло со времен первой переписи у горы Божьей.

От поколения рабов, которые были освобождены из Египта, осталось только два человека: Иисус Навин из племени Ефрема и Халев из племени Иуды.

* * *

— Господь призывает нас отомстить мадианитянам! — сказал Моисей народу. — Тысяча человек от каждого племени должны быть вооружены и высланы на сражение. — Финеес поведет их в битву и возьмет с собой священные сосуды и трубы.

Тревожный шепот пронесся по рядам. Двенадцать тысяч против сотни тысяч? Мы погибнем!

«Неверие. Даже сейчас неверие», — думал Халев.

— Господь с нами! — закричал он.

— Не бойтесь их! — призвал Иисус Навин, подняв меч.

Пройдя годы боевой подготовки и тренировок, молодые мужчины жаждали сражения и желали показать себя. Пойти в бой хотел каждый. Поэтому Халев призвал бросить жребий, после чего осталась тысяча мужчин, которые отправятся воевать во имя Господа от племени Иуды. Среди этих избранных оказались его сыновья. Они стояли, одетые и снаряженные для битвы с мечами в руках. Щит веры в живого Бога, которому они служили, защищал их. Божьи указания они уже получили. Теперь предстояло увидеть, будут ли они послушны и одержат ли победу.

Халев шел позади вместе с другими вождями общества. Иисус Навин тоже был среди них. Ни он, ни Халев не могли спокойно ожидать исхода битвы.

Халев услышал звук трубы, донесшийся издалека, затем боевой клич двенадцати тысяч, которые вступали в сражение. Ему невероятно хотелось сейчас бежать с ними, размахивая мечом и убивая Божьих врагов. Но он ждал вместе с Иисусом Навином и другими. Пусть молодые люди попробуют себя.

Проходили часы. Моисей молился. Иисус Навин молился. Халев пытался, но все его мысли были в сражении, он сжимал руки, пот катился градом. Там воюют его сыновья. Его сыновья!

«Не дай им потерпеть неудачу, Господь. Пусть они сдержат свое слово. Пусть их фокус будет на Тебе. Пусть они останутся верными».

Сорок лет он ждал, когда войдет в Обетованную землю. Сорок лет он странствовал по пустыне с сыновьями тех, кто отказался слушать его отчет о Ханаане.

Прибыли вестники. Маданитяне побеждены, пять царей — Евий, Рекем, Цур, Хур и Реву — убиты. Также убит Валаам, советник царя Валака. Воины возвращались с победой.

Халев заметил гнев на лице Моисея и подошел к Иисусу Навину и Елеазару, первосвященнику.

— В чем дело? — спросил он.

— Наши воины привели с собой пленных.

Халева охватил страх. Покарает ли их Бог снова?

Он увидел, как по направлению к стану гнали стада овец, коз и крупного скота. Халев увидел телеги с добычей и израильских воинов, которые несли всевозможное добро, награбленное в городах и селах маданитян.

— Почему вы оставили в живых всех женщин? — воскликнул Моисей. — Это те самые женщины, которые по совету Валаама втянули израильтян в бунт против Господа у горы Фегор! Из-за них пришло Божье наказание и поразило наш народ. Сейчас же убейте всех мальчиков и всех женщин, которые спали с мужчинами. Только тех девушек, которые девственны, можете оставить в живых — их вы можете оставить для себя.

Тем, кто участвовал в битве, было приказано не заходить в стан. Прежде, чем это сделать, они должны были омыться, выстирать одежду и вымыть все, сделанное из кожи, козьей шерсти и дерева. Все принесенное золото, серебро, бронзу, железо, олово и свинец нужно было провести через огонь. Каждый идол или изделие с эмблемой или изображением языческих богов следовало переплавить. Добычу разделили между воинами, которые участвовали в сражении, и между всеми членами общества. Один из каждых пятисот пленных и одна из каждых пятисот голов скота были отданы в дар Господу и переданы в распоряжение левитов.

Сыновья Халева возвращались в свои шатры со своей частью добычи. Стоя в их лагере, Халев ожидал их, каждый его мускул был напряжен. Меша и Мареша предстали перед ним с достоинством солдат, вернувшихся с великой победой. И, правда, победа была грандиозной. Ни один израильтянин не погиб.

— Мы принесли тебе подарки, отец.

— Я ничего не просил. — Из этой добычи он не хотел брать ничего.

— После смерти Иериофы и Ефрафы ни одна женщина тебя не утешала.

— И вы думаете, я возьму себе жену-мадианитянку? Это ведь я говорил вам не иметь ничего общего с ними.

— Эти девушки больше не мадианитянки. Сейчас они принадлежат нам. Если не хочешь, чтобы они были твоими женами, возьми их в наложницы.

— Они ничего не знают о нас — кто мы такие. Они не знают Бога, которому мы служим.

— Тогда научи их — так же, как научил нас, — рассудительно сказал Мареша.

Меша подошел ближе к отцу.

— Нам надо расти численно, отец. А для этого тебе нужны женщины. Он взял одну из девушек за руку и дернул вперед. — Она молода, здорова и не сделала нам ничего плохого. Делай с ней, что хочешь. — Он толкнул ее к Халеву.

Девушка посмотрела на него большими и темными, как у теленка, глазами. По выражению ее лица невозможно было понять, о чем она думает. Он вспомнил мадианитянок, смеющихся и заманивающих к себе молодых мужчин, которых он обучал, и удививших их в свой стан, как баранов на заклание. Двадцать четыре тысячи умерли из-за того, что мужчины легко соблазнились этими женщинами и стали поклоняться Ваалу. У девушки была красивая стройная фигура и нежная оливковая кожа. Она станет прекрасной женщиной. Он положил руку на рукоятку меча и вытащил его. Девушка приоткрыла рот, но не издала ни звука. Она закрыла глаза, опустила на колени и склонила голову.

— Это будет напрасная жертва, отец. — Меша не двинулся с места, чтобы остановить его.

— Ты смеешься надо мной? — Халеву было восемьдесят лет.

— Все, кто называли тебя псом, умерли. Тебя все уважают. И ты мой отец. И ты бы повел нас в сражение, если бы Господь сказал тебе это делать! — продолжал Меша.

— Моисей сказал, чтобы мы оставили девственниц, — тихо добавил Мареша.

Ор протянул руку и вытащил вперед другую красивую девушку.

— Ты заслуживаешь самого лучшего из нашей добычи. — Вторая девушка, дрожа, встала на колени рядом с первой.

Меша взял Халева за руку, в которой был меч.

— Они твои, отец. Используй их для нашего общего блага.

Они ушли, и Халев остался один, стоя над двумя девушками с мечом в руке.

«Суд или милость, Господь? Как мне поступить?» Он ждал, желая услышать слово, знак от Господа. Тем временем он рассматривал девушек. Одна, наконец, подняла голову и посмотрела на него. В ее темных глазах читался страх, но она не пыталась молить о пощаде. Другая девушка, все еще сильно дрожа, заплакала.

Халев подумал о несчетном числе раз, когда Господь проявлял милость к нему и всему народу. Была ли это просто случайность, что эти девушки оказались вырванными из своей порочной среды и культуры и приведены сюда, в стан Израиля? Или у Бога был план и для них тоже?

— Я Халев. — Он положил руку на сердце. — Халев.

Девушка, которая смотрела на него, тоже положила руку на сердце.

— Мааха. — Она прикоснулась к склоненной голове своей плачущей подруги.

— Ефа.

— Перед вами жизнь или смерть. Если вы научитесь законам Божиим и будете исполнять их, то останетесь живы.

Мааха в недоумении нахмурилась. Она развела руками и замотала головой.

Халев нахмурился. Конечно, она не понимает его язык. Но самое важное она выучит, независимо ни от каких языковых преград.

— Господь. — Произнес он твердо, кивнув головой в ожидании ответа. — Господь!

Она поняла.

— Господь, — нерешительно проговорила она, затем заставила подняться на ноги другую девушку и что-то сказала ей, после чего обе произнесли одновременно: — Господь.

Но этого недостаточно — просто повторить то, что он сказал. Они должны понять, что он говорит не о себе, но о Единственном, которому они должны научиться служить. Халев вытянул руку, показывая в сторону скинии, где Ковчег Божий был спрятан в Святое Святых.

— Господь. Господь, Он есть Бог!

Красивые глаза Маахи расширились.

— Господь. — Она повторила с благоговением. Халев подумал, что, судя по выражению ее лица, есть основания надеяться. Если эти девушки научатся Божиим путям, то будут знать больше, чем те люди, которые умерли в скитаниях по пустыне.

— Господь, Он есть Бог.

Две девушки повторили слова Халева. Он вставил меч обратно в ножны и позвал одну из своих внучек. Показав сначала на одну, потом на другую девушку, он назвал их имена.

— Проследи, чтобы они выучили наш язык. Потом они должны выучить Закон Божий.

Пока этого не произойдет, он ничего общего с ними иметь не будет.

Глава четвертая

— Когда вы перейдете через реку Иордан и войдете в Ханаан, вы должны выгнать оттуда всех людей, живущих там.

Халев стоял впереди колена Иуды, слушая, как Моисей передавал Господни повеления. Этот день должен быть радостным, но его не покидало ощущение тяжести. Сорок лет прошли. Скитания закончились. Ему восемьдесят лет. Но не годы отягощали его. Тяжким бременем была ответственность за этот народ.

— Вы должны уничтожить всех идолов из дерева, камня или металла, а также все их языческие жертвенники. — Моисей продолжал: — Завладейте имуществом и домами этой страны и поселитесь в них, потому что Я даю вам эту землю во владение. Вы должны распределить землю среди ваших родов.

Халев был поставлен главным над всем племенем Иуды.

— Если же вы не прогоните от себя жителей земли той, то оставшиеся из них будут сетью для вас. Они будут теснить вас на земле, в которой вы будете жить. И тогда Господь сделает с вами то, что вознамерился сделать с ними!

Потом Моисей напомнил о казнях египетских и о грехах израильтян. Время летело быстро.

— Послушай, Израиль! Господь, Бог наш, един есть. И люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими. И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня, в сердце твоём; и внушай их детям твоим, и говори о них, сидя в доме твоём, и идя дорогой, и ложась, и вставая... Они — жизнь для вас. Не вступай в союз с жителями той земли и не щади их. Не вступай с ними в родство.

Моисей распротер руки, как будто хотел обнять всех.

— Мне сто двадцать лет, и я больше не могу вести вас. Господь сказал мне, что я не перейду через Иордан.

Люди заплакали и закричали, не соглашаясь. Халев сжал зубы, слезы капали на его бороду, в горле пересохло. Он посмотрел на Иисуса Навина, стоящего рядом с Моисеем; его лицо было суровым, губы крепко сжаты.

Моисей заговорил громче, в его голосе слышался голос Божий.

— Господь, Бог ваш, пойдет через Иордан впереди вас!

Люди снова затихли, слушая со слезами на глазах.

— Господь истребит народы, живущие в той земле, а вы возьмете во владение их землю. Иисус Навин будет вести вас вместо меня, и он пойдет с вами, как Господь и обещал вам.

Елеазар, первосвященник, помазал Иисуса Навина, после чего Моисей возложил на него руки и заповедал ему исполнять повеления Господни. За тем, подняв руки к осеняющему их облаку, Моисей запел песнь об истории Израиля. Он пропел благословение на весь народ. Затем распустил собрание.

— Он ушел, — хрипло сказал Иисус Навин, в его темных глазах было хорошо заметен страх.

— Ушел куда?

— На гору Нево. — Иисус Навин плакал, как мальчик, потерявший отца.

Халев не мог дать волю слезам, так как хотел быть поддержкой для нового вождя.

— Он увидит всю землю, которую Господь дает нам, оттуда, с горы. Он увидит ее от Галаада до пустыни Негев, от Иорданской долины и Иерихона до Сигора, — сказал он Иисусу.

— Я надеялся...

— Мы надеялись, что Моисей будет с нами, Иисус Навин. Мы не отдавали себе отчет, что ты и я будем единственными людьми из нашего поколения, которые войдут в Ханаан.

— Никогда не будет такого пророка, как Моисей. Никто никогда не сотворит таких чудес и знамений, какие Моисей сотворил по Божьему повелению в Египте!

— Да, пока не придет Тот, о Котором говорил Моисей, Тот, Кто исполнит Закон.

Но Халев понял, что стояло за словами Иисуса Навина. — Господь помазал тебя вести Его народ, Израиль. И ты поведешь!

Иисус Навин обхватил голову руками, будто хотел спрятаться от Бога.

— Меня бросает в дрожь от одной этой мысли...

— Страх Господень — начало мудрости, друг мой.

— Халев сел рядом с ним. — Когда время скорби закончится, Господь скажет, что тебе делать. И что бы это ни было, я буду рядом с тобой.

* * *

Почти весь день Халев провел у скинии, рядом с Иисусом Навином, который уединился там для молитвы. «Господи, помоги ему. Будь с ним так же, как Ты был с Моисеем. Скажи ему то, что ему нужно знать, чтобы вести нас в наше наследие».

Потом они молча ели вместе в тишине, обдумывая грядущие дни, будучи оба в нерешительности, не зная, как дальше двигаться и с чего начать. Халев не торопил своего друга. Он ждал, понимая, что придет день, когда Господь заговорит с Иисусом Навином, также как Он говорил с Моисеем.

Иисус Навин поднялся и встал на пороге шатра. Он посмотрел в сторону Иерихона, который был виден вдаль на другом берегу Иордана. Это был огромный укрепленный город — наглухо закрытые ворота в Ханаан.

— Приведи мне двух хороших мужей, Халев. — Он говорил с уверенностью, которой Халев никогда раньше от него не слышал. Господь говорил с ним!

— Но не твоих сыновей. Я пошлю их осмотреть землю, особенно Иерихон.

— Сделано.

Когда разведчики отправились на задание, Халев вопросительно склонил голову набок:

— Что еще Господь сказал тебе?

— Будь тверд и мужествен. — Иисус Навин хмуро улыбнулся. — Он сказал мне это много раз.

— Нам всем нужно это слышать. — Никому не хочется участвовать в кровавой бойне.

— Надо очень тщательно соблюдать все законы, которые Моисей дал нам, Халев. И исполнять все, что говорит Господь.

Халев знал, что Иисус Навин размышляет над Законом день и ночь.

— Что-то еще Он тебе сказал?

— Господь обещал быть со мной всюду, куда бы я ни пошел.

Дух Халева поднялся в нем, словно орел, распрямив крылья.

— Там, где будешь ты, там буду и я!

— Мне нужно поговорить со всеми командующими и начальниками племен.

Халев послал вестников, и начальники быстро пришли, готовые сделать все, что скажет Иисус Навин.

— Скажите людям, чтобы готовились отправляться в путь. Господь сказал, что через три дня, — он показал место на карте, которую сделал Моисей, — мы будем переходить Иордан здесь. Мы будем брать во владение землю, которую Господь, Бог наш, дал нам.

Даже племена Рувима и Гада, которые попросили остаться к востоку от Иордана, не переходя его, будут готовы идти и сражаться со своими братьями.

— Что ни скажешь нам, все сделаем, Иисус Навин. Куда ты ни пошлешь нас, пойдём.

К походу готовились с отработанной точностью. Годы, проведенные в пустыне, когда нужно было наблюдать за облаком — поднималось ли оно, двигалось или останавливалось, — выработали в людях привычку действовать быстро, как только раздавалась команда. Поражение царей Сигона и Ога вдохновили народ. К тому же отступил Валак, царь моавитский, после того, как были уничтожены Валаам и пять царей мадиамских, которые послушались его совета. Израиль был готов взять свою землю, желая выполнить повеление Господа.

Разведчики вернулись с хорошими новостями.

— Господь несомненно отдаёт нам всю землю! Раав сказала, что все жители Иерихона в страхе перед нами.

— Кто такая Раав?

— Блудница.

Она привела их в свой дом и заставила поклясться Господом Богом, что они спасут её и всю её семью от грядущего уничтожения.

Сердце Халева упало. Сразу же компромисс. Но, подумав о двух своих наложницах, он стал молиться: «Пусть эта женщина, Раав, преклонится перед Тобой и прославит Тебя, Господь, как Мааха и Ефа».

— Она спасла нас от воинов царя и показала путь, как нам уйти. Без её помощи мы могли бы не выбраться оттуда живыми.

Иисус Навин больше не задавал вопросов.

— Тогда позаботьтесь о том, чтобы исполнить клятву, которую вы дали во имя Господа. Завтра утром соберите народ. Я передам им повеления Господни.

Как только все ушли, Халев остался в шатре на случай, если Иисус Навин захочет обсудить планы или ещё раз просмотреть карты.

Иисус Навин сел и жестом показал Халеву сделать то же.

— Мы будем переходить Иордан через два дня. Я не хотел говорить это командующим. Пока нет.

Халев не стал спрашивать почему. Река разлилась, и никто из израильтян не умел ни плавать, ни строить плоты.

— Уверен, что Господь сказал тебе, как мы перейдем реку.

— Нет, Он не сказал. Он только сказал, что священники должны нести Ковчег, а люди — идти за ними на расстоянии двух тысяч локтей.

Почувствовав волнение, Халев подумал о том, что они будут делать, когда подойдут к разлившимся водам Иордана. Потом он вспомнил и улыбнулся.

— Не бойся, мой друг! Не унывай. — Он усмехнулся. — Река — это вообще не задача для Господа, который заставил расступиться море.

* * *

— Соберитесь все вместе! — сказал Халев своим сыновьям, их женам и детям. Они охотно собрались. Ефа и Мааха тоже были среди членов семьи, став частью народа Божьего, как и многие другие. Он рассказал своей семье о Египте, о рабстве и о том, как Господь послал Моисея извратить их. Рассказал и о казнях египетских, Божьих чудесах и Его защите.

— Вы слышали свою историю из уст Моисея и от меня. И вы будете часто ее слышать до тех пор, пока я жив. А вы, в свою очередь, должны рассказывать ее своим детям и внукам, чтобы они никогда об этом не забывали.

Халев напомнил им о грехах, сделанных народом, которые навлекли Божий суд на его поколение.

— Грех тихонько подкрадывается, как лев к добыче, и ждет, чтобы поглотить вас. Вы должны противостоять ему. И повиноваться Господу. Делайте все, что бы Он ни сказал вам и как бы трудно это ни было.

Халев напомнил о грехах, которые стали причиной гибели двадцати четырех тысяч человек. — Ваш грех приносит смерть вашим близким. Поэтому вы должны всегда смотреть на Господа. Не только сейчас, пока мы еще не завоевали нашу землю, но всегда. Служите Господу с радостью. Стойте в Его присутствии с благодарением! Наше будущее и наша надежда в Нем.

Его сыновья придвинулись ближе к нему, их глаза горели. Всю свою жизнь они готовились к тому дню, который вот-вот настанет.

— Завтра вы услышите слово Господа от Его помазанника. Иисус Навин скажет нам, что мы должны будем делать. Повинуйтесь ему также, как вы повиновались бы Господу.

Так они и делали.

Люди освятили себя. Теперь они ждали, когда священники, несущие Ковчег, отойдут от них на расстояние двух тысяч локтей. Как только это произошло, люди последовали за ними. Подойдя к Иордану, священники вошли воду. Послышался шум сильного ветра, и воды расступились, оставив сухое дно там, где только что текла вода. Дойдя до середины реки, священники остановились и стояли, держа Ковчег, пока весь народ — более миллиона человек — переходили реку. Когда все общество благополучно перебралось на западный берег Иордана, Иисус Навин послал по одному человеку из каждого из двенадцати племен принести камень со дна реки. Эти камни сложили в Галгале, у восточной границы Иерихона.

— Когда в будущем ваши дети спросят, что означают эти камни, вы скажете им: «Здесь Израиль перешел Иордан по суше». Ибо Господь, Бог ваш, осушил реку прямо перед вашими глазами, и воды стояли, пока все мы не перешли на другой берег, — так же как Он поступил с Красным морем, которое мы перешли по суше. Он сделал так, чтобы все народы земли познали силу Господню и чтобы вы боялись Господа. Бога вашего, вовеки.

* * *

— Наверно, Иисус Навин что-то неправильно услышал, отец.

— Господь повелел нам всем сделать обрезание, поэтому мы так и поступим. Мне стыдно, что я давным-давно об этом не позаботился, когда вы были детьми.

— Никто не был обрезан за все сорок лет! Можно подождать.

— Подождать? — Халев строго посмотрел на своих сыновей. — Когда Господь что-то говорит, мы это делаем. Мы не ждем.

— Отец, ну, рассуди сам! Мы стоим станом недалеко от Иерихона. Если мы сейчас изуродуем себя этой операцией, мы будем не способны защитить себя в случае нападения.

— Изуродуем? Ты называешь знак завета Господа с нами уродством? — Он увидел, как сын побледнел.

— Я сказал, не подумав. Прости меня.

— Тебе нужно Божье прощение. — Он по очереди посмотрел на каждого из своих сыновей и внуков.
— Вы что, боитесь маленького ножика в руках священника?

Они все потрясли головами, не желая признавать это.

Затем Шовав засмеялся.

— Да. Я боюсь.

— Так же, как и я, — сказал Халев.

— Ты?

— Пусть для вас будет утешением, что ваш отец тоже будет завтра стоять в очереди на обрезание.

Они заговорили все сразу. От этих слов, сказанных Халевом, они не только не успокоились, но еще больше заволновались.

— Отец... — Шовав слабым движением показал пальцем на Мешу. — Меша прав. Разве хананеям что-то помешает выйти из Иерихона и перерезать нас, пока мы в таком состоянии?

— Бог был с нами каждый день, и вы задаете такие вопросы? — Стараясь погасить свой гнев, Халев заговорил спокойно и медленно, но твердо. — Господь — наша сила и щит. Он будет смотреть за нами и защищать нас. Нам нечего бояться.

После обрезания Халев лежал в своем шатре. Мучаясь от боли, он не поднимался со своего тюфяка. Вскоре у него начался жар, и он не мог спать. Теперь, когда они перешли Иордан, манна уже не падала с неба. Его наложницы, Ефа и Мааха, знали, как приготовить еду из тех плодов, которые давала земля, но Халеву не хватало манны. Не хватало ее сладости.

Иисус Навин пришел навестить его.

— Не вставай, Халев.

Измученный жаром, Халев остался лежать. Он слабо улыбнулся.

— Ты благословенный мужчина. — Иисус Навин был обрезан в младенческом возрасте. Очень немногие евреи, с тех пор как стали рабами в Египте, продолжали соблюдать это постановление. — Как поживают другие?

— Лучше, чем ты, мой старый друг.

Халев схватил протянутую руку Иисуса Навина и, опираясь на нее, поднялся.

— У молодости есть свои преимущества. — Поморщившись, он жестом отослал от себя Мааху и медленно выбрался наружу. Это был первый раз за последние три дня, когда он вышел из своего шатра. Он зажмурился от яркого света.

— Господь рассказал тебе о Своих планах. Когда и как мы будем брать Иерихон?

— Завтра на рассвете... — Иисус Навин рассказал ему Божий план.

В изумлении, Халев еще раз проговорил весь план:

— Мы должны действовать тихо?

— Да.

— Ни боевых кличей, ни выкриков?

— Все должны молчать.

— А потом мы обходим вокруг города? И больше ничего?

— В течение шести дней. Ковчег будет идти впереди нас, за ним пойдут семь священников с трубами. На седьмой день они затрубят, а мы будем громко кричать. В этот день мы будем обходить город семь раз.

Халев посмотрел на стены Иерихона. С тех пор, как он покинул Египет, он не видел города, который был бы так хорошо укреплен.

— И Господь сказал, что стены рухнут?

— Да.

План казался абсурдным. Это просто смешно! Ни один человек в здравом уме никогда бы ничего подобного не придумал. Халев смеялся и славил Господа:

— Весь мир услышит об этом. Спустя тысячелетия люди будут говорить о том, что Бог сделал с Иерихоном!

— Значит, ты веришь, что так и будет?

— Конечно, я верю. — Халев перестал смеяться. — А ты что, нет?

— Я верю. Но поверят ли люди?

Халев понял причину беспокойства Иисуса Навина. Еще совсем недавно многие стали поклоняться иным богами в Фегоре. После этого двадцать четыре тысячи человек погибли во время посланного Богом: наказания.

— Лучше бы им поверить.

Семя бунта было посеяно в сердца людей еще во времена Эдемского сада. И с тех пор битва происходит именно в сердцах людей.

* * *

В первый день обхода Иерихона Халев думал только о том, как сделать следующий шаг. Он вздрагивал от боли и скрежетал зубами, но не отступал от своего твердого решения обойти город и вернуться в шатер с высоко поднятой головой. На второй день он шел гораздо легче и заметил, что со стен Иерихона за ними наблюдают воины. На третий день эти воины стали смеяться. На пятый день на стенах собралось много мужчин и женщин, которые хохотали и выкрикивали богохульства. Среди них были даже дети.

Каждый день, придя в лагерь, его сыновья и внуки молчали, но их накопившаяся ярость проявлялась в том, как они срывали с себя ремни и сбрасывали мечи. Халев смотрел на них, незаметно улыбаясь

и благодаря Бога. Дни мучений после обрезания закончились. Каждый день их силы обновлялись и прибавлялись. И каждый день хананеи подливали масло в огонь, который скоро их же поглотит.

«Пусть ваш гнев накапливается. Сдерживайте его пока. Сдерживайте его до последнего дня — дня Господнего!»

Когда седьмой день настал, Халев был полон сил, полон ожидания, его кровь кипела. Уже никто не мог идти со спокойным равнодушием, как прежде. На этот раз армия звучно маршировала, стараясь, чтобы шаги отдавались как можно громче. С каждым обходом росло напряжение. Люди на стенах перестали смеяться. Семь раз израильтяне обошли вокруг города под звуки труб. Потом они вдруг остановились и повернулись лицами к городской стене.

Раздался протяжный и громкий звук шофара. Сердце Халева неистово стучало. Он набрал в легкие побольше воздуха. Сейчас будет возмездие. Воздух вырвался из легких громким криком: «За Господа!». Многие тысячи подхватили крик, и он превратился в оглушительный рев.

Они смотрели, как исполнялось Божье обещание. От звука труб и крика высокие, мощные стены Иерихона задрожали. Израильтяне закричали еще громче, и стены дали трещины. Вскоре они обрушились: с грохотом полетели вниз камни, взметая столбы пыли; стоявшие наверху воины с воплями летели вниз.

Высоко подняв свой меч, Халев побежал рядом с Иисусом Навином, и, подобно гигантским волнам, тысячи тысяч воинов бросились за ними в город. Своим мечом, который когда-то был косой, Халев размахивал направо и налево, поражая хананеев, будто срезая колосья пшеницы. Мужчины и женщины, молодые и старики, крупный скот, овцы, ослы — никто не остался в живых.

Тяжело дыша, Халев стоял посреди побежденного города.

— Помните указания! Все золото, серебро, бронза и железо будет освящено для Господа и отдано в Его сокровищницу. Все остальное уничтожьте! Сожгите город! Сожгите все, что в нем есть!

* * *

Иерихон все еще тлел, а Иисус Навин уже послал разведчиков в Гай, что около Беф-Авена. Этот город находился к востоку от Вефиля, где предок Израиля, Иаков, видел лестницу, ведущую в небеса, и ангелов, спускающихся и поднимающихся по ней. Разведчики вернулись быстро.

— Он не похож на Иерихон. Туда не нужно идти всей армией. Пошли на его захват две или три тысячи человек. Не стоит утруждать весь народ, потому что в Гае людей мало.

Поразмышляв несколько мгновений, Иисус Навин кивнул головой.

— Идите и так и сделайте. — Как только вестники ушли, Халев наклонился к картам, сделанным сорок лет назад, когда они впервые приходили в эту землю. Иисус Навин рассказал ему Божий план захвата Ханаана.

* * *

— Люди возвращаются из Гая. — Запыхавшийся вестник был мертвенно-бледным. — Они несут раненых и погибших!

Халев побежал на встречу войску — нужно отыскать сыновей. Шовав был ранен. Меша плакал.

— Мы думали, это будет легко после Иерихона, но жители Гая просто разгромили нас! Они преследовали нас от городских ворот до самых каменоломен. В Шовава попала стрела, когда он пытался отойти к холмам. Мы бежали! — Он всхлипывал. — Ардон не смог убежать, отец. Он мертв!

— Мой сын? Мой сын... — Халев заплакал. Как это могло случиться? Как?

Иисус Навин, услышав эти известия, издал громкий вопль и разорвал на себе одежду. Он пошел прямо в скинию и пал на землю перед Ковчегом Завета.

Халев, дрожа, стоял за пределами скинии и ждал. Почему это произошло?

У скинии стали собираться люди — сначала десяток, потом сотня, потом тысяча. Те, кто потеряли сыновей или мужей, плакали и бросали на себя пыль.

Вышел Иисус Навин, он был очень бледен.

— Мы нарушили Божий Завет.

Халев похолодел.

— Когда?... Как?... Кто? — Его охватил страх. Что Господь теперь сделает с ними? Какая кара падет на Израиль? Каким будет возмездие за их неверность?

— Кто-то украл вещи, посвященные Господу, а затем солгал и положил эти вещи среди своих. Пока мы не разберемся с этим, мы не сможем идти против наших врагов. — Голос Иисуса Навина стал громче. — Освятитесь! — закричал он людям. — Завтра предстаньте перед Господом, племя за племенем, клан за кланом, семья за семьей. Тот, кто будет изобличен с вещами, посвященными Господу, будет сожжен вместе со всем своим домом и имуществом!

Жестом руки Халев показал всем своим близким вернуться в лагерь. Он осмотрел имущество каждого из своих сыновей и внуков. Он посмотрел на своих наложниц. Он ненавидел это гнетущее чувство недоверия и одновременно бессильной ярости и страха перед тем, что кто-то из близких ему людей мог навлечь гнев Божий на весь народ. Но кто же осмелился украсть у Бога?

— Господь скажет нам, кто виноват в этом. И кто бы он ни был, он умрет. — «Господь, не допусти, чтобы это был кто-то из моих сыновей или внуков!».

Никто не сказал ни слова, но в их глазах Халев увидел те же чувства, которые испытывал сам. Они со страхом и недоверием смотрели друг на друга, задавали вопросы, переглядывались. Пока виновник не найден, каждый будет под подозрением.

Этой ночью никто не спал. «Только не из моих сыновей и внуков! И пусть этот человек не будет из колена Иуды».

Утром первосвященник Елеазар и Иисус Навин стояли перед станом, пока племена одно за другим выходили вперед. Прошло племя Рувима, затем Симеона. Племя Иуды было остановлено. От стыда Халеву хотелось провалиться сквозь землю. Другие племена отошли назад и расступились, и племя Иуды стало выходить вперед род за родом. Вышел Халев, за ним его сыновья, внуки, их жены, наложницы и дети. Их не остановили. Но Халев не почувствовал большого облегчения. «Иуда, о, Иуда! Лидер среди братьев! В грехах ты тоже первый?» Прощел клан Шелы, потом Фареса.

Когда перед Елеазаром и Иисусом Навином стал проходить клан Зары, их остановили. Иисус Навин приказал им выходить вперед по семьям.

Халев наблюдал за Елеазаром и понял, в какой момент Господь показал виновника: Ахан, сын Хармия, сын Завдия. Халев опустил голову и заплакал. Ахан и Ардон играли вместе. Они вместе тренировались, вместе веселились и шли на сражение.

— Это правда! Я согрешил против Господа, Бога Израиля. — Ахан говорил быстро, стоя весь в поту перед Иисусом Навином и Елеазаром. Он повернулся к своим братьям из колена Иуды. — Я увидел прекрасную одежду, привезенную из Вавилона, двести сиклей серебра и слиток золота весом в пятьдесят сиклей. Мне они так понравились, и я взял их. Я зарыл это в землю под своим шатром, а серебро я закопал глубже, чем все остальное.

— Идите! — Иисус Навин подал знак двум своим помощникам, и они ушли. Все ждали их возвращения. Скоро они вернулись с красивой разноцветной расшитой одеждой, серебром и золотом. Серебро и золото отдали Елеазару и священникам, чтобы положить его перед Господом. Иисус Навин повернулся к Халеву, в его глазах были печаль и сожаление.

— Мы должны отправить Ахана и все, что принадлежит ему, в долину.

Как глава племени Иуды Халев подчинился. Но Ахан не хотел повиноваться.

— Простите меня! Я не хотел этого! Я не знаю, что на меня нашло! Это всего лишь одежда, немного серебра и золота. Разве это причина для того, чтобы убить меня и всю мою семью? Халев, помоги мне! Мои дед и отец были твоими друзьями! Совет послушает тебя. Помогите мне!

Гнев Халева сменился скорбью. Ахан упал перед ним на колени, умоляя. Жалость захватила Халева, в горле встал комок. Но он все же поспешил поднять виновного. Из-за его греха умер Ардон. И еще тридцать пять других. Думая об их вдовах и детях, Халев толкнул Ахана перед собой. Он не станет слушать его попытки оправдать себя и мольбы о помиловании. Он заставил себя не слышать плач сыновей и дочерей Ахана, пока другие выводили их и толкали к отцу. Вместе с Аханом в долину пригнали весь его скот, принесли его шатер и все имущество, которое положили вокруг него.

— Пожалейте моих детей! — кричал Ахан. — Хотя бы моих сыновей, чтобы мое имя...

— Зачем ты принес нам такие беды? — Иисус Навин говорил громко, чтобы его голос слышали все, стоявшие вокруг небольшой долины. — Теперь Господь воздаст тебе за это. — Он взял камень. Халев сделал то же. Со слезами на глазах он взял камень вспотевшей ладонью.

Крики Ахана, его сыновей и дочерей быстро затихли. Животные умирали дольше. Когда все дышащее было мертво, останки и все имущество предали огню. На месте казни набросали большую грудку камней.

Люди расходились молча.

Халев вернулся в свой шатер, его сыновья и внуки вместе с ним. Некоторые из них плакали. Другие молчали. Третьи задавали вопросы.

Но Халев оставался тверд.

— Ахан должен был умереть! — отвечал он.

— Да, но разве его дети тоже? — плакала одна из женщин.

Халев почувствовал на себе все свои годы.

— Они знали. Вы понимаете? Они все знали. Ахав закопал под своим шатром украденное у Господа. Вы думаете, его сыновья и дочери не знали об этом? — Он широко раскинул руки. — Могу я выкопать здесь у себя яму так, чтобы никто из моей семьи ничего не заметил? Нет! Сыновья и дочери Ахана видели, что он сделал, и ничего не сказали. Они отвергли Слово Божье и делали то же, что их отец. Они все виноваты!

— Он любил Ардона, как брата. — Шовав потряс головой. — Они были друзьями с детства. Ты слышал, что он сказал? Он не понимал, что делал, когда брал эти вещи. Все это случилось в пылу сражения. Он не хотел грешить...

— Не жалеете его! — Слезы текли по лицу Халева. — Ахан знал, что согрешил. Ему потребовалось время, чтобы тайно вынести эти вещи из Иерихона. И потребовалось время, чтобы все это спрятать. Он думал, что сможет украсть у Господа, и никто не узнает, а из-за него Ардон умер в Гае. Когда вы жалеете его, вы восстаете против Божьего суда. Подумайте об Ардоне и тридцати пяти других людях, которые умерли из-за жадности одного человека. Мы плачем и горюем сейчас из-за Ахана. У него были стада овец и крупного скота. Его сыновья ездили на ослах, как молодые принцы. Бог даровал ему богатство, Был ли он удовлетворен? Нет! Был ли он благодарен? Нет! — Он с отвращением плюнул. — Ваш брат и другие люди умерли из-за того, что Ахану, видите ли, захотелось какую-то одежду, несколько сиклей серебра и слиток золота!

Сорок лет он учил своих сыновей и внуков. Неужели они так ничего и не поняли?

— Вы должны повиноваться Господу. Что бы Он ни повелел, вы должны исполнять. Бог дал нам Закон для нашей же защиты и чтобы научить нас, как праведно жить перед Ним. Битва принадлежит Господу. Мы должны быть святы, как и Он свят!

— Как мы можем быть такими, отец? — Ор, единственный сын его возлюбленной Ефрафы, наклонился к нему. — Ты знаешь, что мы любим и уважаем тебя. — Он протянул к нему руки. — Мы стараемся сделать все, чтобы ты ни попросил, — ведь мы знаем, что ты живешь для Господа. Но я хочу понять, отец. Как это возможно — быть святым, как Господь? Как мы можем исполнить каждую заповедь? Я пытался. Господь знает, что я пытался. Но у меня не получается.

Халев заметил боль в глазах сына. Он видел, что других это тоже мучило.

— Да. — Он медленно выдохнул. — Да, у нас у всех не получается. — Он ударил себя в грудь.

— Но внутри мы сражаемся, чтобы исполнить волю Господню. Мы должны бороться с нашими наклонностями! — Сейчас его сыновья слушали его внимательнее, чем раньше. — Битва внутри нас еще не окончена. И битва всегда происходит внутри нас.

Ахан был справедливо осужден, и сейчас пора оставить позади боль утраты и сожаление. Пора идти дальше. Вместе с Богом!

— Если вы в состоянии запомнить только одну заповедь, то запомните эту: возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, всем умом твоим, всей душой твоей и всеми силами твоими. Если вы сможете это, то Господь покажет вам, что вместе с Ним возможно и остальное. — Халев поднял руки.

— Скажите это вместе со мной. — И они сказали.

— Скажите еще раз. — Они повторили заповедь снова, на этот раз громче. — И еще раз! — Они закричали.

— Повторяйте это каждый день до конца своих дней и живите по этой заповеди. — Склонив голову, Халев благословил их в молитве.

* * *

— Подойдите к городу с тыла и спрячьтесь в засаде недалеко от стены. Будьте готовы к действию. — Иисус Навин показал место на карте. Халев внимательно изучил сделанные им пометки, определяя место, где он должен стоять со своими людьми. Иисус Навин выпрямился. — Когда наша основная армия пойдет в наступление, жители Гая выйдут нам навстречу сражаться, как они сделали это раньше, и мы побегим от них. Мы позволим им преследовать нас до тех пор, пока все не выйдут из города. Они скажут: «Израильтяне бежали от нас, как и раньше». Затем вы выходите из засады и захватываете город, Господь, Бог ваш, отдаст его вам.

— А что делать, когда мы захватим город?

— Сожгите город, как Господь приказал. Вы знаете распоряжения.

Ночью Халев отвел свою армию на их позиции с тыла, и они стали ждать. Наутро прибыл вестник и доложил, что Иисус Навин со своей армией движется к городу. Халеву с его позиции было видно, как армия Иисуса Навина подошла к городу и остановилась перед ним, расположив лагерь к северу от Гая, так что между ними и городом была долина.

С помощью пяти тысяч воинов Халева, стоявших к западу от города, его жители будут окружены в долине без всяких шансов спастись бегством.

С воинственными криками жители Гая потекли из ворот, преследуя Иисуса Навина и его армию, заставляя их отступать к пустыне. Халев щелкнул пальцами, и несколько вестников появились рядом.

— Жители Гая преследуют Иисуса Навина. Предупреди людей! — Жители Гая бежали через долину, оставив ворота города открытыми и неохраняемыми. Определив местонахождение Иисуса Навина, Халев, стиснув зубы, ждал его сигнала.

Сигнал последовал. Иисус Навин направил копье к Гаю.

— Вперед! — закричал Халев, вскакивая. Его армия последовала за ним вверх по склону, вливаясь прямо в городские ворота. Жители с криками разбежались, но уйти далеко никому не удавалось. — Сожгите город! Быстрее! — Город подожгли, и вскоре все постройки полыхали, едкий дым вздымался высоко в небо. — На битву!

Халев собрал своих людей. Воины Гая ушли далеко в долину, но им никак не выйти из окружения пяти тысяч израильтян.

— За Господа! — Подняв меч, Халев побежал по направлению к воинам Гая. — За Господа! — присоединились к нему тысячи.

Долина стала кровавой чашей. Там погибли все, вышедшие из Гая. Иисус Навин захватил царя и повесил на дереве, а с наступлением ночи распорядился, чтобы его сняли и бросили в ворота горящего города.

Израильтяне построили два жертвенника из неотесанных камней, один на горе Гевал, а другой на горе Гаризим.

— Соберите людей. — Когда все мужчины, женщины, дети и пришельцы, живущие среди них, собрались, Иисус Навин прочел Закон Божий, записанный Моисеем. Ни одно слово не было пропущено.

Благословения и проклятия были очень хорошо слышны от одной горы до другой. Никто не сможет сказать, что не слышал предупреждений Господа о том, что будет, если люди не послушаются Его.

* * *

— Кто вы такие? — прищурился Халев пристальным взглядом рассматривая делегацию пришедших к ним людей. Их ослы были нагружены обветшавшими мешками и изорванными, залатанными мехами с вином. — Откуда вы пришли? — В своих стоптанных и залатанных сандалиях, эти люди выглядели так, будто прибыли из очень далеких мест.

— Мы ваши слуги. Мы пришли заключить с вами союз.

Несколько юношей пришли посмотреть на гостей.

— Да они, может, живут возле нас. Как мы можем заключить союз с ними?

Елеазар поднял руки.

— Дайте им сказать!

Иисус Навин внимательно посмотрел на странников.

— Кто вы такие и откуда пришли?

— Мы ваши слуги. Мы пришли из далекой страны, услышав о славе Господа, вашего Бога. Мы слышали рассказы о Нем и о том, какие казни Он послал на Египет и как Он поступил с двумя царями аморрейскими, что к востоку от Иордана, Сигоном и Огом. Наши старейшины велели нам взять запас еды и пойти встретиться с вами. — Говорящий запустил руку в мешок.

Халев вынул меч. С десяток воинов сделали то же.

Глаза гостя расширились.

— Я только хочу показать вам, что случилось с нашим хлебом.

— Отойдите. — Халев шагнул вперед и заглянул в мешок.

— Этот хлеб был свежим и теплым, когда мы вышли в дорогу. — Гость показал мехи с вином. — И эти мехи тоже были совсем новые и полные.

Халев попробовал хлеб и тут же выплюнул:

— Да, сухой и заплесневелый. — Но он все еще не верил им.

— Мы заключим с вами союз. — Иисус Навин и большинство старейшин согласились в этом вопросе.

Халева не так легко было убедить:

— Господь сказал не заключать никаких союзов.

— Это правда, — нетерпеливо сказал Иисус Навин. — Но нам не стоит так быстро судить и истреблять людей. Господь сказал не заключать союзы с теми, кто живет в этой земле. А эти люди издалека. У нас нет причин воевать с ними.

— Тогда почему я чувствую такое беспокойство внутри?

Иисус Навин хлопнул его по спине.

— Наверное, из-за того хлеба, который ты только что съел!

Другие, его старые друзья, засмеялись. Оставшись в меньшинстве, Халев замолчал.

Заклучив союз, делегация отправилась в путь. Три дня спустя израильские воины, посланные разведать землю, вернулись с красными от ярости лицами.

— Это были евеи из Гаваона! Они нас обманули! Мы не могли атаковать их, потому что заключили с ними союз!

Халев кипел от гнева.

— Они сделали из нас дураков!

— Из меня. — Иисус Навин стоял перед ними с бледным, как мел, лицом от смущения и унижения.

— Я не спросил у Господа. Я сделал то, что сам считал правильным.

— Ну, тебе лучше помолиться сейчас, мой брат, потому что у нас начинаются неприятности. Люди не рады тому, что мы натворили.

Воины не скрывали свое недовольство:

— Ведь Бог сказал не заключать союз с этими людьми!

— О чем вы думали?

— Они будут сетью для нас, жалом во плоти!

Лидеры спорили между собой, не зная, что делать.

— Они солгали!

— Мы ничего им не должны!

Племя Симеона жаждало крови.

— Надо пойти в их города и убить всех до одного!

Представители других колен тоже жаждали мести.

— Именно это Господь сказал нам сделать!

Иисус Навин покачал головой:

— Мы должны сдерживать клятву.

Халев слушал, как все говорили одновременно. Люди были напуганы, и для этого была причина. Люди злились и обвиняли их.

— Успокойтесь! — громко заговорил Халев, и голоса стихли.

— Мы совершили ошибку, не спросив Господа, кто эти люди. Но мы не должны совершить другую ошибку. Мое сердце жаждет мести, как и ваше, но отмщение принадлежит Господу. Послушайте Иисуса Навина!

Они ждали, пока избранник Божий начнет говорить.

— Мы дали им клятву во имя Господа, Бога Израиля, и теперь не можем прикасаться к ним. Если мы нарушим клятву, то навлечем на себя гнев Божий.

— И что мы будем с ними делать?

Иисус Навин призвал людей к порядку и рассказал им Божий путь. Затем он вызвал представителей Гаваона.

— Почему вы солгали нам?

— Мы поступили так, потому что нам сказали, что Господь, Бог ваш, повелел своему слуге Моисею завоевать всю эту землю и уничтожить всех живущих на ней. Поэтому мы боялись за свои жизни. Вот почему мы так поступили. Теперь мы в вашей милости — поступайте с нами так, как считаете правильным.

Как считаете правильным. Внутри Халева все закипело. Эти люди знали, что, если израильтяне нарушат свою клятву, за этим последует гнев Божий. Жители Гаваона были осведомлены об этом.

Раздался гул недовольных голосов. Волна гнева и ропота стала разливаться по рядам, пока Иисус Навин не напомнил, что Господь спросит с них за нарушение клятвы, которую они дали. Он повернулся лицом к перепуганным гаваонитянам.

— Вы под проклятием. Начиная с этого дня вы всегда будете служить нам: рубить дрова и носить воду для дома моего Бога.

Они поклонились ему и уехали.

Этим вечером стан был окутан тишиной.

Теперь враги Божьи останутся на этой земле ловушкой всем последующим поколениям.

Вызванный вестником, Халев поспешил в шатер Иисуса Навина. Едва взглянув на вождя, Халев понял, что что-то произошло.

— Что случилось?

— Гаваонитяне прислали весть о том, что им нужна наша помощь. Аморрейские цари из Иерусалима, Кириаф-Арбы, Иармуфа, Лохиса и Еглона выступили против них.

— Мало того, что мы оставили в живых этих людей, мы должны еще и защищать их?

Пришлось собрать всю израильскую армию и маршировать всю ночь, чтобы спасти Гаваон. Утром израильтяне напали на вражеские армии, застав их врасплох.

— Посмотрите, — воскликнул Халев. — Господь с нами! — В полном замешательстве и панике, враги наталкивались друг на друга, пытаясь спастись бегством. Началась битва.

— Иисус Навин! Иисус Навин! — Молодой воин стоял перед ними, стараясь перевести дыхание. — Цари! Я видел, как все пятеро спрятались в пещере.

— Завалите вход в пещеру большими камнями и поставьте охрану. Продолжайте сражение! Преследуйте врага! Нападайте на них и не допускайте, чтобы они ушли в свои города.

Халев оценил положение вещей и ход сражения и расстроился. Солнце садилось. Они не успеют закончить битву. Они не выполняют работу, которую им дал Господь.

Он разыскал Иисуса Навина, который стоял на самом высоком холме, наблюдая за сражением, и высказал свои опасения.

— У нас не хватит времени, чтобы перебить всех. Солнце уже садится!

Иисус Навин разделил его тревогу:

— Нам надо больше времени! Больше времени! — Он поднял руки и воскликнул громким голосом: — Пусть, Господи, солнце остановится над Гаваоном и луна над долиной Аиалонской!

Они присоединились к сражению. Халев размахивал своим мечом направо и налево, аморреи падали перед ним, как колосья пшеницы перед жнецом. Он продолжал, убивая каждого, кто шел на него, и вскоре уже не мог сосчитать, скольких он убил. Его рука не ослабевала, и солнце оставалось над их головами! Но как это могло быть? Час за часом, солнце стояло высоко в небе и сияло во всю силу.

— Господь! Господь с нами! — Халев был в восторге. Теперь точно все народы смогут увидеть, что Господь, Бог Израиля, имеет силу не только над всем творением, но и над временем. Никто не может идти войной против Бога и выиграть битву!

Аморреи побежали, Халев и Иисус Навин подняли мечи вверх.

— За ними!

Израильтяне преследовали врага до Бефорона, но прежде, чем они догнали его, Господь выпустил с небес град размером с человеческий кулак. Халев видел, как ледяные камни били аморреев по головам, сваливая их на землю. В результате, избитые и окровавленные тела лежали повсюду вдоль дороги. Их было так много, что Халеву стало ясно: Господь убил градом больше врагов, чем он и другие — мечом.

Армия расположилась лагерем в Македе, и от военачальников стали приходить отчеты:

— Аморреи уничтожены. Лишь немногие смогли уйти в свои города.

Халев был благодарен Господу за чудо остановленного солнца, которое дало возможность поразить врага, но все же он был не вполне доволен результатом битвы.

— Те, которым удалось убежать, будут ловушкой для нас, жалом во плоти. Мы должны найти и уничтожить их.

— У нас цари завалены в пещере, — напомнил ему Иисус Навин.

Он приказал открыть пещеру и привести царей. Когда приказ был выполнен, перед ними появились цари, щурившиеся от яркого света. Несмотря на их царственное облачение и высокомерные планы уничтожить Израиль, они были брошены на землю перед Иисусом Навином. Он попросил командиров выйти вперед.

— Поставьте ноги на горло этих царей. Халев кивнул Меше, чтобы тот наступил на шею Адониседека, царя Иерусалима.

— Не бойтесь этих людей. — Иисус Навин вытащил меч. — Они убежали с поля битвы и скрылись в пещере. — Одного за другим он убил их. — Повесьте их на деревьях до вечера, — приказал он. — Затем бросьте тела в пещеру. Завтра будем брать Макед!

Войско подняло мечи, раздался триумфальный клич.

Но Халев был удивлен, что не прозвучало ни слова о чуде, которое Господь сделал для них в этот день. Иисус Навин говорил о чем-то другом, сердце же Халева пело хвалу. Ну, а как насчет молодых людей, командиров и тех, кто у них в подчинении? Сорок лет Бог обеспечивал Свой народ манной и водой в пустыне. Все это время их одежда и обувь не изнашивались. Божье присутствие и защита были с ними в виде облака и огненного столпа. Или они так привыкли к чудесам, что остановившееся солнце показалось чем-то незначительным?

Халев подумал о грядущих днях. Кругом ликовали о победе. Обетованная земля источала сладкий запах цветущих фруктовых деревьев, пшеничных полей, виноградников и оливковых рощ. Но был ли захват этой земли их единственной целью?

«Господь, помоги нам не стать самодовольными. Не дай нам настолько привыкнуть к чудесам, чтобы мы перестали видеть их и благодарить Тебя, славить за то, что Ты для нас делаешь. Иногда Ты такой необъятный, и Твои пути так непостижимы, что мы совсем не замечаем Тебя. А Ты рядом. Ты над нами и позади нас. Ты идешь впереди нас и защищаешь нас позади. Ты вдыхаешь в нас жизнь. Помоги нам никогда не забывать, что без Тебя мы все равно что пыль, солома, которую сдувает самый легкий ветерок, стоит ему только подуть против нас».

* * *

Макед пал, в живых никого не оставили. Ливну, Лакис, Еглон, Кириаф-Арбу и Кириаф-Сефер постигла та же участь. Божье повеление уничтожить все, что дышит, было исполнено. Но некоторым жителям этих городов все же удалось уцелеть и убежать на север и к побережью.

Тогда аморреи, хеттеи, ферезеи, иевусеи и евеи объединились у вод Меромских.

— У них огромная армия! — Глаза соглядатая потемнели от страха. — Тысячи лошадей и колесниц. Их слишком много для нас...

— Сколько должно быть, чтобы было слишком много для Господа, Фарнак? Халев отодвинул полог шатра. — Ты свободен.

Юноша покраснел и быстро вышел.

— Наверно, нам нужно пересмотреть наш план сражения, — сказал Иисус Навин. Наш план сражения? Иисус Навин выглядел уставшим. Так же, как и все. Уже несколько месяцев, как они вели сражение за сражением, брали город за городом, истребляя тысячи людей.

— Мы никогда не сражаемся по нашему плану, Иисус Навин. И ты знаешь это лучше, чем кто-либо. Спроси у Господа. Пусть Он снова скажет тебе, что нам делать.

— Сколько раз Господь должен говорить мне «не бойся», чтобы я действительно не боялся?

Халев нахмурился.

— Ты не трус, Иисус Навин.

Иисус Навин грустно улыбнулся.

— Господь знает, что это не так.

— Если ты трус, то, значит, мы все такие. Нет среди нас никого, кто бы совсем не боялся, мой друг. Смелые люди делают то, что Господь говорит им, несмотря на страх. Ты так и делал, и Господь говорит тебе делать так и дальше.

— Ты самый безжалостный воин, Халев, кого я когда-либо знал. Я никогда не видел, чтобы ты колебался, даже убивая женщин и детей.

— Потому что я боюсь Бога больше, чем людей. Но мне невыносимо тяжело после каждой битвы.

— Мне верится с трудом.

— Спроси Мааху. Спроси Ефу. — Убивать женщин и детей было очень тяжело. — Мне приходится постоянно напоминать себе о том, что я видел за те сорок дней, когда мы ходили в эту землю как соглядатаи. Ты помнишь их пиры, разврат, извращения, то, как они приносили своих детей в жертву богам? Их дети делают то же, что и родители. Мы рассказывали им о нашем Боге, как Он уничтожил Египет казнями и как Он ведет Свой народ. И что, они изменились? Когда мы пришли в Иерихон, мы нашли такие же алтари, как в Ханаане. Раав сказала, что люди боялись нас, но боятся ли они Господа? Нет! Сорок лет, Иисус Навин. Господь милосерден к тем, кто кается и взывает к Нему. Разве эти люди изменили свои пути?

Халев сжал кулаки.

— Мне приходится напоминать себе об этом каждый раз, когда я достаю меч. Мне приходится напоминать себе о том, чего Господь ожидает от меня. И мы все должны напоминать себе, что Бог на нашей стороне. До тех пор, пока мы повинемся Его Слову, Он будет защищать нас и давать победу. Но только до тех пор, пока мы повинемся.

— Я все время задаюсь вопросом: как долго наши люди будут повиноваться? Мы видели, что их сердца быстро соблазняются.

— Как раз поэтому Господь сказал нам избавиться от жителей этой земли, очистить землю от них. Мы допустили ошибку с гаваонитянами, Иисус Навин. Мы никогда больше не должны совершить подобной ошибки.

Глаза Иисуса Навина засветились.

— И не совершим. Пока я жив. Я буду спрашивать у Господа, и мы будем следовать за Ним.

Халев улыбнулся.

— Есть какая-то сила, которая движет эти сражения, Халев, как будто большой камень катится с горы. Хананеям, аморреям и прочим приходится бежать от нас, потому что Бог ожесточил их сердца.

Они пропустили свою возможность покаяться. Теперь Господь использует нас для того, чтобы совершить над ними суд.

— Да, Иисус Навин, но мы не должны забывать, что можем разделить ту же судьбу, если повернемся спиной к Господу.

Бог сказал, что тогда пошлет на них проклятие, и они будут поражены мечом и разбросаны по всему лицу земли.

* * *

— За Господа! — Халев вел войско из колена Иуды на сражение у вод Меромских. Иисус Навин был во главе всех израильских подразделений. Объединенная армия аморреев, хеттеев, ферезеев, иевусеев и еевеев пала под натиском израильтян, потому что Господь отдал их в руки Своего народа. Союзники разделились, отступая.

Халев безжалостно убивал всех, кто шел против него. Его рука двигалась направо, потом налево, убивая всякого аморрея или хеттея, оказавшегося рядом. Он увидел, как враги побежали.

— Преследуйте их! — закричал он, и евреи побежали за ними.

Тела лежали до самого Великого Сидона, до Мисрефоф-Маима и долины Мицфы, лежащей к востоку. Ржали раненые лошади. Колесницы горели. Один за другим города сдавались. Израильтяне следовали повелению не оставлять никого в живых. Оставив после себя пустые дома и города, они двинулись в Асор, где царь Иавин собрал против Израиля все оставшиеся в живых народы. Этот город тоже пал.

— Вот он! — Халев толкнул царя Иавина к ногам Иисуса. Когда аморрейский царь попытался встать, Халев поставил ногу на его спину.

— Мы подождем, — сказал Иисус Навин, — пока каждый мужчина, женщина и ребенок на его земле не отведают гнев Божий.

Когда в городе все стихло, Иисус Навин вытащил меч.

— За Господа! — И он убил Иавина одним сильным ударом. Стоя близко, Халев оказался забрызганным кровью.

Раздались возгласы триумфа.

— В Асоре отличные стены, хорошие дома и водоемы, — сказал один из командиров.

Халев знал, о чем они думают. После многих лет жизни в шатрах так тянет переехать в эти дома и жить в комфорте. Разве его самого это не искушало? Но были и другие обстоятельства, которые нужно принять во внимание.

— В центре города стоят алтарь Ваалу и высоты Астарте. И я не видел ни одного дома, где бы не было идолов.

Командир из колена Симеона уставился на Халева.

— Мы можем пропустить все через огонь, как делали раньше.

Многочисленные овцы, козы и крупный скот мычал и блеял, когда его погнали по направлению к долине. Израильские стада росли после каждого сражения. Даже в своих мечтах они не могли представить себе, какое богатство даст им Господь.

Халев вспомнил залитый кровью алтарь в центре Асора.

— А что Господь говорит об этом городе?

Иисус Навин отошел в сторону. Один из командующих двинулся было за ним, но Халев преградил ему дорогу.

— Пусть он спросит у Господа.

Командиры заговорили одновременно. Халев понимал их желания. Он попытался унять свое нетерпение и спокойно произнес:

— Иавин собрал все народы против нас.

— Иавин мертв!

— Да, я знаю, что он мертв. И Асор остается как напоминание о грехах этого царя.

— Мы переименуем город. Мы можем сжечь всех идолов, разрушить высоты Астарты и алтари Ваала.

— И мы приведем наших детей в город, основанный на грехе?

— Ты готов разрушить любой из этих городов, Халев. Ты все готов разрушить!

— Я видел, что они творят на этих алтарях. Я не забыл за сорок лет.

— А мы этого не видели, Халев. Нам не досаждают такие воспоминания. Мы можем...

— Молчать! — скомандовал Халев. Иисус Навин вернулся к ним. — Что Господь желает, Иисус Навин?

Иисус Навин шагнул к ним, гнев отражался в его глазах.

— Сожгите город. Господь сказал сжечь город. Не должно остаться камня на камне!

Халев повторил приказ во всеулышание. Воины подчинились. Они сорвали и подожгли ворота. Вскоре все кругом запылало, воздух наполнился дымом. Халев прошел по городу, чтобы убедиться, все ли дома подожжены. Подозвав нескольких воинов, он попросил помочь опрокинуть высоты Астарты. Отвратительная вонь горящей плоти наполняла его ноздри, пока не подступила тошнота.

Выйдя из города, он с удовольствием втянул в себя свежий воздух и поблагодарил Бога за то, что Он увел их от искушения. Асор был местом гибели задолго до того, как гнев Божий привел израильтян к воротам этого города.

* * *

Халев очистил меч от крови, затем стал его точить. Сколько людей он убил за последние три года? Сколько еще предстоит убить, пока враги Божьи в Ханаане не будут уничтожены? Одним движением он провел камнем вдоль лезвия. Прошлой ночью он говорил с Иисусом Навином и ушел от него, исполненный грозной решимости.

— Господь сказал мне, что предстоит завоевать еще очень большие территории, — сказал Иисус Навин.

— Какие территории?

— Все филистимские и гессурские земли; от реки Сихор, что к востоку от Египта, на север до Екрона.

— Газа и Азот?

— Да, и Аскалон и Геф. Вся земля Ханаанская на юге; от Меары Сидонской до Афека, где все еще живут аморреи; еще земля Гевла и весь Ливан к востоку — от Ваал-Гада возле горы Ермон до Емафа.

Халев подумал о своих преклонных годах. Сможет ли он снова пахать землю и сажать семена? Сможет ли он ухаживать за будущим урожаем? Он молчал.

Продолжая, Иисус Навин показывал пальцем на карте:

— Господь Сам изгонит всех сидонян из горных областей от Ливана до Мисрефоф-Маима. Эта земля будет отдана нам в наследие и разделена среди девяти племен и половины племени Манассии.

Хотя сражения еще продолжались, израильтяне, взяв во владение Ханаан, разделили землю в точности так, как сказал Господь. Колено Рувима и Гада получили свою часть, их кланы и семьи обосновались на бывших территориях Сигона и Ога. Колено Рувима также получило города на плоскогорье и землю, прилегающую к Есевону, которой раньше владели аморреи. Их удел отделяла река Иордан.

Колено Гада получило все города галаадские и половину страны аммонитян до Ароера. Их территория простиралась до Галилейского моря. Территория колена Манассии включала Васан и все селения Иаира. Это было шестьдесят городов!

Бог показал, как распределить другие земли, и это было отмечено на карте. Земля Иуды была в центральной части Ханаана, включая гору, куда Авраам отвел своего сына Исаака и был готов предложить его Господу в послушание Его повелению, но Господь воззвал к нему, сказав не поднимать руки на Исаака, и Сам обеспечил жертву.

— Ты в порядке, Халев?

— Старею.

Лицо Иисуса Навина смягчилось.

— Наш день придет, мой друг.

— Правда? — Халев опустил голову от стыда. Кто он такой, чтобы задавать вопросы Богу? «Прости меня, Господь. Дело в том, что... — Он решил не давать продолжения этой мысли. — Прости меня!» Он сопротивлялся охватившему его отчаянию. Сорок лет он скитался по пустыне из-за неверия своего поколения. А сейчас свои последние годы он тратит на то, чтобы завоевать землю и распределить ее сыновьям тех людей, из-за чьих грехов он так много времени был вдали от Обетованной земли. Господь сдержит свои обещания, но это не значит, что все будет так, как он надеялся.

Ханаан был землей гор и долин, пастбищ и многочисленных ручьев. Воздух наполнен ароматом цветения, жужжанием пчел, дающих мед, и блеянием стад многочисленного скота, который пасется на сочных, тучных пастбищах, давая в избытке молоко и мясо. Оливковые деревья обильно плодоносят, а вместе с ними абрикосы, гранаты, пальмы. По земле стелятся громадные лозы винограда, одной кистью которого можно накормить целую семью. Земля, в которой течет молоко и мед!

Все, что сказал Господь, было правдой. Богатства Ханаана вскружили голову Халева мечтами и желаниями, которым нельзя было предаваться, потому что Господь призвал его быть рядом с Иисусом Навином и еще не освободил от этого. Еще нужно очищать землю от идолопоклонников, которые загрязнили этот сотворенный Богом рай.

Он не должен сомневаться.

Но иногда боль в сердце казалась невыносимой. «Господи, Господи, помоги мне!»

— Господь сдержит свое обещание, Халев.

— Он уже сдержал. Господь обещал, что я войду в Ханаан. И Он сдержал это обещание. — Он отвел взгляд, чтобы Иисус Навин не видел выступившие на его глазах слезы. Опустив голову, он перевел дыхание и после небольшой паузы заговорил снова:

— Господь ведь не говорил, что я вернусь к земледелию.

Глава пятая

— Когда мы получим нашу землю, отец? Сколько еще нам сражаться и давать землю другим? Когда мы получим свой удел?

Весь последний год Халев и сам часто задавался этим вопросом. Но если он будет думать и говорить об этом со своими сыновьями, это ему не поможет. Иисус Навин его пока не освободил.

— Наш черед настанет.

— Когда?

— Когда Иисус Навин скажет, что пришло время.

— Иисус Навин никогда не скажет, что уже время, отец. Ты ему нужен!

— Не говори глупостей. Не я нужен Иисусу Навину. Господь с ним.

— Он никогда не освободит тебя, отец. До тех пор, пока ты не попросишь его об этом.

Значит, вот как они думают?

— Мы вдвоем с Иисусом Навином стояли против целого поколения неверующих людей. И сейчас мы стоим вместе. Он передает нам слова Господа. — Нахмурившись, он смотрел, как его сын Ор наливал себе второй стакан вина. Может быть, они сегодня слишком много выпили и поэтому так нетерпеливы? — Дети мои... — Халев говорил мягко, надеясь потушить искры, которые могли очень легко превратиться в пламя. — Нас, конечно, двенадцать племен, но помните, что все мы сыновья Иакова. Мы должны трудиться вместе, чтобы завладеть землей. Все вместе мы сильны в Господе. Если мы разделимся, мы ослабеем.

— Да, — храбро сказал молодой голос. — Мы должны надеяться на Господа.

— Замолчи, Хеврон! — Иешер нахмурился. — Кто ты такой, чтобы напоминать нам о Господе?

Хеврон покраснел, но был достаточно мудрым, чтобы не продолжать спор. Халев внимательно посмотрел на своего юного внука. По крайней мере, хоть один среди этих молодых львов имеет сердце, жаждущее Бога.

— Хеврон говорит мудрые вещи.

— Хеврон говорит как мальчишка, у которого еще вся жизнь впереди. — Глаза Иешера засверкали.

— А как насчет тебя, отец?

— А, так вы обо мне беспокоитесь? — усмехнулся Халев. — Наверно, кусочек земли с пещерой хотите заполучить? Место, где можно положить мои кости?

— Мы ждали достаточно долго! — закричали другие, соглашаясь.

— Манассия, Рувим и Гад еще не очистили свою землю от врага. Когда они закончат...

— Когда они закончат? — Меша подскочил в нетерпении. — Они никогда не сделают это.

Жар бросился в лицо Халева.

— Не говори плохо о своих братьях. — Ему самому не терпелось получить свою землю, с каждым годом все больше. И ему совсем не нужно, чтобы его сыновья разжигали в нем огонь греха.

— Я говорю правду, отец, и ты это отлично знаешь.

К ним подключились другие:

— Эти племена не стараются нам помочь.

— Они дали слово, — проговорил Халев твердым голосом. — И Господь напомним им об этом.

— Они жаждут вернуться к своим стадам к востоку от Иордана.

— Если бы Моисей не взял с них клятву, они бы не помогли нам сейчас. А клялись они потому, что иначе бы не остались в живых — они прекрасно это понимали.

— Они сражаются вместе с нами, а сами оглядываются на восток, — нет, чтобы полностью посвятить себя сражению!

— Иуда похож на льва, и ты самый великий лев из всех нас, отец. Почему мы должны быть самым последним коленом, которое получит свое наследие?

— Хватит! — Сыновья замолчали, видя его раздражение. Халев сжал зубы, сделал медленный выдох, и только тогда снова заговорил: — Вы называете меня львом, значит, я должен управлять этой львиной стаей, Послушайте, все вы! — Он дождался их полного внимания и заговорил медленно и горячо: — Мы должны вдохновить других исполнять Слово Божье. Мы должны очистить землю от всех язычников. Если мы этого не сделаем, то хананеи, аморреи, хеттеи и другие будут камнем преткновения и сетью для будущих поколений!

— Мы изгоним их из нашей земли, отец. Мы убьем их!

— Кажется, другие племена не намерены доводить это дело до конца. — Меша наклонился к Халеву, его глаза светились гневом. — Если мы и дальше будем ждать, то не получим никакую землю!

Халев схватил Мешу за горло. Тот ухватился за его запястье, но освободиться не мог. Железные пальцы Халева продолжали впиваться в его горло, пока у Мешы не закатились глаза. Только тогда Халев отпустил его. Меша задышался и кашлял.

— Если еще раз посмеешь бунтовать против Бога, я убью тебя. — Халев по очереди посмотрел на каждого из своих сыновей. — Если вы думаете, что я пожалею своих близких, вы совершаете ошибку.

В шатре стало тихо. Никто не двигался. Стоявшие сзади женщины, готовые прислуживать, замерли.

Шовав, будучи миротворцем, развел руками, сделав примирительный жест.

— Мы только хотим, чтобы ты помолился об этом, отец. Твое сердце чисто перед Господом.

— Чисто? — презрительно усмехнулся Халев. — Ни у одного мужчины нет чистого сердца. — Даже Иисус Навин не может похвастаться этим. Халев медленно вдохнул. Все они так быстры на пролитие крови... Но разве человек должен проливать чью-то кровь с радостью? Нет! Разве Богу нравится убивать? Никогда! Халев подумал, что нисколько не удивится, если настанет день, когда Израиль станет врагом Бога и суд Божий падет на него. Его сыновья в Обетованной земле только четыре года, но они уже забыли, сколько людей пало в пустыне.

«Я не забуду, Господь!»

Он не позволит себе думать, что закрыт для греха, чтобы это не привело его к самообману, заставив упасть, как других людей, которые были лучше, чем он. Например, Моисея.

— Я молился, Шовав. И продолжаю молиться. Я вижу все то же, что и вы, и так же хочу получить нашу землю. Но мы должны служить Господу! Мы должны действовать по Божьему плану, а не по своему собственному. Если мы сейчас возьмем то, что хотим, мы будем хуже наших братьев, против которых вы сами же говорили. А если на нашей стороне не будет Бога, то у нас не будет ни надежды, ни будущего.

Кроме гнева Халев почувствовал и сострадание. Некоторые из его сыновей сейчас старше, чем он был тогда, когда впервые пришел в Ханаан сорок четыре года назад. Они увидели землю, как и он в те сорок дней, — Божье обетование, место, где течет молоко и мед. Но это еще и земля, которая переполнена развратом и нечестием. Ее нужно сначала очистить от грязи, и только потом она станет тем, чем Господь предназначил ей быть: страной, которой управляет Сам Бог неба и земли. И тогда все народы увидят, как Его пути отличаются от человеческих путей.

Его сыновья думали только о своих уделах и домах, о месте, где можно, наконец, успокоиться. Его это тоже немало заботило. Но Божий план, наверняка, был чем-то большим, чем просто сидеть под оливковым деревом и наслаждаться плодами земли. Халев был уверен, что Божий план несравненно величественнее, чем кто-либо может себе представить. Колено Иуды — как стая львов. И Халев должен быть самым сильным из них. Ему приходится сражаться с этими львами для их же блага.

— Я не для того сорок лет скитался по пустыне и учил вас воевать, чтобы вы стали как стая волков, которые думают только о себе! — Халев показал кулак. — Мы должны вести другие племена и быть примером для них, потому что Бог хочет от нас этого. Пусть они видят, что Иуда может ждать. Пусть видят, что Иуда сражается для того, чтобы сначала другие получили свое наследие.

Он протянул руку и мягко опустил ее на плечо Меши.

— Пусть видят, что стая львов проявляет смирение.

* * *

Халеву опять снилась горная страна. Он сел на корточки, взял горсть земли и потер пальцами. Раскрыв ладонь, он высыпал землю. Перед ним была Кириаф-Арба с высокими воротами и жестокими воинами, готовыми оказать яростное сопротивление.

«Пусть она будет моей, Господь. Позволь мне покорить эту землю».

— Иди, Мой слуга. Возьми эту землю.

Проснувшись в страхе, Халев приподнялся. Сердце громко колотилось. На своей коже он ощутил странное покалывание.

— Господи, — прошептал он. — Пусть будет так. — Он встал, оделся и позвал слугу. — Разбуди моих сыновей и скажи им собрать Иуду.

Собравшиеся люди ждали его указаний.

— Мы идем в Галгал. — Ему больше ничего не надо было говорить. Люди радостно воскликнули.

Халев повел сыновей Иуды по направлению к горе. Воин, стоявший у шатра Иисуса Навина, заглянул внутрь. Иисус Навин вышел. Подойдя к Халеву, он пожал ему руку. Потом посмотрел на войско, стоявшее за ним, и отпустил руку Халева.

— Говори, мой друг. Зачем ты пришел?

— Вспомни, что Господь сказал Моисею, мужу Господню, о тебе и обо мне в Кадес-Варни. Мне было сорок лет, когда Моисей, раб Господень, послал меня из Кадес-Варни осмотреть ханаанскую землю.

Я вернулся и дал ему отчет от всего своего сердца, но мои братья, которые были со мной, испугали и привели в робость народ, и он побоялся войти в Обетованную землю. Что касается меня, то я следовал Господу, Богу моему, полностью. Поэтому Моисей в тот день обещал мне: «Земля Ханаанская, по которой ты ходил, будет уделом тебе и детям твоим вечно, потому что ты в точности последовал Господу, Богу моему».

Иисус Навин кивнул.

— Я хорошо это помню.

Халев тоже помнил. Воспоминания нахлынули вместе с волной печали. Они были связаны верой — два человека, стоявших против целого народа. Если бы Господь не встал тогда, как стена между ними и израильтянами, их обоих закидали бы камнями до смерти. Он помнил сорок дней похода в Ханаан с Иисусом Навином, помнил, как они заходили в города под видом торговцев, как разговаривали с людьми, рассказывая о казнях египетских, о том, как расступилось Красное море, об облаке и огненном столпе, идущем с ними. Они предупреждали. Никто не послушал.

Тогда Иисус Навин был юношей, желавшим служить Моисею, не стремившимся получить от Бога какое-либо высокое положение. Когда настало время и Моисей возложил на него руки одновременно с бременем вести народ, Халев увидел страх в его глазах и удивился Божьему выбору. Но Бог был верен. Бог сделал из Иисуса Навина такого вождя, каким хотел его видеть. И Бог привел их в землю, которую обещал им.

Халев подумал о том, как сильно ему будет не хватать Иисуса Навина, этого человека, который моложе его. Уже сорок пять лет они были вместе. Сейчас им пришло время разделить и взять во владение свои земли. Они должны очистить Ханаан, построить дома и устроить своих сыновей. Теперь они не смогут сидеть вместе или прогуливаться по стану после вечерних жертвоприношений. Время — беспощадный господин. Хотя, конечно, они смогут видеть друг друга, когда все племена будут собираться на Пасху в том месте, которое укажет Господь. Конечно, их дружба так или иначе будет продолжаться, несмотря на расстояние.

«О, Господь, оберегай и защищай Иисуса Навина. Помогай ему быть сильным сердцем, умом, душой и телом».

За последние пять лет израильский военачальник постарел. Халева печалило, что он так сдал. Но отказаться от того, что Господь сказал ему сделать, он не мог: он должен был захватить горную страну.

— Сейчас, как ты видишь, Господь сохранил меня в живых и в добром здравии, с тех пор, как Моисей произнес это обещание сорок пять лет назад. Сейчас мне восемьдесят пять лет. Я такой же сильный сейчас, как был тогда, когда Моисей послал меня осматривать землю. И сейчас я могу идти в поход и сражаться так же, как и тогда. Поэтому я прошу тебя отдать мне горную страну, которую пообещал мне Господь. Ты помнишь, что, когда мы приходили сюда как соглядатаи, мы видели там потомков Енака, живущих и больших, укрепленных городах. Но если Господь со мной, то я изгоню их из этой земли.

Глаза Иисуса Навина стали влажными. Они оба знали, что когда-то этот день настанет. И он настал. Иисус Навин кивнул.

— Кириаф-Арба твоя, Халев.

От радости сердце Халева забилось быстрее.

Взяв друга за плечо, Иисус Навин повернул его лицом к сыновьям Иуды. Он провозгласил громким голосом, чтобы все услышали:

— Кириаф-Арба принадлежит Халеву!

Сыновья Халева радовались, как и все остальные. Они еще не знали, что встретятся с самым серьезным испытанием в своей жизни и что Господь будет с ними. Господь осветит их лицом Своим и даст им победу — если только они останутся твердыми в вере. Но без Господа они не смогут одолеть Кириаф-Арбу.

Иисус Навин крепко пожал руку Халева.

— Эта земля всегда была твоей и всегда будет.

Именно Кириаф-Арба утвердила страх в сердцах десяти соглядатаев, заставив их почувствовать себя кузнечиками.

Кириаф-Арба — тот самый город, в котором жили великаны.

* * *

— За Господа! — Халев поднял меч, и Меша затрубил в трубу. Халев и его сыновья вели свою армию против потомков Енака, которые дерзко смеялись над Господом, Богом Израиля, и теперь вышли сражаться против сыновей Иуды.

— За Господа! — Халев почувствовал, как силы вливаются в него, так же как и слова, которые срывались с его губ. Он бежал с легкостью юноши, чувствуя себя так, как будто вот-вот взлетит, подобно орлу, над этим горами. Его меч зазвенел, столкнувшись с мечом одного из сыновей Енака. Развернувшись, Халев с силой ударил воина плечом в живот, отбросив назад ровно настолько, чтобы вонзить свой меч туда, где грудь была не закрыта броней. Удар пришелся прямо в сердце. Пока воин, согнувшись, падал, Халев выдернул меч. Переступив через труп, он издал боевой клич и продолжил битву.

Пещера Махпела не будет больше владением идолопоклонников и богохульников. Он убил еще двух сынов Енака, оказавшихся рядом. Место погребения Авраама, Исаака, Иакова и их жен снова будет принадлежать евреям! Он ударил мечом в бедро сына Енака, заставив упасть на землю и, когда тот попытался встать, расколол его череп.

По всей горной стране разносился крик: «За Господа!», отражаемый склонами холмов. Халев, его сыновья и другие воины Иуды устремились на холм, тесня потомков Енака. Эти грозные воины-великаны, которые однажды заставили трепетать израильтян и отказаться войти в Обетованную землю, уже тряслись от страха и пытались бежать. Халев прокричал своим сыновьям:

— Не позволяйте им убежать от возмездия Божьего!

Они преследовали сыновей Енака и убивали до тех пор, пока четыре холма, на которых был построен город, не были сплошь усеяны мертвыми телами.

Арба, царь Кириаф-Арбы, был окружен. Его воины гибли один за другим.

— Царь! — закричал Меша. — Мы поймали царя!

Халев побежал к ним, прорываясь сквозь ряды воинов.

«Нет никакого царя, кроме Господа, Бога нашего!» — Он отодвинул своего сына в сторону.

Меша попытался преградить ему путь.

— Что ты хочешь делать?

Халев увидел страх в глазах сына.

— Убить его.

— Отец, мы сами убьем его.

— Отойдите.

Загнанный в угол, Арба зло сверкал глазами, оскалив зубы. В своих громадных руках он держал огромный меч, размахивая им и шипя оскорбления и слова богохульства. Халев шагнул к нему. «Господь, дай мне силы!» По его команде его сыновья опустили мечи. Другие воины Иуды стояли на своих местах, не двигаясь, и смотрели.

— Иди сюда. — Арба вздернул подбородок. — Подойди ко мне, маленький рыжий пес!

И Халев наполнился силой Божьей. Одним взмахом меча он отрубил руку Арбы, в которой тот держал меч. Следующий удар разрезал грудь там, где заканчивалась броня, из-за чего внутренние органы вывалились наружу. Когда Арба рухнул на колени, Халев сделал последний взмах меча, бросивший врага Господнего на землю.

— Очистить город!

Мужи Иуды потекли сквозь ворота, убивая каждого жителя, от самого малого до самого старого. Они разрушили и сожгли языческие алтари. Домашних богов проводили через огонь, расплавляя золото, чтобы все изображения были уничтожены. Лучшее из металла оставляли, чтобы доставить Иисусу Навину в сокровищницу Божью.

Халев стоял на самом высоком холме и смотрел на землю, которую дал ему Господь. Эта страна имела богатую историю. Во время своего первого похода сюда он слышал, что Кириаф-Арба была самым древним городом среди горной местности — когда-то здесь жил королевский род хананеев. Основан этот город на семь лет раньше, чем Танис в Египте. Где-то поблизости — пещера Махпела, ставшая местом захоронения Авраама, который был приведен сюда Богом из Ура Халдейского. Вместе с ним там была похоронена его жена Сарра, которая родила обещанного сына Исаака, женившегося на Ревекке и ставшего отцом Иакова. У последнего было двенадцать сыновей, и позже он стал известен как Израиль — тот, кто боролся с Богом.

С радостным сердцем Халев поднял руки к Господу, как дитя, которое просит, чтобы его взяли на руки. Он уже не ощущал в себе той силы, которая пульсировала в нем во время сражения, но ей на смену пришли благодарность и хвала.

— Это место больше не будет называться Кириаф-Арба. — Он подумал об Аврааме, первом в вере, и сразу же понял, как назвать этот город. — Он будет называться Возлюбленный Божий, то есть Хеврон.

Хеврон. Так зовут его внука.

* * *

— Ты хорошо выглядишь, мой друг.

Халев услышал, как голос Иисуса Навина дрогнул, и больше ничего не мог сказать. Он схватил его за плечи. Они поцеловали друг друга в обе щеки. Вид Иисуса Навина оставлял желать лучшего. Халев отошел в сторону. Иисус Навин протянул к нему руку и жестом попросил встать рядом с ним — как раньше.

Стали подходить и представляться другие старейшины, вожди, судьи и начальники. Иисус Навин собрал весь Израиль в Сихеме: здесь, в этой земле, которую когда-то купил Иаков у сынов Еммора, основателя Сихема, был перезахоронен Иосиф.

Наблюдая за собранием, Халев почувствовал беспокойство. Возможно, ему надо было обращать больше внимания на то, что происходит в других племенах. С тех пор, как он получил разрешение взять себе горную страну, он был сосредоточен только на этом. Захватив же Хеврон, он стал думать о том, как и когда сможет вспахать и засеять землю. Да и пора бы уже...

— Господь дал нам покой от всех наших врагов. — Иисус Навин развел руками. — Я уже стар.

Слабый шум голосов прокатился среди собравшихся. Халев нахмурился, рассматривая лицо Иисуса Навина. Он казался встревоженным — даже больше, чем когда-либо с тех пор, как Бог призвал его вести народ. Халев повернулся к старейшинам.

— Успокойтесь. Иисус Навин позвал нас сюда по очень важной причине.

Иисус Навин кивнул.

— Вы видели все, что Господь, Бог ваш, сделал для вас за время моей жизни. Господь, Бог ваш, сражался за вас против ваших врагов.

Иисус Навин продолжал, говоря медленно, взвешивая каждое слово, и Халев почувствовал, как вокруг росло напряжение. Он почти читал мысли присутствующих: «Зачем Иисус Навин рассказывает нам то же, что уже рассказывал так много раз?».

— Поэтому будьте сильны! Будьте очень внимательны и исполняйте Закон, который записан Моисеем в Книге Закона. — Иисус Навин еще раз напомнил, как Бог привел их в обещанную землю, изгнав всех врагов перед ними. Он напомнил, что не их мечи и луки совершили это, но великая сила Божья дала им землю, где они живут и едят плоды виноградников и оливковых рощ, которые не сажали.

— Каждое обещание Господа, Бога вашего, оказалось истинным. Ни одно из них не осталось неисполненным!

Взглянув на Иисуса Навина, Халев заметил печаль в глазах друга. Есть более глубокая причина, по которой они собрались здесь.

— Я стар, — сказал Иисус Навин. Халев улыбнулся. Он-то все равно старше.

— Но также, как Господь дал вам все те блага, которые обещал, Он принесет бедствия на вас, если вы не будете слушаться Его. Тогда Он полностью истребит вас с этой прекрасной земли, которую дал вам. Если вы нарушите Завет Господа, Бога вашего, и станете поклоняться и служить другим богам, Его гнев возгорится против вас.

Халев закрыл глаза и склонил голову. «Мы согрешили, Господи? Поэтому Ты даешь нам это предупреждение? Есть ли среди нас такие, которые уже отвернулись от Тебя?»

— Поэтому чтите Господа и служите Ему всем сердцем вашим. Никогда не обращайтесь к идолам, которым поклонялись ваши предки, жившие за рекой Евфрат и в Египте. Служите только одному Господу. — Губы Иисуса Навина насмешливо дернулись: — Но если вы не желаете служить Господу, тогда выберите сегодня, кому служить. Отдадите ли вы предпочтение богам, которым служили ваши предки за рекой Евфрат? Или богам аморреев, на бывшей земле которых вы теперь живете? — Его улыбка смягчилась, глаза засветились, и он снова посмотрел на Халева. — Но я и моя семья будем служить Господу.

— Мы никогда не отвергнем Бога и не станем поклоняться другим богам!

Другие повторили то же, что только что сказал Халев.

Хеврон поднялся и добавил:

— Потому что Господь, Бог наш, спас нас и наших предков от рабства в земле Египетской.

— Он творил великие чудеса на наших глазах!

— Когда мы шли через пустыню среди наших врагов, Он защищал нас.

— Это был Господь, который изгнал аморреев...

— ...И другие народы, жившие здесь, на этой земле.

Халев поднял руки.

— И мы тоже будем служить Господу, потому что Он наш единственный Бог. «Пусть Господь слышит наши слова и поможет нам исполнять их. И пусть Иисус Навин будет спокоен». Он никогда не видел друга таким суровым, таким уставшим и таким старым.

— Вы не можете служить Господу, — продолжил Иисус Навин, — потому что Он свят и Он — Бог ревнитель. Он не простит вам бунта против Него и греха.

— Нет!

— Если вы отвергнете Господа и будете служить идолам, Он отвернется от вас и уничтожит вас, даже после всего хорошего, что Он для вас сделал.

— Нет! — воскликнул Халев с тяжелым сердцем. — Мы твердо решили служить Господу!

— Вы отвечаете за выполнение этого решения. — Иисус Навин заговорил тихо и угрожающе. — Вы сами избрали служить Господу.

— Да! — воскликнуло собрание. — Мы отвечаем за это!

— Хорошо, тогда... — Иисус Навин сцепил руки,

— уничтожьте идолов среди вас и посвятите свои сердца Господу, Богу Израиля.

Холодок пробежал по телу Халева. Идолы среди нас? Он посмотрел вокруг и увидел, как присутствующие опустили глаза, некоторые побледнели. Он вспомнил Ахана и подумал, как легко можно спрятать идола среди своих вещей. Он отвернулся, ощутив прилив ярости. Если бы ему пришлось самому обыскать чей-нибудь дом, он бы сделал это.

Люди слышали послание Божье и заключили завет с Господом здесь, в Сихеме. Иисус Навин дал им постановления и законы, — теперь никто не сможет сказать, что они не знали Его заповедей. Все постановления и законы были аккуратно записаны в книгу Закона Божьего. Потом Иисус Навин взял большой камень и поставил его под дубом, рядом с местом, где находился Ковчег Завета.

— Этот камень слышал все, что Господь сказал нам. Он будет свидетелем и даст показания против вас, если вы отступите от своего слова, данного Господу. Сказав это, Иисус Навин отпустил людей, каждого в его владение.

* * *

Халев не спешил уходить. Уже несколько лет они не прогуливались вместе и не разговаривали. Шаги обоих стали более медленными, осторожными. Хотя физически оба слабели, их дружба осталось такой же крепкой.

— Халев, я беспокоюсь о людях.

— Что они потеряют веру?

— Да. И эту решимость.

— Мы дали клятву, Иисус Навин.

Вождь вздохнул и потряс головой. Он печально улыбнулся:

— Не все люди сдерживают свои обещания так, как ты, мой друг.

— Господь с них спросит за это.

— Да, и они будут страдать.

Халев остановился.

— Дай старику немного отдохнуть, — попросил он.

Иисус Навин остановился на холме, откуда были хорошо видны плодородные земли вокруг Сихема.

— Я чувствую, как растут семена бунта.

— Где? Мы искореним их!

— Эти семена в сердце каждого человека. — Он схватил рукой ворот своей одежды и сжал ткань в кулаке. — Как это изменить, Халев?

— У нас есть Закон, Иисус Навин. Именно для этого Господь дал его нам.

— Так ли это?

— Разве нет? — Халеву хотелось встряхнуть Иисуса Навина и вывести его из мрачной задумчивости.

— Закон так же тверд, как и камни, на которых Господь вырезал его. Этот Закон будет держать нас вместе.

— Или разлучит. Люди не так горячо стремятся поступать правильно, как ты, Халев. Многие любой ценой хотят жить в мире со всеми — даже если это означает идти на компромисс. — Иисус Навин говорил решительно, вовсе не как старик, который сетует о прошлом и беспокоится о будущем.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал, Иисус Навин? Говори прямо.

— Я хочу, чтобы ты делал то, что всегда делал. Верь Господу. Будь тверд. Говори правду, когда видишь, что люди поддаются слабостям. — Он взял Халева за плечо. — И будь настороже! Мы все еще на войне, Халев, даже если враг кажется побежденным. Мы на войне и отступление невозможно.

* * *

Сидя в тени своего оливкового дерева, Халев заметил бегущего по дороге человека. Его дух взволновался внутри. Закрыв глаза, он опустил голову.

— Где Халев? — прокричал юноша, едва дыша. — Мне нужен Халев! Я должен поговорить с Халевом!

Вздыхнув, Халев поднялся.

— Я здесь.

Юноша побежал к нему вверх по склону холма. Халев сразу узнал его, хотя прошло много лет.

— Ефрем, не так ли?

— Сын Ефрема, Хира.

— Я помню твоего отца еще мальчишкой. Он следовал за Иисусом Навином, как верный пес. Мы...

— Иисус Навин умер!

Халев замолчал. Он не хотел это слышать, не хотел соглашаться с этим. Нет, только не Иисус Навин, ведь он на пятнадцать лет моложе его. Иисус Навин — вождь, помазанный Богом. Иисус Навин!

— Иисус Навин мертв. — Юноша упал на колени, наклонился вперед и заплакал.

В глубокой печали, Халев мучительно застонал и разорвал на себе одежды.

«О, Господи! Мой друг, мой друг! Что теперь будет с Израилем? Кто будет вести этих упрямых людей? Кто, Господи?»

Эти мысли продолжали вертеться у него в голове, но он со стыдом отогнал их. Кто, кроме Самого Господа, вел их? Кто, кроме Самого Господа, может быть царем такого народа, как Израиль?

«Прости меня, Господи. После всех этих лет мне пора бы уже знать, а не задавать вопросы. Прости меня. Помоги мне быть твердым».

Халев положил руку на голову юноше.

— Встань, Хира. Расскажи мне все.

Иисуса Навина похоронили в Фамнаф-Сараи в горной стране Ефремовой, к северу от горы Гааш. Юноша принес и другие скорбные новости. Елеазар, сын Аарона, брата Моисея, болен в Гивеафе.

Халев привел Хиру к себе в дом, перед ним поставили еду и напитки.

— Как племена приняли новости?

— Все в смущении. Никто не знает, что делать теперь, когда Иисус Навин ушел от нас.

Халев нахмурился.

— Будем делать то, что Господь скажет нам. Мы очистим землю от идолопоклонников и будем соблюдать наш Завет с Ним. — Не прошло так уж много лет с тех пор, как они заключили завет с Иисусом Навином в Сихеме. Неужели они уже забыли, что Иисус Навин сказал им тогда?

— Мы собираемся приехать в Сихем на Пасху. Господь покажет нам Свою волю. Теперь иди с миром.

Сыновья Халева готовились к путешествию. Кроме еды и питья, они собирались взять на продажу разнообразные вещи, отобранные в покоренных ими селах. Глядя на них, Халев задумывался: не интересуют ли их торговля больше, чем поклонение? Когда они приехали в Сихем, то обнаружили там атмосферу праздника вместе со скорбью. Все помнили Иисуса Навина и Елеазара. Когда же собрался совет и люди заговорили, Халев увидел, сколько работы еще предстоит сделать. Почему все это до сих пор не сделано? Племена получили во владение свои уделы, но они по-прежнему не изгнали из своей земли всех хананеев. Что было еще хуже, старейшины и начальники племен были в смущении из-за смерти Иисуса Навина.

— Кто первым пойдет сражаться против хананеев?

— Как мы будем это решать?

Что за люди перед ним? Разве это они что-нибудь решали?

Хорошо, что хоть Финеес, сын Елеазара, первосвященника Израиля, вспомнил.

— Господь решает! — сказал он.

Бросили жребий и быстро получили ответ от Бога.

— Иуда. — Финеес встал. — Иуда должен пойти и сражаться. Господь предал землю в их руки.

Раньше Халев ликовал бы. Но сейчас он молча стоял, мрачно глядя на собравшихся, в то время как его сыновья и мужи Иуды обрадовано кричали. Слишком многим в Израиле не доставало веры, чтобы захватить землю, удерживать ее и потом сохранять в чистоте. Неужели они думают, что Иуда сможет сделать за них то, что Господь велел им сделать самим? Некоторые позволили язычникам остаться в плодородных долинах и ущельях. Господь сказал, что эти идолопоклонники будут для них как жало во плоти, если их не изгнать. Никто не должен был остаться.

К нему подошли его сыновья.

— Мы заключили союз с нашими братьями из колена Симеона. Если они пойдут с нами в выделенную нам землю сражаться против хананеев, то мы потом пойдём с ними в их землю.

— Вы спросили Господа об этом союзе?

— Они наши братья, отец. Разве Господь не сказал нам с самого начала, что мы должны быть вместе? Не ты ли сказал, что...

— Неужели вы все забыли, что случилось, когда мы не спросили Господа о гаваонитянах?

— Но ведь это наши братья! — сказал Меша.

Халев рассердился.

— Но Господь сказал, что Иуда должен пойти! Господь предает эту землю в руки Иуды.

Заговорили все сразу, приводя разумные доводы и оправдывая свое решение.

— Хватит.

Халев чувствовал себя так, будто его ударили в солнечное сплетение. Племя Симеона! Эти люди используют свои мечи, как орудия жестокости. Даже Иаков сказал не участвовать в их собраниях и советах, потому что они были прокляты из-за своей ярости и жестокости. Так же, как и колено Левия. Господь рассеял левитов среди других племен, сделав из них священников, но как насчет колена Симеона? Как Господь распределил их? И каковы будут последствия, если Иуда объединится с ними?

— Когда вы научитесь быть внимательными к Слову Божьему и следовать только за Господом?

Когда люди строят свои собственные планы, за этим точно последует беда.

Племя Иуды атаковало хананеев в Везеке, и Господь был с ними. Они поразили сотни и тысячи своих врагов.

Испачканный кровью убитых им людей, Халев увидел царя Везека — на нем был золотой венец.

— Вот Адони-Везек. — Орудя мечом, он стал прокладывать себе дорогу к царю, убивая хананеев, и увидел, как тот бежал с поля сражения.

— Не позволяйте ему убежать!

Несколько воинов из колена Иуды стали преследовать его. Халев не ушел с поля битвы. Он воодушевлял воинов из колена Иуды и Симеона уничтожать врагов Божьих. После того, как десять тысяч хананеев было убито, остальные стали спасаться бегством. Когда Халев увидел Адони-Везека, он пришел в ужас. У того были отрублены большие пальцы рук и ног. Победенный царь споткнулся и упал, всхлиывая от страшных мучений.

Халев пришел в ярость.

— Что вы сделали?

Шелумиил, начальник колена Симеона, заговорил, высоко подняв голову:

— То, что он и заслуживал! Мы сделали с ним то же, что он сделал с семьюдесятью царями, которые подбирали остатки еды под его столом.

Лежа в пыли и издавая стоны, Адони-Везек крикнул:

— Бог отплатил мне тем же!

— Убить его, — приказал Халев. Несомненно, лучше проявить милость, убив царя, чем заставлять мучиться от пыток и истязаний.

— Мы убьем его! — Шелумиил завязал петлю вокруг шеи хананеянина. — Когда будем готовы. — Воины из племени Симеона засмеялись, глядя на мучения царя. Они повели его на гору. Когда он упал, его поволокли по земле. Воды ему давали ровно столько, чтобы он не умирал. Когда армия подошла к Иерусалиму, Адони-Везека вывели вперед и поставили перед городской стеной. Там Шелумиил казнил его на виду у иевусеев.

Взбешенный Халев приказал им уйти.

— Идите домой, — заявил он. — Возвращайтесь в свою землю! — Он не хотел иметь с ними больше ничего общего.

— О чем ты говоришь? Мы пришли помочь тебе. Ты не сможешь уничтожить этих людей без нас.

— Господь сказал, что Иуда должен был идти воевать. Не Симеон! Вы собираетесь восстать против Господа, с которым только что обновили завет? — Халев посмотрел на труп Адони-Везека. Господь сказал убивать хананеев, а не истязать их. Идите на юг и сражайтесь за свою землю.

— Вы заключили с нами союз и обещали помочь нам!

— Мы поможем вам после того, как захватим Иерусалим.

Воины Симеона ушли, но сыновья Халева этому не обрадовались.

— Как ты собираешься поразить иевусеев с таким количеством людей?

Они привели Халева в большой гнев, чем мужи из племени Симеона.

— Нам не нужно больше людей. Господь — наша сила. Доверьтесь Ему. Не надейтесь на людей. Наша победа не в числе воинов, колесниц и лошадей, но в силе Бога нашего, который вывел нас из Египта!

Выстроившись перед битвой, воины из колена Иуды воскликнули Господу, прося о помощи. А Халев задумался о том, что готовит им будущее.

Прав был Иисус Навин, когда говорил к израильтянам в последний раз в Сихеме. Иисус Навин видел, какая опасность стоит перед Израилем. И сейчас Халев со страхом думал, как бы ему не стать свидетелем этого.

* * *

Ворота были выбиты и повалены внутрь, иевусеи на бойницах убиты. Мужья Иуды штурмовали стены. В воздухе раздавались крики, их было слышно по другую сторону небольшой долины, в которой росли оливковые деревья. В городе были убиты каждый мужчина, женщина и ребенок, не убежавшие до нападения израильтян.

— Сожгите город! — командовал Халев, и воины побежали с факелами, поджигая дома, алтари и деревянных идолов, собранных в одну кучу.

Дальше армия Иуды направилась на юг и объединилась с коленом Симеона. Они сражались против хананеев и одержали победу. Племя Симеона поселилось в Вирсавии, Хорме и Араде.

Воины Иуды снова повернули на север и сразились с хананеями, которые вернулись в горную страну за время их отсутствия. Иуда забрал Неgev и западные горы. Его армия вернулась в Хеврон, уничтожая оставшихся потомков Енака, которые пытались снова там поселиться.

— Они все время возвращаются!

— Они налетают, как саранча!

Армия Иуды выгнала всех хананеев из горной страны — они убивали каждого, кого находили. Но только Халев посылал своих людей преследовать тех, кто убегал. — Господь сказал очень ясно. Если мы не убьем их, они будут все время возвращаться. Идите за ними и уничтожьте их полностью.

До наступления зимы они так и делали, а потом вернулись в свои дома. Они устали от сражений. Им хотелось праздновать победы и рассказывать о своих подвигах. Господу они тоже воздавали славу, но больше всего говорили о том, чего они добились за годы сражений. Незахваченные же территории по-прежнему оставались, враги прятались в отдаленных глухих районах горной страны, распространяясь и укрепляясь.

— Мы закончим эту работу, когда придет весна.

Когда пришла весна, колено Иуды стало засеивать земли.

— В следующем году мы доделаем эту работу.

Но с каждым годом грех в земле разрастался.

* * *

Победа сделала израильтян самодовольными.

Колено Вениамина не удержало Иерусалим. Иевусеи постепенно проникали в город, и настал момент, когда племя Вениамина уже не смогло их вытеснить.

Колено Манассии не изгнало жителей из Бефсана, Фаанаха, Дора, Ивлеама, Мегиддона и зависящих от него поселений. Вместо этого они сделали их данниками. Колено Ефрема не смогло изгнать хананеев, живших в Газере.

Колено Завулона разрешило хананеям жить в Китроне и Наглоле. Они не последовали примеру Манассии, но заключили союзы с жителями этой земли и стали перенимать их обычаи и образ жизни.

Колено Асира не изгнало жителей Акко, Сидона, Ахлава, Ахзива, Хелвы, Афека и Рехова. Асир поселился среди народов этой земли.

Колено Неффалима, не тронув жителей Вефсамиса и Бефанафа, стало жить среди них.

* * *

— Мы не можем изгнать их из наших равнин, отец.

— Вы должны надеяться на Господа.

— Мы молились.

— Мы постились.

— Мы сделали все, что только могли придумать. Мы не можем изгнать их.

— У них железные колесницы, отец.

— По крайней мере, за нами остается горная местность. Мы надежно держим Хеврон. Это наше наследство.

— И как долго мы сможем держать его, если оставим в живых Божьих врагов? — Халев в стыде опустил голову. — Мы не сделали того, что Господь повелел нам.

— Мы сражались!

— Некоторые из нас погибли.

— Господь не защищает нас! Он далеко от нас!

— Потому что мы согрешили! — в гневе закричал Халев. — Потому что у вас не хватило веры следовать за Господом!

— Чем же мы согрешили, отец? Скажи нам. Мы поклонялись Господу так же, как и ты.

— У меня лично остались шрамы, как доказательство моей веры, отец! И у других, у них тоже остались рубцы. У меня есть внуки. Я хочу хоть немного порадоваться в своей земле. А ты не хочешь?

— Нам не нужны равнины, отец. У нас достаточно земли здесь, в горной местности.

Халев не мог поверить собственным ушам.

— Мы будем воевать до тех пор, пока все враги Божьи не умрут, как то поколение, которое умерло в пустыне. Вы не должны сдаваться. Вы должны взять себя в руки.

— Мы устали от сражений!

— На равнине мы больше ничего не можем сделать.

— А что насчет Хеврона?

Меша посмотрел на него взглядом побежденного.

— Ты разве не помнишь, отец? Хеврон больше не принадлежит Иуде. Иисус Навин и другие начальники отдали его левитам как город-убежище. Клан Каафа, в чье владение он перешел, может сам о себе позаботиться.

— Нагими мы приходим в этот мир, Меша. Нагими и уйдем. — Халев был удивлен, когда Иисус Навин назвал Хеврон городом-убежищем, но он сделал так, как приказал ему Господь. Халев знал, что у него есть два пути, как на это реагировать: обидеться и позволить горечи и зависти пустить корни или... быть благодарным. Он выбрал второй путь — быть благодарным Господу за то, что Он пожелал сделать Хеврон, город Халева, городом-убежищем.

К сожалению, не все его сыновья смогли смириться с этой потерей и быть полностью довольными, живя в селениях вокруг города.

— Хеврон никогда не был нашим, мои дети. Бог дал его нам, и мы отдали Ему обратно этот город.

— Это должно было стать твоим вечным наследием, отец.

— Некоторые наши люди погибли, когда мы забирали этот город у сынов Енака. Мы проливали кровь за него.

— Господь был с нами.

Заговорили все сразу. Потом Меша высказался за всех.

— Мы немного отдохнем, и если они попытаются подойти к горной стране, мы будем сражаться.

Вино текло в изобилии, оно было сделано из винограда, выросшего в виноградниках, которых они не сажали, — которые дал им Господь.

Шовав вздохнул:

— А мне еще нужно поле вспахать.

Поля, которые Господь дал им.

— И посадить семена, — согласился Мареша.

Халев вспомнил, какой урожай зерна они получили в свой первый год в Обетованной земле. Господь привел их в землю, где уже было изобилие еды — все было готово для них.

— Ты знаешь, как сажать семена? — пошутил кто-то.

— Я могу научиться.

А тому, что важнее всего, они когда-нибудь научатся?

— У меня много работы в доме.

А как насчет той работы, которую дал им Господь?

— Моему сыну Хеврону пора жениться.

— У меня есть дочь, на которой он может жениться.

Мужчины, молодые и пожилые, смеялись и разговаривали, сидя вокруг Халева. Он встал, зная, что они, скорее всего, не заметят его отсутствия. Они были слишком поглощены своими планами. Он вышел во двор и поднял глаза к небесам.

«О, Боже, прости их. Они не ведают, что творят».

Глава шестая

Халев шел, прихрамывая, к плоскому камню под большим старым оливковым деревом, где он часто сидел, глядя на простирившиеся вокруг фруктовые сады и виноградники.

— Пойдемте, мои дети. Пойдемте. Мы должны разработать план, как защитить нашу горную страну. Остановить наступление мы не можем...

— Нам некогда сейчас, отец. — Они подняли свои мотыги. — У нас есть работа.

Халев сжал губы. Он и его сыновья изгнали троих потомков Енака — Шешая, Ахимана и Фалмая — из Хеврона. Но когда они пошли завоевывать Кириаф-Сефер, Халев был слишком обессиленным, чтобы идти сражаться, и его сыновья оставили работу незаконченной. Хананеи стали понемногу просачиваться в их землю, как вода сквозь небольшую течь в крыше. Его самодовольные сыновья забыли предупреждения Господни.

Он слышал, как они то и дело ворчали:

— Неужели он никогда не устает от сражений? Война, война... Мы достаточно воевали. Пора наслаждаться захваченной землей. Будем удерживать то, что мы уже имеем.

Они знали, что он собирался сказать. Он уже сотни раз им это говорил. Они хотят вспахать поля и сажать семена, наслаждаться землей, которую получили. Ну, подумаешь, горстка хананеев вернется. Мира, мы хотим мира! Но мира-то у них не будет. Бог предупреждал их. А они не слушали.

Опираясь на свою палку, Халев чувствовал себя побежденным. Его дух готов был принять вызов, но тело стало сдавать. И не было никого, кто мог бы поднять и объединить его сыновей, некому было их вести. С тех пор, как они снова захватили Хеврон, а потом отдали его левитам как город-убежище, они перестали его слушать.

Обида Меши росла с каждым годом. Халев устал слушать одни и те же жалобы.

— Мы пять лет сражались, чтобы другие племена получили свои уделы. И когда пришла наша очередь, нам самим пришлось завоевывать свою землю! И что потом? Наш самый большой и лучший город отдали левитам, а нам достались только селения вокруг!

Халев терпеливо объяснял все заново:

— Хеврон — самое лучшее, что у нас есть. И Господь дал его нам. Разве не правильно теперь отдать Господу самое лучшее? Ты думаешь, это мы сами завоевали Хеврон? Это Господь дал его нам. Он — его законный владелец! Ты же не можешь предложить левитам деревню в качестве города убежища!

Но их жалобы не прекращались:

— Им деревни вполне хватило бы!

— Мы платили своей кровью, а левиты пожинают плоды!

Что случилось с его сыновьями? Неужели они отвернули сердца от Господа Бога? Неужели они забыли заповеди, по которым должны жить?

В конце концов, они оставили в покое Хеврон. Все их внимание переключилось на окрестные селения и пастбища. Они изгнали оттуда всех хананеев, убив каждого, кто не смог убежать. О Хевроне больше не говорили, но Халев видел, как они смотрели на него. Их обиды и недовольство росли, подобно плесени, которая могла просачиваться сквозь щели и трещины на стенах домов, в которых они жили, — домов, которых они не строили, но которые Господь дал им. Казалось, что благодарить Бога за Его дары противоречило самой их природе.

Шли месяцы и годы, сыновья Халева направили все свои усилия на фруктовые сады, виноградники и стада. Они процветали, но не были довольны. Они не слушали своего отца, как делали это когда-то. Они больше не придерживались каждого его слова, не следовали его наставлениям, не старались угодить ему и, соответственно, Богу.

Иногда Халев, вспоминая те годы, когда они блуждали по пустыне, ловил себя на том, что ему хотелось вернуться туда. Там люди научились верить Богу во всем — в голоде и жажде, в крове, в защите от врагов, которые наблюдали за ними и выжидали. Теперь, когда они завоевали Обетованную землю и поселились в ней, жизнь стала легче. Израильтяне потеряли бдительность, успокоились, стали лениво дремать на солнышке, забыв о том, что вера — это гораздо более важная работа, чем возделывание земли.

Как и большинство израильтян, его сыновья поступали так, как считали правильным. Халев сокрушался об этом, каждый день пытаясь вернуть их назад, чтобы они снова стали такими, как в те трудные времена. Но они не хотели возвращаться туда, не хотели слушать его. Больше не хотели. Они по-прежнему процветали — благодаря Божьей милости. Что ж, они были предупреждены, когда

с горы Гаризим и с горы Гевал были прочитаны благословения за твердую веру и проклятия за непослушание. Субботу они соблюдали, но без радости. Теперь ими управляло то, что Господь дал им.

Всякий раз, когда Халев молился с ними, он чувствовал их нетерпение. «Заканчивай поскорее, отец, потому что нам надо работать!» Он почти слышал их мысли. «Почему мы должны слушать еще одну молитву хвалы этого старика?»

Они любили его. В этом он нисколько не сомневался. Они помогали ему в любой нужде, были внимательными, заботились. Но они думали, что его время уже закончилось и началось их время. Они думали, что ничему новому он их уже не научит. Они думали, что настали другие времена.

Это правда, но есть вещи, которые не должны изменяться. Именно это он пытался им сказать. И именно это они отказывались слушать.

Скольжение вниз уже началось: так отдельные мелкие камешки скатываются вниз по склону холма. Израильтяне не стали выполнять то, что Господь повелел им сделать. Хананеи не были изгнаны из земли полностью. Они понемногу возвращались, сначала прощупывая почву, со словами мира и предложениями дружбы... Израильтяне же были так заняты, наслаждаясь молоком и медом земли, которую Господь дал им, что не заметили опасности в том, что враги Божьи возвращаются и устраиваются в небольших селениях. Хананеи, приходя с обещаниями мира, разъедали, подобно термитам, заложенное Господом основание.

Как его сыновья могли забыть то, что случилось в Ситтими? Люди легко соблазнились поклонением Ваалу. Прекрасные девушки поманили их, и глупые мужчины последовали за ними, как бараны на заклание.

Бог требовал, чтобы Его люди жили святой жизнью и не смешивались с народами, которые оскверняют землю. Все сыновья Халева заботились о своих домах и колодцах и о том, чтобы виноградные лозы и фруктовые сады были здоровы и плодоносили. Но они не заботились о том, чтобы искоренить врагов Божьих, и теперь хананеи распространялись то здесь, то там, как ядовитые сорняки, и их нечестивые дела вместе с ними.

Его сыновьям и другим мужам Иуды по-прежнему предстояло взять Кириаф-Сефер. Укрепленный город оставался заселенным хананеями. Двенадцать сыновей Халева и его многочисленные внуки пахали землю, сеяли семена, ухаживали за урожаем, собирали его, верили, что благодаря их стараниям они будут процветать. И с каждым годом работать приходилось все больше.

— Не вашей силой и могуществом была завоевана земля, но Духом Божьим! — сказал им Халев.

— Кто-то должен вспахивать землю, отец. Кто-то должен сеять семена.

— Но Господь — Тот, кто орошает землю, мои дети. Это Господь дает солнечный свет и заставляет семена расти.

— Все это росло здесь задолго до того, как мы пришли. Ханаан был сокровищем до нашего прихода.

Халев почувствовал, как холодок беспокойства пробежал по его телу. До него доходили слухи, что некоторые его сыновья начали следовать другим богам. Слова Меши подтвердили это.

— Бог сотворил это процветание. Он приготовил эту землю для нас.

— Это ты так думаешь.

С каждым годом они прислушивались к нему все меньше. И этим утром они помолились своими обычными молитвами, а потом отправились жить по собственным правилам.

— Доброе утро, отец.

Вздрыгнув от своих мрачных мыслей, он оглянулся. Ахса, его единственная дочь, его последний ребенок, подошла к нему и прикоснулась к его руке. У нее были темные глаза и оливковая кожа Маахи, и рыжие, как у него, волосы. Некоторые, когда он стоял спиной к ним, называли ее Едом, — они думали, что он не слышит. Наверно, мать прислала ее присмотреть за ним.

— Ты, небось, думаешь, мне нужна помощь, чтобы дойти до камня?

— У тебя опять этот взгляд.

Он с досадой стряхнул ее руку и медленно пошел туда, куда собирался. Каждый сустав ныл. Ему казалось, что его ноги были, как стволы дерева, пытающиеся пустить корни в землю. Остановившись, он от боли стиснул зубы и ударил палкой о землю. Один неторопливый шаг, потом следующий.

Ахса не спеша шла рядом, сцепив руки за спиной. Халев сердито посмотрел на нее.

— Не смотри за мной, как насадка!

— У тебя сегодня, кажется, отличное настроение, отец!

Глядя на нее, а не на дорогу, он споткнулся. Быстро успев выпрямиться, он заметил, что она хотела поддержать его. От досады и недовольства его сердце быстро колотилось.

— И что это ты хотела сделать? Броситься на землю, чтобы мне было мягче падать?

— А что, мне стоять и смотреть, как мой отец летит носом вниз?

— У тебя есть работа. Иди и работай.

Она посмотрела вдаль и заморгала.

— Я уже ходила к колодцу.

Женщины всегда чуть что начинают плакать. Но это не заставило его смягчиться.

— Есть и другие дела, которые надо делать — не только напоить овец и коз.

Ее глаза засверкали, и она подняла подбородок.

— Тогда дай мне меч и позволь мне сделать это.

Он зло засмеялся и захромал дальше. Может, если он не будет обращать на нее внимания, она уйдет? Усаживаясь на большой плоский камень, он застонал. «Господи, я не могу добиться, чтобы мои сыновья посидели со мной хотя бы часок, а эта девчонка цепляется ко мне, как клещ».

Глубоко вздохнув, он согнулся под старым оливковым деревом. Ахса села рядом в прохладной тени. Он посмотрел на нее, все еще сердясь.

— Тебе пора выйти замуж. — Обычно после таких слов она убегала. А потом несколько дней к нему не подходила.

— Нет еще достойного человека, который бы мог на мне жениться.

— О, да! — Он громко засмеялся. — Не слишком ли ты о себе высокого мнения, а? Наполовину хананейская дворняжка!

Ее оливковая кожа покраснела. Она отвернула лицо.

Халев стиснул зубы.

— Тебе пора уже покрывать голову.

Она снова посмотрела на него.

— Уже пора для многих вещей, отец.

— Ты уже далеко не ребенок. Тебе... — он нахмурился. — Сколько тебе лет?

Она уставилась на него, ничего не ответив.

Он рассердился:

— Не думай, что моя рука настолько коротка, что я не смогу разобраться с тобой.

Ахса изящно встала со своего места и села поближе:

— Что угодно, отец, если это порадует тебя.

Он поднял руку. Она не отодвинулась. Он увидел на ее шее пульсирующую вену. Она злится или боится его? Медленно выдохнув, он опустил руку. И перестал обращать на нее внимание. Но и в тишине было как-то неуютно. Он кашлянул, звук получился похожим на рычание. Она подняла бровь. Он закрыл глаза. Может, ему сделать вид, что он дремлет?

— Что ты собирался сказать моим братьям?

Он сжал губы и открыл один глаз.

— Спроси их. Они могут тебе сказать слово в слово все то, что я собирался сказать. То же, что я всегда говорю; те же самые вещи, от которых они отмахиваются.

— Если ты собираешься говорить о казнях египетских и скитаниях по пустыне, то ты расскажешь эти истории гораздо лучше, чем они.

— Это не истории! Я жил в те времена.

— Я тоже хотела бы!

Он не обратил внимания на эту горячность в ее голосе.

— Это твоя мама приказала тебе пойти и составить мне компанию?

— Ты думаешь, мне нужен указ матери, чтобы прийти и посидеть с тобой? Я люблю тебя, авва! — Она внимательно, не моргая, посмотрела на него и наклонила голову. — Отец, если бы я слышала твои рассказы тысячу раз, мне все равно было бы мало.

Он ничего не сказал, и она подняла на него глаза. В них он увидел жажду и настойчивый интерес. Почему у этой девочки, дочери его наложницы, такое огромное желание знать Бога, а у его сыночек оно такое слабое? Поборов печаль, он бросил с досадой:

— Уходи! Оставь меня одного.

Что пользы от этой девушки?

Она медленно поднялась и ушла, опустив плечи. Хотя Халев и сожалел о своей грубости, но не стал звать ее обратно.

День подходил к концу, такой же, как и другие. Все были чем-то заняты. Кроме Халева. Он сидел и ждал, когда закончится день, когда солнце пройдет через небосвод и его красно-оранжево-пурпурный шар медленно утонет за горизонтом на западе. Сейчас же оно было высоко над головой и нещадно палило. Ему хотелось бы побыть где-нибудь в прохладном месте, но он был слишком утомлен, чтобы подняться и идти домой.

Халев сидел и смотрел, как Ахса работает вместе с женами своих братьев. Казалось, ей было неинтересно то, о чем они говорили. Женщины о чем-то переговаривались, смеялись. Иногда они наклонялись друг к другу и шептались, глазами показывая на Ахсу. Халев старался не думать об этом.

Ему не хотелось беспокоиться о том, что к его дочери относятся как к чужаку. Даже спустя долгие годы он прекрасно помнил, как он чувствовал себя когда-то в этой роли.

Когда он задремал, ему приснился Египет. Вот он снова стоит перед своим отцом и спорит с ним.

— Это Бог богов, Господь господствующих. Куда бы Он нас ни повел, я пойду за ним. — Когда он проснулся, то почувствовал такую боль в сердце, что ему пришлось часто и глубоко дышать.

Пришла Ахса, она принесла хлеб и вино.

— Ты с раннего утра ничего не ел.

— Я не голоден.

Но она все равно оставила еду.

Спустя некоторое время он обмакнул хлеб в вино. Когда хлеб размягчился, он стал медленно жевать его, пока он не превратился в полужидкую массу, и только потом проглотил.

Ахса пришла снова — на этот раз она привела с собой его праправнуков.

— Идите, идите, детки. Послушайте авву, он вам расскажет о казнях египетских, о том, как расступилось Красное море... — Она усадила детей вокруг него, а сама села немного поодаль. Довольный Халев стал рассказывать о событиях, которые сформировали его веру и всю его жизнь. Повествование было долгим, и дети один за другим вставали и уходили играть. Скоро осталась только Ахса.

Он устало взглянул на нее.

— Ты единственная, кто хочет слушать.

Ее глаза наполнились слезами.

— Хотела бы я, чтоб это было иначе.

Его сыновья возвращались с полей с мотыгами на плечах. Они выглядели усталыми и недовольными. Он посмотрел на Ахсу, которая все еще ждала с надеждой в глазах.

— Как получилось, что ты единственная, кто жаждет приблизиться к Господу, Богу нашему?

— Я не знаю, отец. А откуда взялась твоя вера?

* * *

Вопрос Ахсы вертелся в печальных мыслях Халева. Откуда взялась его вера? И почему он не смог привить эту веру своим сыновьям?

Всю ночь он лежал без сна на своих подушках и думал. Как так произошло, что он оказался единственным из всей семьи, кто понял, что есть только один истинный Бог, у которого вся сила, а все остальные — подделка? Он вырос среди идолов в Египте, совершая возлияния и молитвы, как его мать и отец, его братья и их жены. Но когда Моисей вернулся из Мадиама, Халев знал, что его жизнь уже не будет прежней. Став свидетелем казней, он больше не сомневался, что Бог Моисея, Бог Авраама был всемогущим. Все боги Египта не могли одержать победу над Ним, потому что были всего лишь жалкими изображениями, сделанными людьми.

Вера пришла к нему, как вспышка солнечного света, наполнив сердце радостью. «Вот Бог, которому я могу поклоняться! Вот Бог, за которым я могу следовать с уверенностью и радостью!» — думал он тогда.

Но вера не пришла таким же образом к членам его семьи: к ней их привела необходимость и внешние причины. Урожай был побит градом и сожжен молниями, скот пал от болезни; потом нарывы и язвы, которые принесли египтянам ужасные мучения. Страх заставил близких ему людей прислушаться к его словам и пойти в еврейское поселение. И в дальнейшем они никогда не разделяли его восхищения и радости от присутствия над ними облака и огненного столпа. Они никогда не останавливались в изумлении, глядя на клубящееся облако, нависавшее над ними, как огромный полог, дающий прохладу и тень. Они шли, ведомые ужасом, и повиновались из-за страха. Они давали жертвоприношения только из-за того, что Закон обязывал их это делать.

«Я уверен, что моя вера пришла от Тебя, Господи, и я не могу хвастаться этим. Она родилась в одно мгновение. Мои глаза и уши открылись. А сердце стучало так, будто я родился заново. Все внутри меня наполнилось благодарением, как легкие воздухом. Я хотел быть с Твоим народом. Я хотел жить такой жизнью, которая бы угождала Тебе.

Но почему мои сыновья не такие? Почему только Ахса, девушка, последняя и наименьшая из моих детей?»

Эти вопросы только измучили его. Какой бы ни была причина, но у Ахсы была такая же вера, как у него. Она так же стремилась быть ближе к Господу, как стремился он. Но вместо того чтобы ободрять ее веру, он сопротивлялся ее вниманию, считая, что она собралась опекать его. Его очень раздражала мысль, что его наложницы и сыновья заботятся о нем, думая, что он очень стар и нуждается в том, чтобы за ним приглядывали.

Но вера Ахсы была подлинной. В прошлом году, когда они пошли в Иерусалим на священное собрание в День искупления, Халев заметил, что она собирала оливковые, миртовые и пальмовые ветви, пока его сыновья ушли праздновать вместе с друзьями.

— Где Ахса? — спросил он.

— Я что, сторож своей сестре?

Мааха шлепнула Шевера.

— Иди и найди ее. И ты тоже, Фирхана, — приказала она своим сыновьям.

— Она строит шалаш, — сказал Халев.

Мааха в растерянности посмотрела на него.

— Ты послал ее?

Он заметил, как посмотрела на него наложница: она решила, что он потерял рассудок.

— Нет. Она пошла по своему собственному желанию.

— Но зачем?

Он взглянул на своих сыновей.

— В День искупления нужно строить кущи.

— Отец, но ведь мы не живем в шатрах с тех пор, как умер Иисус Навин.

— Никто уже так не делает.

Халев вышел из себя:

— Тебе следовало бы помнить, почему мы скитались по пустыне сорок лет и жили в шатрах!

В последовавшей за этим напряженной тишине рассудительно заговорила Мааха:

— Незамужней девушке незачем жить вне родительского дома.

Его сыновья ушли, чтобы привести ее. Он помнил, как Ахса сопротивлялась, а потом, побежденная, заплакала.

Теперь они жили в саду, который вырастил Господь, и пустыня была забыта. Были забыты и уроки, которые они там выучили. Халев понимал, что должен что-то сделать, иначе будет слишком поздно.

* * *

«Я старик, Господь, и больше не могу сражаться. Мои слова больше никого не воодушевляют. И грех в нашей жизни — большая опасность, чем наши враги! Мы еще не закончили ту работу, которую Ты дал нам. Я оглядываюсь вокруг и вижу, какими самодовольными стали мои сыновья, какими равнодушными стали другие люди.

Мы заново строим города, но не пытаемся строить собственные жизни. Мы дружим с теми, кто презирает Твое имя. Я не знаю, что делать. Я устал, устал от беспокойства и от старости. Я с большим трудом встаю со своего ложа и что-то ем. Слуги ухаживают за мной. Но мой ум такой же живой, как прежде, Господи. Мое сердце выстукивает хвалу Твоему имени!»

— Он снова плачет.

Халев приподнялся и устроился полулежать на подушках. Плакал ли он? Кажется, слезы у него стали течь без предупреждения. Его тело ослабело. Они, наверное, решили, что и ум тоже? Он слушал, что говорили его сыновья, стоя вокруг него. Уже несколько дней он молчал, и все его мысли были сосредоточены на Боге. Может быть, сейчас, после долгого молчания, они послушают его, если он решит заговорить? Если решит. Но он не произнесет ни слова — до тех пор, пока Господь не скажет ему, что делать. А сейчас пусть побудут в недоумении.

Ему больше не хотелось объяснений, он устал все время убеждать их следовать за Богом.

«Я надеюсь на Тебя, Господи. До моего последнего вздоха я буду надеяться на Тебя. Скажи мне, что мне делать с моими сыновьями».

Подошла Ахса. Она положила руку ему на плечо и опустилась перед ним на колени. В руках у нее была миска с какой-то коричневой массой. Посмотрев на еду, он нахмурился. Несколько зубов, которые у него остались, сточились, и жевать ими было больно. Все, что он мог есть, это рубленое, раскрошенное мясо и протертые овощи. Глядя на кушанье, он даже не понял, что она ему предлагала.

Она аккуратно вложила в его руки миску.

— Пожалуйста, отец, поешь немного. Тебе нужны силы.

Незачем рассказывать ей, что он перестал чувствовать вкус и запах, и что съесть эту размазню для него настоящее испытание.

— Что у тебя болит, отец? — Ор смотрел на него с другого конца комнаты.

Моца пожал плечами.

— Он стар, вот, что у него болит, — ответил он. — Подозвав Ахсу, он поднял свою чашу, чтобы она налила в нее еще вина.

Харан ел финики.

— Он жует еле-еле.

— Армию он уже больше не поведет.

— За последние дни он не сказал ни слова.

Ахса налила вина в чашу Халева:

— Наверно, он просто устал говорить, когда никто его не слушает.

Ее старший брат Шевер нахмурился.

— Девчонка, иди занимайся женскими делами и не лезь в дела мужчин.

Халев сжал зубы. Он не впервые слышал, что его сыновья разговаривают со своей сестрой с таким пренебрежением. Даже некоторые их жены обращались с ней как с чужаком или, в лучшем случае, как со служанкой. Хотя у Ахсы было больше веры, чем у всех его сыновей вместе взятых.

— Кажется, его разум совсем ослабел. — Судя по тону, Шевера это не слишком тревожило.

— Люди до сих пор почитают его. Если он сходит с ума, мы будем молчать об этом и не будем стыдить его.

Халев почувствовал, как его сыновья рассматривают его. Не поднимая головы и не глядя на них, он продолжал есть дрожащей рукой.

— Он молится. — Это снова была Ахса, она сказала это тихо и с любовью.

— Семь дней подряд? Никто не молится так долго.

— Моисей был на горе сорок дней и сорок ночей.

Шевер отмахнулся от сестры:

— Моисей. Да... Наш отец верит в Бога, но он воин, а не пророк.

— Бог избрал его после Иисуса Навина, чтобы...

— Успокойся, девчонка! Иди накорми коз. — Шааф показал рукой на дверь. — Иди чесать шерсть. Оставьте нас в покое.

Халев услышал звон посуды и топот ног.

— Может, Ахса права. Может, он молится.

— Сейчас спокойное время. Мы процветаем. О чем сейчас молиться?

От этих слов Халев потерял остатки аппетита. Дрожа, он наклонился вперед поставить миску.

— Лучше забери это у него, а то он опрокинет все на себя.

Хеврон забрал миску и отставил в сторону.

— Я никогда не видел, чтобы он молился больше нескольких часов подряд. — Фирхана покосился на отца.

— Надо что-то делать с Ахсой.

— А что с ней надо делать?

— Надо найти ей мужа.

— Младшая дочь Меши на год младше нашей сестры, и она уже замужем, у нее есть сын. Ахсе нужны сыновья.

— У нее есть четыре брата. Зачем ей сыновья?

— К тому же она нужна здесь.

Последовала долгая пауза, и Халев понял, что его сыновья молча рассматривают его. Горячая волна захлестнула его лицо, но он продолжал молчать.

Шевер покончил с великолепным обедом и, икнув, откинулся назад.

— Она всем довольна.

Довольна? Как мало они знали свою сестру и как мало заботились и интересовались ею.

— Оставьте ее в покое. Если она захочет выйти замуж, она скажет об этом отцу, и он решит, что с ней делать.

Очевидно, что они считают, что их отец ничего не делает оттого, что не хочет лишиться ее нежной заботы. Халев полулежал, опустив голову, притворяясь спящим. Пусть думают, что он всего лишь усталый старец, который с трудом жует свой хлеб. Один за другим его сыновья вставали и уходили работать или заниматься какими-нибудь приятными делами.

Ахса вернулась и опустилась на колени рядом с ним. Она отломала кусок хлеба, обмакнула в вине и поднесла к его губам.

— Хоть маленький кусочек, отец, пожалуйста. Не сдавайся.

Он посмотрел в ее глаза. Другие больше не нуждались в нем. Они жили своей жизнью, не думая о нем. Но она была совсем иной. Она хотела, чтобы он жил дальше. Почему? «О, Господи, я устал. У меня так тяжело на сердце. Не допусти, чтобы я дожил до того дня, когда все мои сыновья отвернутся от Тебя. Не дай мне это увидеть. Позволь мне умереть раньше, чем это придет». Не в состоянии справиться со слезами, он наклонил голову, и они потекли по его лицу.

— Бог милостивый и сильный... — тихо заговорила Ахса, плача и горячо молясь. За него. — Господи, верни отцу силы. Он нужен нам. Если он умрет сейчас, что тогда будет с нашим народом? Кто будет провозглашать Твое имя? Кто будет...

Слушая свою дочь, Халев успокоился. Его ум удивительным образом прояснился, как будто чья-то рука отодвинула завесу, чтобы он мог увидеть все. Разве его сыновья любят его так же, как она? Разве они слушали его с открытым сердцем, впитывая его слова как исходившие от Самого Господа? Ахса. Славная Ахса. Будущее и надежда лежали перед ним. Эта девушка была куда больше похожа на него, чем все его сыновья вместе взятые. Они заставляли его только горевать, она же, наоборот, жила, чтобы радовать его. Только она стояла твердо в своей вере, в то время как другие готовы были согнуться от малейшего ветерка.

— Тогда дай мне меч! — однажды закричала она ему.

Меч.

Внутренняя тяжесть оставила его, и он с облегчением выдохнул воздух.

— Ахса. — Он положил на нее трясущуюся руку. — Господь ответил нам.

Она подняла голову: ее глаза покраснели, а щеки были бледными от слез. Немного успокоившись, она села на корточки, ее глаза засияли.

— Что Он сказал, отец? — Ее руки покрылись гусиной кожей, и она наклонилась к нему, горя нетерпением услышать, что он скажет.

— Я должен найти тебе мужа.

Ее лицо побелело.

— Нет.

— Да.

Слезы опять потекли из ее глаз, на этот раз от досады и негодования.

— Зачем? — Она уставилась на него. — Ты придумал это. Бог не мог такого сказать!

Халев сжал ее щеки ладонями и держал крепко, дрожа.

— Я не выдумал это. Тебе надо выйти замуж. Теперь скажи мне, каким он должен быть. Скажи мне имя.

Ее глаза расширились.

— Я не знаю.

С открытым сердцем, он стал молиться, как будто отправив стрелу к небесам. «Кто, Господь? Кто должен быть мужем моей дочери?»

«Спроси ее».

Если она не знает имени, то должна знать что-то другое. Но что? Что?

— Отец, не беспокойся из-за меня.

— Тихо. — Наверное, сейчас у него дикое выражение лица. Он выпустил из ладоней ее голову. — Дай старику подумать. — «Господи, что мне спросить? Что?» Затем пришло озарение. — Какого мужчину ты бы хотела?

— Я не думала об этом.

— Ты должна была подумать. И теперь расскажи мне.

— Из всех, кого я видела, мне никто не нравится. Почему кто-то из них должен быть моим мужем? Мне лучше умереть, чем...

— Отвечай на вопрос. Кто тебе нужен, чтобы ты была довольной? Чтобы ты радовалась? Подумай!

Она так крепко сжала руки, что костяшки ее пальцев побелели.

— Кто-то, кто любил бы Господа больше всех и всего. Тот, кто соблюдает Завет. Кто не отворачивается, когда враги Божьи возвращаются в землю, которую Бог даровал нам. Кто слышит Бога, когда Он говорит. Мужчина с сердцем воина. — Она посмотрела на него сквозь пелену слез. — Кто-то, кто похож на моего отца!

Он печально улыбнулся.

— Я думаю, тебе нужен тот, кто лучше твоего отца. Ты хочешь пророка.

— Не меньше. — В ее глазах сверкал огонь, она напоминала львицу. — Если я могу выбирать...

— Иди и позови своих братьев.

Ее решимость тут же угасла.

— Нет, отец, пожалуйста...

— Ты доверяешь мне?

Она закусила губу.

Он усмехнулся. Почему она должна доверять ему? Разве он уделял ей достаточно внимания? Он так много думал о них и совсем не думал о ней. Но она искала Слово Божье, жадно хватала все, что слышала о Нем. Она решила жить надеждой и питаться ею.

— Отец, позволь мне остаться с тобой. — Слезы стекали по ее щекам. — Позволь мне служить тебе.
— Она склонила голову.

Он потрепал ее по щеке.

— Ахса, дитя мое. Ты доверяешь Богу? — Он уже знал ответ, но хотел, чтобы она сама это сказала.

— Да.

— Тогда доверься Ему, пойди и позови своих братьев. Бог знает намерения, которые имеет для тебя,
— это для твоего будущего и для нашей надежды.

Наконец, сдавшись, она встала и пошла выполнять повеление отца.

Халев поднял руки к небесам. «В горе я взывал к Тебе, Господи. И Ты ответил».

Восстанет лидер, благодаря его дочери. И поднимется армия, и победит.

* * *

Халев смотрел на великое множество лиц. Это были те, кто пришел по его вызову. Не все семьи Иуды были представлены здесь, но это не имело значения. Бог покажет путь. Где-то среди этих людей есть человек, которого Господь призовет возглавлять армию. Может быть, он уже чувствовал Божье водительство, не понимая, что и почему с ним происходит. Но Халев знал, что будет дальше. Тот, кто послушает его и будет исполнять то, что услышит сегодня, будет использован Богом, чтобы судить Израиль.

Люди разговаривали между собой, а у Халева уже не было столько сил, чтобы кричать. Его сыновья стояли вокруг, его внук Хеврон поддерживал его. Как они воспримут то, что ему предстоит объявить? Он подтолкнул Хеврона локтем.

— Призови их к порядку.

— Тихо! Дайте Халеву сказать.

Все замолчали.

Халев жестом показал им подойти ближе, так они и сделали.

— Я стар, и больше не могу вести вас на сражение. Должен восстать другой, чтобы занять мое место.

— А как насчет твоих сыновей? Как насчет Меши? Или Ора?

Халев поднял руку, и они замолчали.

— Даже сейчас Господь готовит кого-то, чтобы вести нас. Даже сейчас... — Он посмотрел на лица мужчин, стоявших в первых рядах, — одного из вас... — Его глаза видели не так ясно, как раньше, он смотрел, как сквозь туман. — Я созвал вас сюда, чтобы напомнить о работе, которую мы еще не закончили. Хананеи все еще находятся в Кириаф-Сефере. Бог сказал нам захватить эту землю и изгнать ее жителей. Враги Божьи стали очень смелы из-за нашего бездействия. Мы должны закончить ту работу, которую Господь поручил нам. Мы пришли на эту землю не для того, что мирно жить рядом с врагами Божьими, но чтобы уничтожить их!

Некоторые из слушавших криками поддержали его, но не его сыновья. Может быть, сейчас видение оживет в сердце того, кого Господь призвал, и дух его пробудится, чтобы послушаться Господа. «Пусть будет так, Господи. Пусть будет так!»

— Отец. — Ор наклонился поближе. — Это все, что ты хотел сказать?

Они были так нетерпеливы, так хотели побыстрее вернуться к своим делам. У них не было времени для ожидания.

— Нет. — Халеву хотелось еще многое сказать. То, что они слышали уже много раз. Они были похожи на своих отцов, медленных на то, чтобы слушаться Бога, но быстрых на то, чтобы забыть Его. Если он скажет то же, что говорил уже много раз, они не послушают. «Господь, как Ты выносишь нас? Удивительно, что Ты до сих пор не стер нас с лица земли после того, как мы столько раз испытывали Тебя в пустыне!»

Его кровь закипела от гнева, но мудрость заставила говорить кратко:

— Господь, Бог Авраама, Исаака и Иакова отдал мне эту горную страну. Мои сыновья потребовали свою часть и обосновались здесь со своими семьями. Но есть еще земля, которую нужно завоевать, земля, которую дал мне Господь и которую мы пока еще не захватили. Я отдаю Негев моей дочери Ахсе в наследство.

Он услышал, как его сыновья зашипели:

— Ахсе?

Халев заговорил громче:

— Дочери Салпаада стояли перед Моисеем, Елеазаром, старейшинами и всем обществом, и им была дана земля во владение среди братьев отца их. У меня много сыновей. Меша, мой первенец, получил двойной удел. Сын Ардона, убитого в сражении, получил свою часть. Другие тоже получили свои уделы той земли, которую мы завоевали. Господь Бог отдал мне также Негев, но Кириаф-Сефер снова находится в руках сынов Енака. Эта часть, которая еще не завоевана, будет принадлежать моей дочери, чья вера горит в ней, как огонь. Сильные люди должны произойти от нее!

Он с силой воткнул свою трость в землю и шагнул вперед.

— Послушайте меня, сыны Иуды. Я отдам в жены мою дочь Ахсу тому, кто нападет на Кириаф-Сефер и захватит его!

* * *

Халев услышал топот бегущих ног и с трудом поднялся на своем ложе. Ахса поспешила к нему, чтобы помочь ему сесть, подкладывая и подтыкая под него подушки.

Снаружи доносился запыхавшийся мужской голос.

— Зайди! — позвал Халев. — Заходи! — Он положил ладонь на руку Ахсы. Она была бледной и дрожала, огромные темные глаза смотрели на него.

Вошел сын Ора, Салма, его лицо было в черных прожилках от грязи и пота. Он встал на колени и низко поклонился.

— Кириаф-Сефер в наших руках. Потомков Енака там больше нет!

Халев сел прямо, дрожа от чрезмерных усилий.

— Кто командовал?

— Гофониил! — С сияющими глазами, мальчик поднял голову. — Гофониил, сын Кеназа! — Он встал и поднял руку. — Гофониил прорвался в их ворота и уничтожил врага. Сражение было жестоким. Сыны Енака падали от его меча налево и направо. Он не делал передышки, пока не осталось ни

одного из врагов! — Салма подробно описал сражение, не упуская ни одной детали, его лицо светилось восторгом. — Господь, Бог наш, отдал Кириаф-Сефер в наши руки!

Халев понял, что Гофониил сделал больше, чем просто захватил Кириаф-Сефер. Он еще и зажег сердца сыновей Иуды. И, насколько можно было судить по рассказу внука, он даже заставил сердца сыновей Халева снова повернуться к Господу. От слез благодарности у него перехватило дыхание. Ох, если бы Кеназ, младший брат Халева, первый из всей семьи, кто последовал за ним в стан израильтян, — мог увидеть этот день! Радуюсь, что стоявший теперь перед Израилем и призывавший их обратно к вере, был одним из его плоти и крови, Халев поблагодарил за это Бога.

— Господь наша сила и Освободитель!

— Да будет благословенно имя Господне. — Ахса склонила голову.

— Ахса. — Халев положил руку ей на плечо. Она подняла лицо и посмотрела в его глаза. За пеленой слез ее глаза светились любовью. Она взяла его руку, горячо поцеловала, потом встала и ушла.

Халев жестом подозвал Салму.

— Я хотел бы выйти из дома. — Ему хотелось видеть, как будут приходить те, кого он любил. Салма помог ему встать и поддерживал его, пока Халев добрался до оливкового дерева и сел под его тенью. Он прислонился спиной к древнему стволу.

— Как мои сыновья?

— С ними все в порядке.

— Хвала Господу. — Халев благословил мальчика и отпустил. Потом он стал ждать, глядя перед собой туда, где простиралась его горная страна. Придет Гофониил и приведет с собой Мешу и остальных его сыновей и внуков.

Вдруг внимание Халева привлекла радостная суматоха в доме. В следующее мгновение он сильно удивился, увидев Ахсу, выходящую из дома в свадебном наряде. Она была покрыта фатой, поэтому он не видел ее лица. Она поговорила со служанкой и осталась ждать на солнце. Ей подвели осла. Тогда Ахса повернулась к Халеву и склонила голову в глубоком почтении. Она довольно долго стояла так, потом выпрямилась, села на осла и уехала.

Как же все они заблуждались по поводу этой девушки, включая его самого! Она даже не стала ждать, пока ее муж приедет за ней, а сама поехала навстречу ему. Она стукнула осла палкой, и животное затрусилось быстрее. Халев улыбнулся. Да уж, она не плетется навстречу мужу в слезах и смущении. Нет, она быстро и смело двигалась вперед — навстречу тому, кого ей выбрал Господь.

Расстояние между ними увеличивалось, Ахса становилась все меньше и меньше, и Халев почувствовал печаль, смешанную с радостью. Только теперь, видя, как уезжает его дочь, он смог осознать, какое огромное утешение она ему приносила.

Никогда он не чувствовал себя таким одиноким.

* * *

Дни текли медленно. Скоро Халев узнал, что его сыновья возвращаются во главе с Гофониилом, и Ахса вместе с ними.

— Ахса! — Слишком слабый, чтобы подняться самому, Халев велел слугам отнести его во двор. Они подняли его и вынесли из дома, удобно устроив снаружи, да так, чтобы ему было хорошо видно, как процессия приближалась к его селению. Ахса ехала рядом с мужем, а не сзади него.

Гофониил подошел прямо к нему и поприветствовал с почтением, с каким приветствуют отца. А затем, краснея от стыда, попросил подарить ему поле, на котором уже растет зерно. Захваченный врасплох, Халев задумался. Все понятно: понадобится время, чтобы вспахать и возделывать долину Негев. И Халев ответил положительно. К нему подошли сыновья, каждый поцеловал его. Они оживленно рассказывали о сражении. Потом они пошли к своим семьям.

Гофониил приблизился к Ахсе и заговорил с ней. Она улыбнулась и положила руки на плечи мужа, грациозно спускаясь с осла. Она что-то сказала ему. Он затряс головой. Она добавила что-то еще и подошла к Халеву. Фаты на ней уже не было, и волосы были покрыты. Видно было, что что-то в ней изменилось, за прошедшие несколько дней она стала женщиной. Она опустила и села рядом с Халевом, ее руки спокойно лежали на коленях.

— Спасибо, что ты подарил моему мужу поле, отец.

Халев поднял брови.

— Это ты подсказала ему попросить поле?

Она покраснела также, как ее муж.

— У нас должно быть обеспечение на первое время, пока все враги Божьи не будут изгнаны из Негева.

— Обеспечение. Вам нужно больше, не только зерно. — Он опустил голову и стал внимательно смотреть на нее. — Что еще? Что я еще могу для вас сделать?

Она глубоко вздохнула.

— Даруй мне большее благословение. Ты был так добр и отдал мне землю в Негеве, пожалуйста, отдай мне также источники.

Халев улыбнулся. Его дочь не только смела, но еще и сообразительна. Сам-то он подумал только о земле, а про обеспечение вовсе не вспомнил.

— Верхний и нижний источники — твои.

Пришла пора праздновать и благодарить. Он смотрел, как его сыновья танцуют при свете огня и слушал их песни хвалы. Его дочь танцевала вместе с женщинами, ее радостное лицо сияло, она кружилась и поднимала руки.

Халев немного подремал, он был счастлив и удовлетворен. Когда он проснулся, праздник еще продолжался, на темном пологие ночного неба мерцали звезды. Он увидел, как Ахса и Гофониил одни стояли у огня и разговаривали. Гофониил поднял руку и коснулся своей жены. Прикосновение было нежным. Ахса сделала шаг вперед и потянулась к мужу. Халев закрыл глаза.

Прежде чем отправиться на юг, супруги подошли к нему. Он знал, что видит дочь в последний раз, потому что уже стар, и смерть где-то близко. Когда она склонилась перед ним на колени, он взял ее голову ладонями и долго смотрел ей в глаза.

— Не плачь так.

— Как я могу не плакать? — Она упала в его объятия и зарылась лицом в его плечо.

— Я прожил долгую жизнь и был свидетелем Божьих знамений и чудес. Разве может человек желать большего благословения? А теперь у меня есть надежда на будущее. И эта надежда в тебе. — Он крепко обнял ее. — Тебя ждет муж. — Она отстранилась, он взял в ладони ее лицо и поцеловал в щеки и лоб. — Пусть Господь благословит тебя многими боящимися Бога сыновьями.

Она улыбнулась сквозь слезы.

— И дочерьми.

— Пусть все твои дети будут такими, как ты.

Гофониил помог ей подняться. Он обнял ее — это был жест собственника, который понравился Халеву. Этот мужчина знал, что нашел нечто драгоценное, ту, которой нужно дорожить, защищать и любить. Гофониил оказался мудрым, увидев то, что сам он смог разглядеть лишь совсем недавно.

Халев вытянул вперед руки, будто хотел обнять обоих.

— Пусть праведность идет впереди вас и слава Господня позади вас.

Он не мог смотреть, как они уезжают. Их провожали родственники Гофониила и некоторые внуки Халева, теперь жаждущие вести войну и изгнать Божьих врагов с земли израильтян.

«Помоги им достичь цели на этот раз, Господь. Пусть они не останавливаются до тех пор, пока последний враг не будет уничтожен!»

Но Халев знал, что люди слабы. Они были похожи на овец, которые отчаянно нуждаются в пастыре. Но пока у них есть кто-то, за кем они будут следовать. «Пусть все их пастыри будут праведными, честными и чистыми людьми, которые будут придерживаться Твоих законов и уставов, Господь.

Мы восстанем в вере, а затем опять впадем в грех, не так ли, Господь? Такова наша участь?»

Пришли слуги, чтобы унести его в дом.

— Нет. Оставьте меня здесь подольше. — Он нетерпеливо приказал им уйти. — Идите! — Когда они развернулись, чтобы уйти, он снова позвал их. — Принесите мне мой меч. — Они заколебались в нерешительности. — Мой меч!

Молодой слуга побежал, чтобы исполнить распоряжение Халева и принес оружие. Он благоговейно поклонился, подавая меч Халеву.

Халев взял его в руки. Он вспоминал те времена, когда с этим мечом шел в битву, часами размахивая им направо и налево и не утомляясь. Сейчас у него едва хватало сил, чтобы поднять его. Рука дрожала, ему приходилось напрягать все свои силы, чтобы не уронить свое оружие.

— Теперь идите.

«Как это может быть, Господь, что внутри этой старой оболочки тела мое сердце все еще жаждет сражения? Я помню день, когда я сделал этот меч из плуга. Я думал, что придет день, и я переплавлю его в огне, и положу на наковальню, и снова сделаю плуг. Но этому не суждено было случиться. Даже сейчас я знаю, что война еще далеко не закончена.

Мы взывали к Тебе, просили об избавителе, и Ты послал Моисея. Когда фараон отказался отпустить Твой народ, Ты послал бедствия на Египет. Ты повелел морю расступиться, чтобы мы смогли уйти, а потом заставил его сомкнуться прямо над головами Твоих врагов. Ты скрывал нас под облаком днем и защищал огненным столпом ночью. Ты питал нас манной с небес и водой из скалы. Ты насытил мою жаждущую душу и сердце Твоим Словом, которое вечно».

Халев задремал под послеобеденным солнцем, его силы иссякали, дыхание замедлялось. Он увидел, как появился храм, белый, величественный, сияющий золотом. Поднялся и задул сильный ветер, и храм разрушился. Люди плакали, когда их уводили, закованных в цепи. И затем другая вереница людей поднялась на гору, и появился другой храм, менее величественный; вокруг храма вознеслись стены, и муж, стоя на бойнице, взывал к рабочим: «Не бойтесь! Не утомляйтесь! Закончите ту работу, которую дал вам Господь!» Но опять пришло разрушение, и опять появился храм, более величественный на этот раз. И все вокруг залилось ярким светом, столь ярким, что Халев почувствовал резкую боль, от которой он застонал. Сердце его сжалось. «О, Боже, Боже, обязательно

ли Тебе делать это? Ты совершенен! Ты свят!» Затем небеса потемнели и снова засветились, свет медленно распространялся по земле, как рассвет нового дня.

И снова пришло разрушение. Душа Халева кричала в ужасе. Его сердце было разбито. «О, Господи, так что, будет всегда? О, Господи, Господи!»

Но открылись небеса, и пришел Некто верхом на белом коне, быстро спускаясь с клубящихся облаков; в руке Его был меч, и на Нем было написано: «Верный и Истинный, Слово Божие». С Ним пришли армии, одетые в белые одежды. Халев услышал звук трубы. Страстно желая присоединиться к армиям и идти на битву, он схватил меч за рукоятку и приподнялся на подушках.

— Господи! Да!

«Царь царей и Господь господ!»

И несметное число голосов восклицали: «Свят! Свят! Свят!».

Халев затаил дыхание, глядя на сияния цветов: красного, желтого, голубого и пурпурного. Струился свет, текла вода, пульсировала жизнь.

«Подожди и увидишь».

Сделав медленный, глубокий выдох, Халев позволил мечу упасть. Он закрыл глаза. Ибо сейчас он мог отдохнуть.

Потому что теперь он знал, что однажды он проснется и снова поднимется в силе.

Ищите и найдете

Дорогой читатель!

Надеюсь, что вам понравилось это художественное изложение жизни Халева, главы колена, хоть и нееврейского происхождения, соглядата и возлюбленного Божьего. Эта сильная по своему воздействию история веры и послушания написана Франсин Риверс для того, чтобы разжечь в вас желание читать Библию — Божье Слово. Франсин стремилась привлечь вас к Писанию, чтобы вы сами внимательно прочитали и узнали истину о Халеве — о его настойчивости в вере, о данных ему обещаниях, о его источнике мира и внутреннего спокойствия.

Предложенные далее библейские темы проведут вас по страницам Библии в поисках истины о Халеве, чтобы вы могли применить ее в своей жизни.

В своем хождении с Богом Халев безоговорочно доверял Ему даже тогда, когда обстоятельства кричали «Несправедливо!» или «Невозможно!». Его верность привела его к послушанию Богу любой ценой. А его вера в Божьи обетования давала ему покой посреди любой бури. Вера Халева оставалась твердой и росла на протяжении всей его жизни. Она заряжала его энергией и силой даже в преклонные годы, побуждая добиваться всего, что пообещал Господь.

Пусть Господь благословит вас в поиске Его решений для ваших жизненных проблем, Его ответов на ваши вопросы. Пусть Он найдет вас верными и непоколебимыми в вере на вашем жизненном пути вместе с Ним.

Пегги Линч

Отчет соглядатаев

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите этот отрывок:

2 И сказал Господь Моисею, говоря:

3 пошли от себя людей, чтобы они высмотрели землю Ханаанскую, которую Я даю сынам Израилевым; по одному человеку от колена отцов их пошлите, главных из них.

4 И послал их Моисей из пустыни Фаран,

по повелению Господню, и все они мужи главные у сынов Израилевых.

5 Вот имена их: из колена Рувимова Саммуа, сын Закхуров,

6 из колена Симеонова Сафат, сын Хориев,

7 из колена Иудина Халев, сын Иефоннин,

8 из колена Иссахарова Игал, сын Иосифов,

9 из колена Ефремова Осия, сын Навин,

10 из колена Вениаминова Фалтий, сын Рафуев,

11 из колена Завулонова Гаддиил, сын Содиев,

12 из колена Иосифова от Манассии Гаддий, сын Сусиев,

13 из колена Данова Аммиил, сын Гемаллиев,

14 из колена Асирова Сефур, сын Михаилов,

15 из колена Неффалимова Нахбий, сын Вофсиев,

16 из колена Гадова Геуил, сын Махиев.

17 Вот имена мужей, которых посылал Моисей высмотреть землю. И назвал Моисей Осию, сына Навина, Исусом.

(Числа 13:2-17)

Самое первое упоминание о Халеве в Писании мы находим в данном отрывке. Кем был Халев? Кем он был среди израильского народа?

Каким образом он получил и удерживал эту позицию?

Прочтите следующий отрывок:

18 И послал их Моисей высмотреть землю Ханаанскую, и сказал им: пойдите в эту южную страну, и взойдите на гору,

19 и осмотрите землю, какова она, и народ живущий на ней, силен ли он или слаб, малочислен ли он или многочислен?

20 И какова земля, на которой он живет, хороша ли она или худа? и каковы города, в которых он живет, в шатрах ли он живет или в укреплениях?

21 И какова земля, тучна ли она или тоща?

есть ли на [ней] деревья или нет? будьте смелы, и возьмите от плодов земли. Было же это ко времени созревания винограда.

22 Они пошли и высмотрели землю от пустыни Син даже до Рехова, близ Емафа;

23 и пошли в южную страну, и дошли до Хеврона, где жили Ахиман, Сесай и Фалмай, дети Енаковы: Хеврон же построен был семью годами прежде Цоана, [города] Египетского;

24 и пришли к долине Есхол, и срезали там виноградную ветвь с одною кистью ягод, и понесли ее на шесте двое; [взяли] также гранатовых яблок и смокв;

25 место сие называли долиною Есхол, по причине виноградной кисти, которую срезали там сыны Израилевы.

26 И высмотрев землю, возвратились они через сорок дней.

27 И пошли, и пришли к Моисею и Аарону и ко всему обществу сынов Израилевых в пустыню Фаран, в Кадес, и принесли им и всему обществу ответ, и показали им плоды земли;

28 и рассказывали ему, и говорили: мы ходили в землю, в которую ты посылал нас; в ней подлинно течет молоко и мед, и вот плоды ее;

29 но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие, и сынов Енаковых мы видели там;

30 Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе, Хананеи же живут при море и на берегу Иордана.

31 Но Халев успокаивал народ пред Моисеем, говоря: пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее.

32 А те, которые ходили с ним, говорили: не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас.

33 И распускали худую молву о земле, которую они осматривали, между сынами Израилевыми, говоря: земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедающая живущих па ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые;

34 там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших [пред ними], как саранча, такими же были мы и в глазах их.

(Числа 13:18-34)

Какие инструкции получили двенадцать соглядатаев? Сколько времени им было дано для выполнения задания?

Что обнаружили в Ханаане разведчики? Что они принесли с собой в качестве доказательств?

Какой характер носил отчет соглядатаев? Каким было их мнение о земле и ее захвате?

Каким был отчет Халева? Чем его мнение отличалось от мнения других разведчиков?

Найдите Божий путь для себя

Опишите ситуацию, когда вы следовали за всеми (или за большинством). Каким был результат? Какие уроки вы почерпнули?

Опишите ситуацию, когда вы действовали в одиночку и никто вас не поддерживал. Каков был результат? Как вы себя чувствовали?

На Тебя, Господи, уповаю, да не постыжусь вовек. По правде Твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо Твое ко мне и спаси меня. Будь мне твердым прибежищем, куда я всегда мог бы укрываться; Ты заповедал спасти меня, ибо твердыня моя и крепость моя — Ты.

(Псалом 70:1-3)

Назовите причины, по которым нам не следует бояться действовать в одиночку.

Остановитесь и поразмышляйте

Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе.

(Филиппийцам 4:13)

Мудрый совет

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите следующий отрывок:

1 И подняло все общество вопль, и плакал народ во [всю] ту ночь;

2 и роптали на Моисея и Аарона все сыны Израилевы, и все общество сказало им: о, если бы мы умерли в земле Египетской, или умерли бы в пустыне сей!

3 И для чего Господь ведет нас в землю сию, чтобы мы пали от меча? жены наши и дети наши достанутся в добычу [врагам]; не лучше ли нам возвратиться в Египет?

4 И сказали друг другу: поставим себе начальника и возвратимся в Египет.

5 И пали Моисей и Аарон на лица свои пред всем собранием общества сынов Израилевых.

6 И Иисус, сын Навин, и Халев, сын Иефонниин, из осматривавших землю, разодрали одежды свои

7 и сказали всему обществу сынов Израилевых: земля, которую мы проходили для осмотра, очень, очень хороша;

8 если Господь милостив к нам, то введет нас в землю сию и даст нам ее — эту землю, в которой течет молоко и мед;

9 только против Господа не восставайте и не бойтесь народа земли сей; ибо он достанется нам на съедение: защиты у них не стало, а с нами Господь; не бойтесь их.

10 И сказало все общество: побить их камнями! Но слава Господня явилась в скинии собрания всем сынам Израилевым.

11 И сказал Господь Моисею: доколе будет раздражать Меня народ сей? и доколе будет он не верить Мне при всех знамениях, которые делал Я среди его?

12 Поражу его язвою, и истреблю его, и произведу от тебя народ многочисленное и сильнее его.

13 Но Моисей сказал Господу: услышат Египтяне, из среды которых Ты силою Твоею вывел народ сей,

14 и скажут жителям земли сей, которые слышали, что Ты, Господь, находишься среди народа сего, и что Ты, Господь, даешь им видеть Себя лицом к лицу, и облако Твое стоит над ними, и Ты идешь пред ними днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном;

15 и если Ты истребишь народ сей, как одного человека, то народы, которые слышали славу Твою, скажут:

16 Господь не мог ввести народ сей в землю, которую Он с клятвою обещал ему, а потому и погубил его в пустыне.

(Числа 14:1-16)

Опишите атмосферу, царившую в стане после того, как люди услышали отчет о земле. Что предлагали люди?

Когда Моисей и Аарон пали ниц, какие слова воодушевления Иисус Навин и Халев сказали народу? Какое предупреждение?

Что было особенно ярким свидетельством веры Иисуса Навина и Халева?

Как люди ответили на их предупреждение?

Опишите реакцию Бога на поведение народа.

Найдите Божий путь для себя

Вспомните ситуацию, когда вам приходилось выступать посредником. Почему это событие так хорошо запомнилось?

Какие советы вы дали? Каков был результат?

Кто пренебрегает советом, тот причиняет вред себе; а кто уважает совет, тому воздается. Совет мудрого — источник жизни, удаляющий от сетей смерти.

(Притчи 13:13-14, уточненный перевод)

Как можно применить эти стихи к Халеvu и израильтянам? Примените эти стихи к себе.

Остановитесь и поразмышляйте

Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупыми, развратится.

(Притчи 13:20)

Бог видит

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите следующий отрывок:

17 Итак, да возвеличится сила Господня, как Ты сказал, говоря:

18 Господь долготерпелив и многомилостив, прощающий беззакония и преступления, и не оставляющий без наказания, но наказывающий беззаконие отцов в детях до третьего и четвертого рода.

19 Прости грех народу сему по великой милости Твоей, как Ты прощал народ сей от Египта доселе.

20 И сказал Господь [Моисею]: прощаю по слову твоему;

21 но жив Я, и славы Господней полна вся земля:

22 все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего,

23 не увидят земли, которую Я с клятвою обещал отцам их; все, раздражавшие Меня, не увидят ее;

24 но раба Моего, Халева, за то, что в нем был иной дух, и он совершенно повиновался Мне, введу в землю, в которую он ходил, и семя его наследует ее;

25 Амаликитяне и Хананеи живут в долине; завтра обратитесь и идите в пустыню к Чермному морю.

(Числа 14:14-25)

Перечислите все, что вы узнали о характере Господа из молитвы Моисея.

Что из этой молитвы вы узнали о Моисее?

Каков Божий план для народа с этого момента? Почему?

Какие новые указания были даны народу?

Как Господь описывает Халева?

Каков Божий план для Халева и его семьи?

Найдите Божий путь для себя

К кому вы обращаетесь в критических (или трудных) ситуациях? Почему?

Исходя из вашего ответа, как это характеризует вас?

Как, по вашему мнению, Бог охарактеризовал бы вас?

Остановитесь и поразмышляйте

С великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка.

(Иакова 1:2-4)

Потерянная земля

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите следующий отрывок:

26 И сказал Господь Моисею и Аарону, говоря:

27 доколе злому обществу сему роптать на Меня? ропот сынов Израилевых, которым они ропщут на Меня, Я слышу.

28 Скажи им: живу Я, говорит Господь: как говорили вы вслух Мне, так и сделаю вам;

29 в пустыне сей падут тела ваши, и все вы исчисленные, сколько вас числом, от двадцати лет и выше, которые роптали на Меня,

30 не войдете в землю, на которой Я, подымая руку Мою, [клялся] поселить вас, кроме Халева, сына Иефонниина, и Иисуса, сына Навина;

31 детей ваших, о которых вы говорили, что они достанутся в добычу [врагам], Я введу [туда], и они узнают землю, которую вы презрели,

32 а ваши трупы падут в пустыне сей;

33 а сыны ваши будут кочевать в пустыне сорок лет, и будут нести [наказание] за блудодейство ваше, доколе не погибнут все тела ваши в пустыне;

34 по числу сорока дней, в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет, год за день, дабы вы познали, [что] [значит] быть оставленным Мною.

35 Я, Господь, говорю, и так и сделаю со всем сим злым обществом, восставшим против Меня: в пустыне сей все они погибнут и перемрут.

36 И те, которых посылал Моисей для осмотра земли, и которые, возвратившись, возмутили против него все сие общество, распуская худую молву о земле,

37 сии, распускившие худую молву о земле, умерли, быв поражены пред Господом;

38 только Иисус, сын Навин, и Халев, сын Иефонниин, остались живы из тех мужей, которые ходили осматривать землю.

39 И сказал Моисей слова сии пред всеми сынами Израилевыми, и народ сильно опечалился.

40 И, встав рано поутру, пошли на вершину горы, говоря: вот, мы пойдем на то место, о котором сказал Господь, ибо мы согрешили.

41 Моисей сказал: для чего вы преступаете повеление Господне? это будет безуспешно;

42 не ходите, ибо нет среди вас Господа, чтобы не поразили вас враги ваши;

43 ибо Амаликитяне и Хананеи там пред вами, и вы падете от меча, потому что вы отступили от Господа, и не будет с вами Господа.

44 Но они дерзнули подняться на вершину горы; ковчег же завета Господня и Моисей не оставляли стана.

(Числа 14:26-44)

Побеседуйте о том, каким был народ израильский с точки зрения Бога.

Что вы узнали о народе израильском из этого отрывка?

Какая участь постигла двенадцать соглядатаев? Были ли сделаны исключения? Какие?

Каковы были последствия неверия для всего народа, если не считать исключений?

О чем предупредил народ Моисей? Как они на это отреагировали?

На основании сказанного какие выводы можно сделать об отношении народа к Моисею? К Богу?

Найдите Божий путь для себя

Вспомните и обсудите ситуацию, когда вам пришлось пожинать последствия того, что сделал кто-то другой. Что вы чувствовали?

Вспомните и расскажите ситуацию, когда вам удалось избежать последствий, которых вы заслуживали. Что вы чувствовали?

Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности.

(Евреям 12:11)

Что вы узнали о наказании из этого стиха? Как можно получить «плод праведности»?

Остановитесь и поразмышляйте

Итак умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, [для] разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная.

(Римлянам 12:1-2)

Выполненное обещание

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите следующий отрывок:

По смерти Моисея, раба Господня, Господь сказал Иисусу, сыну Навину, служителю Моисееву: Моисей, раб Мой, умер; итак, встань, перейди через Иордан сей, ты и весь народ сей, в землю, которую Я даю им, сынам Израилевым. Всякое место, на которое ступят стопы ног ваших, Я даю вам, как Я сказал Моисею: от пустыни и Ливана сего до реки великой, реки Евфрата, всю землю Хеттеев; и до великого моря к западу солнца будут пределы ваши [от пустыни Негев на юге до Ливанских гор на севере, от реки Евфрат на востоке до Средиземного моря на западе и всю землю хеттеев]. Никто не устоит пред тобою во все дни жизни твоей; и как Я был с Моисеем, так буду и с тобою: не отступлю от тебя и не оставлю тебя.

(Иисус Навин 1:1-5)

Кто заменил Моисея в качестве вождя народа? В чем важность этого события?

Прочтите следующий отрывок:

Когда Иисус состарился, вошел в лета преклонные, тогда Господь сказал ему: ты состарился, вошел в лета преклонные, а земли брать в наследие остается еще очень много. Остается сия земля: все округи Филистимские и вся земля Гессурская.

Всех горных жителей от Ливана до Мисрефоф-Маима, всех Сидонян Я изгоню от лица сынов Израилевых. Раздели же ее в удел Израилю, как Я повелел тебе; раздели землю сию в удел девяти коленам и половине колена Манассиина.

6 Сыны Иудины пришли в Галгал к Иисусу.

И сказал ему Халев, сын Иефоннии, Кенезеянин: ты знаешь, что говорил Господь Моисею, человеку Божию, о мне и о тебе в Кадес-Варни;

7 я был сорока лет, когда Моисей, раб Господень, посылал меня из Кадес-Варни осмотреть землю, и я принес ему в ответ, что было у меня на сердце:

8 братья мои, которые ходили со мною, привели в робость сердце народа, а я в точности следовал Господу Богу моему;

9 и клялся Моисей в тот день и сказал: земля, по которой ходила нога твоя, будет уделом тебе и детям твоим на век, ибо ты в точности последовал Господу Богу моему;

10 итак, вот, Господь сохранил меня в живых, как Он говорил; уже сорок пять лет [прошло] от того времени, когда Господь сказал Моисею слово сие, и Израиль ходил по пустыне; теперь, вот, мне восемьдесят пять лет;

11 но и ныне я столько же крепок, как и тогда, когда посылал меня Моисей: сколько тогда было у меня силы, столько и теперь есть для того, чтобы воевать и выходить и входить;

12 итак, дай мне сию гору, о которой говорил Господь в тот день; ибо ты слышал в тот день, что там [живут] сыны Енаковы, и города [у них] большие и укрепленные; может быть, Господь [будет] со мною, и я изгоню их, как говорил Господь.

13 Иисус благословил его, и дал в удел Халеву, сыну Иефоннину, Хеврон.

14 Таким образом Хеврон остался уделом Халева, сына Иефоннина, Кенезеянина, до сего дня, за то, что он в точности последовал [повелению] Господа, Бога Израилева.

15 Имя Хеврону прежде было Кириаф-Арбы, как назывался между сынами Енака один человек великий. И земля успокоилась от войны.

(Иисус Навин 13:1-2, 6-7; 14:6-15)

Каким образом Халев обратился к Иисусу Навину и заговорил об обещании Моисея?

Когда Халев излагал свою просьбу, какие доказательства (свидетельства) он приводил из прошлого, настоящего и будущего?

Как Иисус Навин ответил на просьбу Халева?

Что Халев заявляет о Боге и чем эти слова похожи на слова Моисея?

По какой причине Халев получил в наследство землю? Как это характеризует его взаимоотношения с Богом?

Найдите Божий путь для себя

Когда вы напоминаете кому-либо о данном вам обещании, как вы это делаете? Какими были результаты таких напоминаний?

Что вы отвечаете, когда кто-то напоминает вам о данном вами обещании?

Если же у кого из вас недостает мудрости [если вы хотите знать, что Бог желает от вас], да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему.

(Иакова 1:5)

Какой совет предлагает этот стих?

Остановитесь и поразмышляйте

Блажен человек, который переносит искушение [испытание], потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его..

(Иакова 1:12)

Наследие

Ищите истину в Божьем Слове

Прочтите следующий отрывок:

По смерти Иисуса вопрошали сыны Израилевы Господа, говоря: кто из нас прежде пойдет на Хананеев — воевать с ними? И сказал Господь: Иуда пойдет; вот, Я предаю землю в руки его.

И пошел Иуда на Хананеев, которые жили в Хевроне (имя же Хеврону [было] прежде Кириаф-Арбы), и поразили Шешая, Ахимана и Фалмая. Оттуда пошел он против жителей Давира; имя Давиру [было] прежде Кириаф-Сефер. И сказал Халев: кто поразит Кириаф-Сефер и возьмет его, тому отдам Ахсу,

дочь мою, в жену. И взял его Гофониил, сын Кеназа, младшего брата Халевова, и [Халев] отдал в жену ему Ахсу, дочь свою. Когда надлежало ей идти, [Гофониил] научил ее просить у отца ее поле, и она сошла с осла. Халев сказал ей: что тебе? [Ахса] сказала ему: дай мне благословение; ты дал мне землю полуденную [землю в Негеве], дай мне и источники воды. И дал ей [Халев] источники верхние и источники нижние.

(Судей 1:1-2, 10-15)

После смерти Иисуса Навина колена Иуды было избрано, чтобы возглавить завоевание земли хананеев. Кто был лидером племени? Как вы считаете, почему это важно?

Что Халев обещает человеку, который завоеует Кириаф-Сефер?

Кто совершает этот подвиг? Каким образом Халев сдержал свое слово?

Как бы вы описали отношения Халева с его дочерью? Что общего вы находите между ними?

Прочтите следующий отрывок:

И когда весь народ оный отошел к отцам своим, и восстал после них другой род, который не знал Господа и дел Его, какие Он делал Израилю, — тогда сыны Израилевы стали делать злое пред очами Господа и стали служить Ваалам; оставили Господа, Бога отцов своих, Который вывел их из земли Египетской, и обратились к другим богам, богам народов, окружавших их, и стали поклоняться им, и раздражили Господа; оставили Господа и стали служить Ваалу и Астартам.

И воздвигал [им] Господь судей, которые спасали их от рук грабителей их...

И сделали сыны Израилевы злое пред очами Господа, и забыли Господа, Бога своего, и служили Ваалам и Астартам. И воспылал гнев Господень на Израиля, и предал их в руки Хусарсафема, царя Месопотамского, и служили сыны Израилевы Хусарсафему восемь лет. Тогда возопили сыны Израилевы к Господу, и воздвигнул Господь спасителя сынам Израилевым, который спас их, Гофониила, сына Кеназа, младшего брата Халевова. На нем был Дух Господень, и был он судьей Израиля. Он вышел на войну, и предал Господь в руки его Хусарсафема, царя Месопотамского, и преодолела рука его Хусарсафема. И покоилась земля сорок лет. И умер Гофониил, сын Кеназа.

(Судей 2:10-13, 16; 3:7-11)

Что случилось после того, как умерло поколение Иисуса Навина и Халева? Каким образом Господь помог Израилю?

Кто был первым судьей Израиля и как этот человек стал им? Было ли у него какое-либо сходство с Халевом? В чем именно?

Найдите Божий путь дня себя

Какая самая выдающаяся черта Халева? Почему вы так думаете?

Есть ли у вас что-либо общее с Халевом? Отвечая на этот вопрос, что нового вы узнали о себе?

Что вы узнали о Боге, изучая жизнь Халева?

Остановитесь и поразмышляйте

Наконец, братья мои, что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достойно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте. Чему вы научились, что приняли и слышали и видели во мне, то исполняйте, — и Бог мира будет с вами.

(Филиппийцам 4:8-9)

Воин Халев

Халев часто отчаивался из-за того, что был неспособен исполнить закон, который Бог дал Своему народу. Спустя сотни лет об этой же борьбе писал апостол Павел: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога моего Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом моим служу закону Божию, а плотию закону греха».

(Римлянам 7:22-25).

Интересно, что существуют параллели между жизнью Халева и Иисуса.

Жизнь Халева:

- сомнительное право первородства;
- из колена Иуды;
- незаслуженно испытал последствия поступков других людей;
- воин-герой Иуды;
- посвященный исполнению своей миссии — очистить землю от врагов, чтобы народ Божий жил в ней;
- командующий израильской армией, который вел сражения для Бога и ради своей семьи;
- верил Слову Божьему и полагался на него;
- молитвенный воин, вооруженный для битвы

Жизнь Иисуса:

- сомнительное право первородства;
- из колена Иуды (Откровение 5:5);
- был несправедливо казнен из-за наших деяний (2 Коринфянам 5:21);
- Лев из колена Иуды (Откровение 5:5);
- посвященный исполнению своей миссии — очистить наши жизни от греха, чтобы Сам Бог мог жить в нас (Иоанна 6:56);
- командующий небесной армией, который ведет наши духовные сражения (Откровение 19:11-16);
- является Словом Божьим (Иоанна 1:1);
- является нашей броней праведности и ходатаем (Ефессянам 6:10-18; Евреям 7:24-25).

Та же броня, которая покрывала Халева духовно, сегодня доступна нам. В своем послании к христианам в Ефесе, апостол Павел писал:

Наконец, братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злой и, все преодолев, устоять. Итак, станьте, препоясав чресла ваши истиною и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть Слово Божие. Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом, и старайтесь о сем самом со всяким постоянством и молением о всех святых...

(Ефессянам 6:10-18)

Об авторе

Франсин Риверс пишет уже более тридцати лет. С 1976 по 1985 она сделала успешную карьеру светской писательницы, завоевывав многочисленные призы и награды. Уверовав в Бога в 1986 году и получив второе рождение в Иисусе Христе, Франсин написала книгу «Любовь искупительная» как свое провозглашение веры.

Впоследствии писательница опубликовала множество христианских книг, имея постоянное признание со стороны издателей и неизменную популярность среди читателей. Ее роман «Последний пожиратель греха» получил золотую награду Ассоциации евангельской христианской публицистики — ЕСПА, а три других произведения — престижные награды Ассоциации писателей-романистов США «Рита».

Франсин использует свой писательский дар, чтобы привлечь людей к Богу, а также воздает благодарность и хвалу Иисусу Христу за все, что Он сделал и продолжает делать для нее.